Хр. К. № 7293.
Ист. № 748.

КРАТКАЯ

ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ

ДО

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

А4 3/52

361

Хр. К. № 7293.
Ист. № 748.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ

ДО

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Сочиненіе

МИШЛЕ,

ПРОФЕССОРА ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
1 ИЮН 74

Перевелъ съ Французскаго

КОНСТАНТИНЪ ПУГОВИНЪ.

А4 3/52

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи департамента внѣшней торговли.
1838.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 16 Октября 1837 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Нашему вѣку суждено, произвести важную перемѣну въ области наукъ, и дать уму направленіе, сколько достойное его, столько благотворное для человѣчества. Самъ въ себѣ высокій, но можетъ быть уже до излишества поэтическій, идеалисмъ долженъ, кажется, сложить Икаровы крылья, и уступить поприще умственной дѣятельности осторожному эмпирисму. Но это не тотъ безумный, близорукій эмпирисмъ, которымъ щеголяло прошедшее столѣтіе, а эмпирисмъ просвѣщенный, скажемъ даже, эмпирисмъ идеалистическій; онъ собираетъ факты, съ жадностью ищетъ ихъ, но не для того, чтобы оставить эти драгоцѣнные матеріалы безъ пользы, безъ употребленія, а для того, чтобы вдохнуть въ нихъ мысль, и изъ бездушныхъ развалинъ составить живое цѣлое. Признавъ для себя без

опаснѣйшимъ путь синтеза, нашъ вѣкъ помнитъ, кажется, правило: чѣмъ ширѣ основаніе, тѣмъ зданіе можетъ быть выше и прочнѣе. Изслѣдовать человѣка и природу опытнымъ образомъ — вотъ цѣль современной учености, и вотъ почему историческія науки, въ наше время, вмѣстѣ съ естественными, получили столь необыкновенную важность.

Извѣстнѣйшіе современные писатели запада, особенно Франціи, посвятили себя изученію Исторіи, и Исторія въ ихъ рукахъ обратилась въ дѣйствительную науку; въ ихъ твореніяхъ невидно ограниченныхъ взглядовъ, пристрастныхъ и неосновательныхъ сужденій ученыхъ прошедшаго вѣка (*). Гизо, Тіеръ, Тіери и нѣкоторые другіе самымъ удачнымъ образомъ внесли въ область Исторіи философію. Эти корифеи новой прагматической школы, всѣ историческія событія извѣстнаго общества или извѣстной эпохи, отно-

(*) Говоря о прошедшемъ вѣкѣ, мы говоримъ вообще. Тогдашнія исключенія принадлежатъ своему вѣку только одною стороною. —

сятъ къ одной общей идеѣ, которою объясняются всѣ проявленія народной дѣятельности. По ихъ началамъ не ничтожныя причины влекутъ крестоносцевъ въ обѣтованную землю; не случайно возникаетъ исполинская власть Папъ; не прихоть королей пробуждаетъ духъ свободы въ общинахъ; наконецъ, не фанатисмъ и упорство Лютера раждаютъ Реформацію. — Всѣ эти важныя событія, измѣнившія ходъ цивилизаціи въ Европѣ, суть необходимыя слѣдствія отдаленныхъ причинъ, постепенно развивавшихся и тайно скрывавшихся въ самой общественной жизни предъидущихъ вѣковъ.

Съ того времени, какъ эта новая, возвышенная система восторжествовала, ни одинъ ученый, желающій создать что-либо прочное, безъ свѣтильника Философіи, не дерзаетъ вступать въ святилище Исторіи.

Краткая исторія Франціи Мишле принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній этой школы. Его взглядъ на исторію Франціи возвышенъ, вѣренъ и все-

гда безпристрастенъ. Сильною кистію онъ изображаетъ судьбу этого государства; объясняетъ причины смутъ, волновавшихъ его, и показываетъ намъ постепенное развитіе его общественныхъ силъ. Онъ представляетъ Францію центромъ Европейской жизни. И дѣйствительно, во Франціи раждается исполинская мысль Карла Великаго возсоздать въ прежнихъ размѣрахъ Римскую Имперію; здѣсь гордые завоеватели Галліи воздвигаютъ чудную систему феодализма и основываютъ рыцарство, — эту высокую поэзію среднихъ вѣковъ; въ ней начинаются и закрываются крестовые походы; появляются первыя общины, элементы новой гражданственности; возникаетъ и усиливается монархическая власть; учреждается важнѣйшій университетъ въ Европѣ; отсюда романическіе сыны Сѣвера, Норманы, стремятся къ завоеванію Англіи и Сициліи, — однимъ словомъ, Франція, въ средніе вѣки, отражаетъ въ себѣ всю жизнь, всю дѣятельность Европейскую; самый Французскій языкъ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, дѣлается го-

сподствующимъ отъ береговъ Шотландіи до самаго Нила.

Изъ этого краткаго очерка всякій можетъ видѣть, что исторія Франціи служитъ ключемъ къ основательному познанію исторіи и прочихъ народовъ Западной Европы. Кто желаетъ основательно изучить исторію Европы, общую связь событій и переворотовъ, потрясавшихъ въ разныя времена главнѣйшія государства ея, тотъ преимущественно долженъ обратить вниманіе свое на Францію, которая, въ среднихъ вѣкахъ и до самой революціи 1789 года, является главнѣйшею представительницею Европейской цивилизаціи.

Вотъ причины, заставившія меня перевесть на Русскій языкъ книгу Г. Мишле, служащую самымъ лучшимъ руководствомъ къ исторіи Франціи отъ временъ, предшествовавшихъ завоеванію Галліи Юліемъ Цесаремъ до созванія Генеральныхъ Чиновъ въ исходѣ прошедшаго столѣтія.

Въ настоящую эпоху литературнаго движенія, когда публика наша очевидно оказываетъ предпочтеніе серьёзнымъ кни-

гамъ, ученые, посвящающіе себя переводамъ спеціальныхъ исторій главнѣйшихъ государствъ Европы, оказываютъ ей важную услугу. Что мы знаемъ объ Испаніи, Пруссіи, Австрійской и Турецкой Имперіяхъ? Какія мы имѣемъ сочиненія, или переводы о судьбѣ этихъ государствъ? Какую массу драгоцѣнныхъ познаній пролилибы историческія руководства, составленныя съ такимъ высокимъ талантомъ, какому принадлежитъ предлагаемая мною публикѣ книга.

Переводчикъ, съ своей стороны, болѣе всего старался, сколько возможно, сохранить въ своемъ переводѣ благородную, высокую простоту и сжатость подлинника.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			Стран.
Гл.	I.	Цельты — Иверы. — Римляне. Завоеванія Кесаря.	1.
—	II.	Галлія Римская и Христіанская (до V. столѣтія нашей эры).	12.
—	III.	Германцы.—Нашествія.—Меровинги (481—751.	22.
—	IV.	Карловинги (681 — 751.	39.
—	V.	Карловинги до смерти Карла В. (755 — 814).	45.
—	VI.	Упадокъ Карловинговъ (814 — 987.	59.
—	VII.	Возшествіе на престолъ Капетовъ (987). Годъ 1000. Завоеваніе обѣихъ Сицилій и Англіи въ XI. столѣтіи.	75.
—	VIII.	Крестовой походъ (1195 — 1199).	86.
—	IX.	Двѣнадцатый вѣкъ. — Король, общины. — Абельяръ и Св. Бернардъ. — Генрихъ II Англійскій и Св. Ѳома Кентербурійскій.	93.
—	X.	Погибель короля Іоанна и Альбигойцевъ, полезная для короля Французскаго (1199 — 423).	114.
—	XI.	Людовикъ VIII. св. Людовикъ. Послѣдніе крестовые походы.	128.
—	XII.	Легисты. — Филиппъ прекрасный ипроч. (1270 — 1328).	137.
—	XIII.	Валуа. Первый періодъ войны съ Англичанами (1328 — 1380).	148.
—	XIV.	Второй періодъ войны съ Англіею. Орлеанская дѣва (1380 — 1453).	160.
—	XV.	Людовикъ XI. — Паденіе домовъ Бургундскаго, Анжуйскаго и Британскаго (1453 — 1494).	176.
—	XVI.	Первыя Италійскія войны (1494 — 1516).	189.
—	XVII.	Войны Франциска I. съ Карломъ Пятымъ (1516 — 1555).	202.

Гл. XVIII. Кальвинъ. — Религіозныя смуты до Варѳоломеевской ночи (1554 — 1572). . . . . . . 223.
— XIX. Продолженіе религіозныхъ войнъ. Генрихъ IV (1572 — 1610). . . . . 237.
— XX. Смуты въ началѣ царствованія Людовика VIII. Ришельё (1610 — 1643). . . . . 256.
— XXI. Смуты при Мазаринѣ. — Начало Колберова министерства. Людовикъ XIV. (1643 — 1661). 267.
— XXII. Продолженіе царствованія Людовика XIV. (1661 — 1715). . . . . 280.
— XXIII. Разрушеніе монархіи (1715 — 1789). . . . . . 307.

КРАТКАЯ
ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Цельты; Иберы; Римляне; завоеванія Юлія Цезаря.

Два племени, въ самой глубокой древности, обитали въ Галліи: Цельты или Галлы и Иберы; первые составляли важнѣйшую часть народонаселенія, послѣдніе были разсѣяны по южнымъ ея областямъ. Эти два народа своими нравами рѣзко отличались другъ отъ друга: Иберы, раздѣленные на небольшія горныя племена, не имѣли между собою почти никакихъ сношеній; напротивъ Галлы, живя многолюдными обществами, въ большихъ деревняхъ на обширныхъ равнинахъ, отличались духомъ общежительности.

Галлы сначала оттѣснили Иберовъ къ Пиренейскимъ горамъ, потомъ преслѣдовали ихъ въ самой Испаніи. Въ Италіи они побѣдили Лигуровъ, Сикановъ и Сикуловъ, принадлежавшихъ также къ племени Иберійскому.

Между тѣмъ Финикіяне, привлеченные въ Галлію богатыми ея рудниками, построили въ ней нѣсколько городовъ и чрезъ Тендское ущеліе проложили дорогу изъ Италіи въ Испанію. По этой-то линіи впослѣдствіи Римляне провели великолѣпныя дороги

извѣстныя подъ именемъ Авреліановыхъ и Домиціановыхъ.

За Финикіянами послѣдовали Родосскіе Дорійцы, вытѣсненные въ свою очередь выходцами изъ Іоніи. Эти послѣдніе основали городъ Марсель; принадлежавшій къ нему округъ простирался по берегу Средиземнаго моря, отъ приморскихъ Альповъ, до первыхъ поселеній карѳагенскихъ.

Въ это самое время, сѣверъ Галліи, первыя сѣмена цивилизаціи, получалъ отъ самыхъ Цельтовъ. Кимвры, народъ цельтійскаго происхожденія, водворились между прочими племенами Галліи. Кажется, что эти пришельцы, поселившіеся въ центрѣ Франціи, на берегахъ Сены и Лоары, были уже образованы въ гражданскомъ и умственномъ отношеніи; они управлялись духовнымъ сословіемъ Друидовъ. Религія сихъ послѣднихъ отличалась гораздо возвышеннѣйшею нравственностію, чѣмъ первобытная религія Галловъ: она допускала безсмертіе души.

Въ эту самую эпоху, по свидѣтельству исторіи, произошло переселеніе *Сиговеза* и *Беловеза* Sigovèse et Bellovèse), племянниковъ царя Батурійскаго. Эти первые выходцы, подъ именемъ *Исомвріянъ*, *Инсувріянъ* (is-ombriens, insubriens) водворяются въ Ломбардіи, и основываютъ тамъ Миланъ. Ихъ соплеменники поселяются въ Венеціи и строютъ Бриксію (Brixia) и Верону; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ даже Адріатическаго моря и основываютъ Болонію и Сенагалію (Senagallia), или лучше сказать, поселяются въ городахъ, прежде построенныхъ Этрусками. Потомъ Галлы переходятъ Аппенины, спускаются въ Этрурію и требуютъ земель. Извѣстно, что Римляне, принявъ при этомъ случаѣ

сторону Этрусковъ, прежнихъ своихъ враговъ, были побѣждены Галлами, которые взяли самый Римъ (388 до Р. Х.) Молодые Римляне, успѣвшіе скрыться въ Капитоліи, нѣсколько времени сопротивлялись имъ, но наконецъ принуждены были заплатить за себя выкупъ. Титъ Ливій увѣряетъ, что Камиллъ отмстилъ за свое отечество, поразивъ Галловъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они производили свои опустошенія; но гораздо достовѣрнѣе то, что они семнадцать лѣтъ оставались въ Лаціумѣ, въ самомъ Тибурѣ, у воротъ Рима. Вытѣсненные изъ Лаціума, они, подъ видомъ наемнаго войска, продолжали сражаться за Этрурію, и вмѣстѣ съ Этрусками и Самнитянами побѣждены въ тѣхъ кровавыхъ битвахъ, которыя упрочили за Римомъ, сперва владычество надъ Италіею, а потомъ и надъ цѣлымъ міромъ.

Послѣ нашествія Кимвровъ, Галлія занята была Белгами или Болгами, которые, разливешись по ней до самаго Лангедока, поселились въ этой области. Спустясь вмѣстѣ со многими другими гальскими и германскими племенами въ Дунайскую долину, они вторглись во Ѳракію и Македонію, и безуспѣшно осаждали священный утесъ Делфійскій. Другіе ихъ соплеменники перешли Босфоръ. Царь виѳинскій и греческіе города купили ихъ содѣйствіе противъ Селевкидовъ, — содѣйствіе пагубное: варвары всю Малую Азію предали грабежу и опустошеніямъ (270 — 190).

Въ это время Галлы вездѣ искали приключеній. Они принимали большое участіе въ первой Пунической войнѣ и въ кровавомъ возмущеніи африканскихъ наемныхъ войскъ. Римляне, пользуясь несчастіями Карѳагена и промежуткомъ времени, отъ первой до второй Пунической войны, покорили

Лигуровъ и италійскихъ Галловъ (239 — 222). Раздраженные притѣсненіями Римлянъ, Боп и Инсувріане (les Boies et les Insubriens) (Болонскіе и Миланскіе Галлы) вызвали изъ за Альпъ новыя орды варваровъ, которые, въ надеждѣ на корысть, пошли на защиту своихъ богатыхъ Цизалпинскихъ единоплеменниковъ. Но всѣ народы средней и южной Италіи возстали противъ этого новаго нашествія и, по расказу историковъ, вооружили семь-сотъ семьдесятъ тысячь войска. Галлы уже стремились къ Риму, когда съ тылу атаковала ихъ римская армія. Очутившись между тремя непріятельскими отрядами, они потерпѣли сильное пораженіе. Фламиній пошелъ на встрѣчу Инсувріанамъ и одержалъ надъ ними блистательную побѣду. Его преемникъ Марцеллъ убилъ въ единоборствѣ Бренна или вождя ихъ Вирдумара, и военную добычу посвятилъ Юпитеру. Покореніе Инсувріянъ послѣдовало въ 222мъ году до Р.Х. Съ этого времени Римъ утвердилъ свое владычество въ Италіи до самыхъ Альповъ.

Римъ считалъ уже италійскихъ Галловъ совсѣмъ покоренными, но является Аннибалъ и призываетъ ихъ къ новымъ подвигамъ; съ ихъ помощію онъ выигралъ знаменитыя сраженія при Тразименѣ и Каннахъ. Наконецъ Аннибалъ оставилъ Италію, но и послѣ него Галлы сопротивлялись римскимъ легіонамъ еще въ продолженіи трицати лѣтъ (201 — 170).

Въ это самое время Римляне ниспровергаютъ въ Малой Азіи могущество Галловъ или Галатовъ. Несмотря на то, что большая часть изъ нихъ отказалась помогать Антіоху, Преторъ Манлій напалъ на ихъ три племени (Трокмовъ, Толистабоевъ, Тек-

тосаговъ, Trocmes, Tolistoboies, Tectosages,) и успѣлъ вытѣснить ихъ изъ горъ, гдѣ они скрывались.

Послѣ покоренія Галловъ италійскихъ и азійскихъ, Республикѣ оставалось проникнуть въ самую Галлію, которая была гнѣздомъ этихъ варваровъ, ее тревожившихъ. Римляне, призванные въ сію страну своими союзниками марсельскими Греками, основали городъ Aquae Sextiae, что нынѣ Э (Aix) (126). Въ это время народы Галліи дѣлились на двѣ сильныя партіи: къ одной принадлежали Эдуи (Edues), впослѣдствіи приставшіе къ Карнутамъ (Carnutes), Паризіямъ (Parisii), Сенонамъ (Шартръ, Парижъ и Сансъ); къ другой Арверны и Аллоброги (Овернія и Савоія). Эдуи съ радостію увидѣли нашествіе Римлянъ, и Марсельцы исходатайствовали имъ званіе *союзниковъ и друзей Римскаго народа.* Такимъ образомъ Марсельцы ввели Римлянъ въ южную Галлію; Эдуи открыли имъ Целтику, или внутреннюю Галлію, а Реми (les Remi) Белгію.

Непріятели Рима, подъ предводительствомъ Арверновъ и ихъ начальника Битуита (Bituit), съ свойственною Галламъ опрометчивостію, вступили въ неровный бой съ Римлянами и были ими разбиты на берегахъ Роны. Консулы продолжали движеніе къ Пиренеямъ и, при самомъ входѣ въ Испанію, основали могущественную колонію, Narbo-Martius (Нарбонъ). Она была Гальскимъ Римомъ и соперницею Марсели (119).

Въ это самое время, Кимвры или Цимвры и Тевтоны, варвары гальскаго и германскаго происхожденія, устрашенные наводненіемъ Балтики, въ числѣ трехъ сотъ тысячь воиновъ, двинулись къ югу; ихъ семейства, старцы, жены и дѣти слѣдовали за ними въ телѣгахъ. Опустошивъ среднюю

Галлію, они переправились чрезъ Рону и разбили три римскія арміи. Толозскіе Тектосаги, единоплеменники Кимвровъ, свергнувъ римское иго, звали ихъ къ себѣ на помощь. Консулъ Цепіонъ предалъ разграбленію Толозу, но потомъ самъ былъ разбитъ и сто двадцатитысячное войско его истреблено совершенно. Послѣ этого пораженія, Кимвры наводнили собою Испанію. Римъ, вызвавъ изъ Африки Марія, ввѣрилъ ему свою защиту. Этотъ мужественный вождь заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ, училъ свои войска и долго уклонялся отъ сраженія; но наконецъ самъ напалъ на варваровъ и истребилъ ихъ сто тысячъ человѣкъ. Деревня Пурріеръ (Pourrières) и до нынѣ сохранила имя, данное мѣсту, гдѣ происходила битва: Campi putridi. — Не взирая на это пораженіе, Кимвры перешли Альпы Норійскіе, и спустились въ долину, орошаемую Адижемъ. Марій поспѣшилъ соединиться съ своимъ товарищемъ Катуломъ, встрѣтился съ ними на Версельской равнинѣ (Verseil), опять далъ сраженіе и опять разбилъ ихъ; но этою побѣдою онъ обязанъ, преимущественно, поднявшейся пыли и знойнымъ лучамъ солнца, ударявшимъ прямо въ лице непріятелямъ. Послѣ пораженія, жены Кимвровъ зарѣзали своихъ дѣтей и сами повѣсились. Собаки защищали мертвыя тѣла ихъ, такъ что Римляне принуждены были убивать ихъ стрѣлами. Марій вырѣзалъ на своемъ щитѣ Галла, вырывающаго себѣ языкъ,—любимое въ Римѣ изображеніе со временъ Торквата. Народъ назвалъ его третьимъ основателемъ Рима послѣ Ромула и Камилла (112 — 101).

Марій спасъ римскую республику, но Цезарь расширилъ ея владѣнія завоеваніемъ всей Галліи. Страна эта, въ то время, когда онъ проникъ въ

нее, казалось, убѣждена была въ невозможности устроить судьбу свою собственными силами. Хотя въ ней было нѣсколько городовъ, служившихъ пріютомъ среди всегдашней войны, но всѣ земледѣльцы были рабы, и Цезарь могъ сказать: Галлія имѣетъ только два сословія: друидовъ и всадниковъ (equites). Мы сказали уже, что владычество надъ Галліею было раздѣлено собственно между Эдуями и Арвернами; послѣдніе вмѣстѣ съ Секванами призвали къ себѣ на помощь германскіе племена Свевовъ, которые, подъ предводительствомъ вождя своего Аріовиста, перешли Рейнъ и разбили Эдуевъ. Одна часть побѣжденныхъ обратилась съ прозьбою о помощи къ Римлянамъ, другая къ Гельветамъ. Эти Горцы уже три года приготовлялись къ походу и ихъ приготовленія показывали, что они навсегда хотѣли покинуть свою землю. Они предали пламени свои двѣнадцать городовъ и четыреста селъ, и истребили всѣ припасы, которыхъ не могли взять съ собою. Считая женщинъ и дѣтей, число ихъ простиралось до трехъ сотъ семидесяти-осьми тысячь. Эта многочисленность должна была затруднять ихъ въ пути, и они рѣшились итти чрезъ римскую провинцію; но близь Женевы встрѣтилъ ихъ Цезарь, который остановилъ ихъ и удерживалъ до тѣхъ поръ, пока успѣлъ отъ береговъ озера, до самой горы Юры, построить стѣну въ десять тысячь футовъ длины и шестнадцать футовъ ширины. Встрѣтивъ это препятствіе, Гельветы принуждены были пробираться по утесистымъ мѣстамъ и подниматься потомъ вверхъ по Саонѣ. Цезарь, настигнувъ ихъ при переправѣ чрезъ эту рѣку, атаковалъ одно изъ ихъ племенъ, отдѣлившееся отъ другихъ, и истребилъ его совершенно. Гельветы начали отступать; но

Цезарь опять настигъ ихъ у самаго Рейна, принудилъ положить оружіе и возвратиться въ свою землю.

Но отраженіе Гельветовъ ничего не значило, пока Свевы могли безпрепятственно вторгаться въ Галлію. Ихъ перешло туда уже сто двадцать тысячь. *Галлія готова была скоро сдѣлаться Германіей.* Цезарь быстро двинулся къ лагерю варваровъ, который въ это время находился близь Рейна. До новолунія они не хотѣли принимать сраженія; но Цезарь на нихъ напалъ: завязалась битва ужасная и Свевы совершенно разбиты; почти всѣ успѣвшіе спастись отъ римскаго оружія, погибли въ волнахъ Рейна.

Сѣверные Галлы, Белги и другія племена, опасаясь, чтобы побѣдители Свевовъ не остались въ Галліи, заключили между собою общій союзъ; но это самое подало Цезарю случай проникнуть въ Белгію. Онъ имѣлъ при себѣ одного друида, служившаго ему вмѣстѣ проводникомъ и переводчикомъ; при его посредствѣ Белловаки и Суессіоны (les Bellovaques et les Suessions) (Бове и Суасонъ) покорились Римлянамъ. Но Нервіи (Hainaut), поддерживаемые Атребатами (ces Atrebates) и другими племенами въ дремучихъ лѣсахъ на берегахъ Самбры, стремительно напали на римскую армію и уже ласкали себя надеждою разбить непріятелей. Цезарь, видя опасность, беретъ знамя и бросается впередъ. Совершенное истребленіе варваровъ было наградою за его необыкновенное мужество. Не скрывая болѣе своего намѣренія — завоевать Галлію, онъ рѣшился покорить всѣ племена, обитавшія вдоль морскаго берега. Онъ проникъ въ лѣса и болота Менаповъ и Мориновъ (les Ménapes et les Morines) (Zelande et Gueldre, Gand, Bruges, Boulogne); одинъ изъ подчи-

ненныхъ ему вождей покорилъ Унелловъ, Эбуровіянъ и Лессовіянъ; другой, юный Красъ, завоевалъ Аквитанію. Самъ Цезарь лично атаковалъ Венетовъ и другія племена Арморики, имѣвшія постоянныя сношенія съ Великобританіею и получавшія оттуда помощь. Поэтому, для покоренія ихъ надобно было занять море судами. Никакія препятствія неостанавливали Цезаря. Онъ построилъ корабли, образовалъ матросовъ и показалъ имъ способъ останавливать суда непріятельскія, цѣпляясь за нихъ желѣзными крючьями, и перерубая снасти. Убѣдясь, что покореніе малой Британіи зависитъ отъ завоеванія большой, онъ рѣшился туда внести римское оружіе и нанести Друидамъ рѣшительный ударъ; но прежде хотѣлъ поразить варваровъ германскихъ, и для этаго переправился чрезъ Рейнъ.

Два сильные германскіе народа, Узипины и Танктеры, безпокоимые нападеніями Свевовъ, также вторглись, около этаго времени, въ Галлію (55). Цезарю было довольно одного сраженія, чтобы разбить ихъ совершенно. Послѣ битвы, не взирая на чрезвычайную ширину и быстроту Рейна, онъ въ десять дней навелъ чрезъ него мостъ и переправился не подалеку отъ Кельна (Cologne). Не встрѣчая въ германскихъ лѣсахъ Свевовъ, онъ возвращается назадъ, проходитъ всю Галлію и въ томъ же году плыветъ въ Британію. Недоброжелательство Галловъ и большіе морскіе приливы, разсѣявшіе флотъ его, заставляютъ его возвратиться безъ успѣха; но въ слѣдующемъ году онъ обращаетъ въ бѣгство Британцевъ, беретъ ихъ укрѣпленія, защищаемыя непроходимыми болотами, среди которыхъ скрывались ихъ семейства и скотъ; пишетъ въ Римъ, что Британія обложена данью, и посылаетъ туда

большое количество мелкаго жемчуга, который въ то время ловился у британскихъ береговъ.

Между тѣмъ во всей Галліи вспыхнуло возмущеніе. Эбуроны (les Eburons, Ліежь) истребляютъ одинъ легіонъ и осаждаютъ (*) другой; для освобожденія его, Цезарь съ восьмью тысячами воиновъ пробирается сквозь шестьдесятъ тысячь Галловъ. Въ слѣдующемъ году (53) онъ собираетъ въ Лютецію всѣ чины Галліи; но Нервіи и Тревиры, Сеноны и Карнуты не являются. Цезарь нападаетъ на нихъ порознь и побѣждаетъ; въ другой разъ переходитъ Рейнъ и останавливаетъ германскія племена, спѣшившія на помощь союзникамъ. Послѣ этого онъ сокрушаетъ обѣ партіи, раздѣлявшія Галлію: Сеноновъ и Эбуроновъ; преслѣдуетъ въ лѣсахъ вождя послѣднихъ храбраго Амбіорикса (Ambiorix) и руками самихъ Галловъ совершенно истребляетъ его народъ. Эти жестокости побѣдителя примиряютъ всѣ племена. Въ первый разъ онѣ между собою согласны. Самые Эдуи тайно благопріятствуютъ общему возстанію. Карнутскіе Друиды подаютъ первый сигналъ, повторяемый криками изъ деревни въ деревню, онъ пробѣгаетъ въ одинъ день сто пятьдесятъ миль и вечеромъ уже отзывается у Авернезовъ, нѣкогда бывшихъ врагами Друидовъ, а теперь ихъ союзниковъ. Главнымъ предводителемъ возмутившихся былъ одинъ молодой Арвернецъ, неустрашимый и пылкій. Онъ намѣревался въ одно время на югѣ вторгнуться въ римскую провинцію, а на сѣверѣ напасть на легіоны. Цезарь, бывшій тогда въ Италіи, предъугадалъ и предъупредилъ

(*) Римскіе легіоны укрѣплялись въ лагерѣ, получавшемъ, по словамъ древнихъ, почти видъ города.

его замыселъ. Онъ переправляется чрезъ Альпы, приводитъ въ безопасность римскія владѣнія; по снѣгу, глубиною въ шесть футовъ, переходитъ горы Севенскія и неожиданно является предъ лагеремъ Арверновъ. Юный вождь увидѣлъ, что отвратить неминуемую опасность можно только однимъ средствомъ: лишить римскую армію всѣхъ способовъ получать жизненные припасы, и для этого, совѣтуетъ союзникамъ самимъ сжечь свои города. Предложеніе принято и геройски исполнено. Двадцать городовъ Битуригскихъ преданы пламени. Когда же очередь доходитъ до обширнаго Агендикума (Bourges), жители на колѣнахъ умоляютъ вождя пощадить самый красивый городъ Галліи; но, пощаженный своими, онъ разрушенъ Цезаремъ. Между тѣмъ Эдуи, составлявшіе его конницу, объявляютъ себя врагами Римлянъ. Полководецъ Цезаря Лабіенъ, бывшій въ это время въ сѣверной части Галліи, избавился отъ гибели только побѣдою между Лютеціей и Мелюномъ. Самъ Цезарь безуспѣшно осаждаетъ Жерговію Арвернскую. Обстоятельства до того были затруднительны, что онъ рѣшился отступить въ римскую Галлію. Непріятельская армія преслѣдуетъ и настигаетъ его; завязался упорный бой; Цезарь былъ въ величайшей опасности; онъ чуть не взятъ непріятелями, въ рукахъ которыхъ остался его мечь; но удачное движеніе германской конницы, служившей въ рядахъ римскаго войска, рѣшило побѣду въ его пользу. Побѣжденные Галлы укрѣпляются подъ стѣнами города Алезіи (Alesia), построеннаго на вершинѣ горы и весьма крѣпкаго. Цезарь рѣшается осадить ихъ многочисленную армію; городъ и лагерь обнесены сильными укрѣпленіями. Отчаянныя усилія осажденныхъ, томимыхъ ужаснѣйшимъ

голодомъ, усилія двухъ сотъ пятидесяти тысячь Галловъ, съ другой стороны нападающихъ на римскій лагерь, неимѣютъ никакого успѣха. Наконецъ галльскій вождь предается въ руки побѣдителя, и Цезарь покоряетъ всѣ народы Галліи, еще пытающіеся отдѣльно ему сопротивляться (51).

Съ этого времени онъ перемѣняетъ свою политику съ Галлами: онъ ихъ ласкаетъ; платимую ими дань называетъ почетнымъ именемъ *военнаго оклада*; самыхъ лучшихъ изъ ихъ воиновъ приглашаетъ въ свою службу; образуетъ изъ нихъ особый легіонъ, носившій на шлемахъ изображеніе жаворонка, и отъ этого названный *alauda* (жаворонокъ). Война въ Галліи была для Цезаря пріуготовленіемъ къ войнѣ междоусобной: покоренные имъ Галлы помогли ему покорить Римъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Римская и Христіанская Галлія (до V стол. по Р. Х.)

Междоусобная война, въ которой Цезарь заставилъ Галловъ принять участіе, была для нихъ выгодна. Скоро Римляне съ негодованіемъ увидѣли въ Сенатѣ Галловъ, засѣдающихъ между Цицерономъ и Брутомъ. Но Октавій меньше Цезаря имъ покровительствовалъ. Онъ выключилъ ихъ изъ Сената, увеличилъ дань, платимую Галліею и построилъ въ ней городъ *Валенцію* (это имя было однимъ изъ таинственныхъ именъ вѣчнаго града); основалъ много военныхъ колоній, какъ то: въ Оранжѣ, Фре-

юсѣ, Эксѣ, Антѣ, Віенѣ и проч. (à Orange, Frejus, Aix, Apt, Vienne). Нѣкоторые города названы именемъ Августа и вмѣстѣ съ тѣмъ получили отъ него нѣкоторыя особенныя преимущества. Въ Галліи было много знаменитыхъ и древнихъ городовъ; но главнымъ въ ней мѣстопребываніемъ римскаго правительства Августъ избралъ недавно выстроенный Ліонъ. Здѣсь-то, при сліяніи Саоны съ Роною, шестьдесятъ городовъ Галліи воздвигли алтарь Августу, въ присутствіи пасынка его Друза, и причислили его къ мѣстнымъ божествамъ. Сверхъ того воздвигнуты ему жертвенники въ Сентѣ, Арлѣ, Нарбонѣ и проч. (à Saintes, à Arles, à Narbonne). Древняя религія Галловъ легко слилась съ римскимъ политеизмомъ; но Друиды долго еще отвергали его. Нѣтъ сомнѣнія, что они принимали участіе въ возмущеніи, вспыхнувшемъ при Тиверіи, хотя исторія и говоритъ, что причиною его были безмѣрные налоги. Зачинщиками этого мятежа были Юлій Сакровиръ и Юлій Флоръ, возмутившій Тревировъ.

Андикавы и Туронійцы (Les Andicaves et les Turoniens) (Анжу и Турень) возстали первые, но скоро были усмирены. Тревиры, нечаянно атакованные легіонами, разсѣялись, и Флоръ умертвилъ себя. Гораздо опаснѣе былъ мятежъ Эдуянъ. Сакровиръ, съ отлично устроеннымъ войскомъ, взялъ столицу Эдуевъ Августодунъ (теперь Autun), гдѣ занимались науками дѣти гальскаго дворянства, и роздалъ жителямъ оружіе. Скоро онъ сдѣлался вождемъ сорокатысячной арміи, пятая часть которой была вооружена по образцу римскихъ легіоновъ. Присоединивъ къ ней невольниковъ, назначенныхъ въ гладіаторы, онъ облекъ ихъ въ желѣзную броню;

но не смотря на всѣ эти благоразумныя распоряженія, Сакровиръ былъ побѣжденъ и, подобно Флору, умертвилъ самъ себя.

Калигула, какъ и дѣдъ его Антоній, былъ покровителемъ варваровъ. Рожденный въ Тревѣ (Trèves), онъ установилъ въ Ліонѣ смѣшныя и вмѣстѣ ужасныя игры, на которыхъ охотники публично состязались въ краснорѣчіи; побѣжденный долженъ былъ языкомъ стирать свое сочиненіе, или броситься въ Рону. Онъ любилъ окружать себя знаменитыми Галлами. — Клавдій былъ Галлъ; его родина — Ліонъ. Если бы судьба позволила ему, говоритъ Светоній, царствовать долѣе, то онъ далъ бы право римскаго гражданства всѣмъ народамъ запада: Грекамъ, Испанцамъ, Британцамъ, Галламъ и особенно Эдуямъ, которымъ опять открылъ входъ въ римскій Сенатъ. Произнесенная имъ, при этомъ случаѣ, рѣчь, хранящаяся въ архивахъ Ліона на бронзовыхъ таблицахъ, есть первый достовѣрный памятникъ нашей исторіи.

Между тѣмъ Клавдій гналъ кровожадную религію Друидовъ. Изгнанные изъ Галліи, они укрылись въ Британіи. Онъ преслѣдовалъ ихъ и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ; его полководцы объявили римскою провинціею всѣ земли, образующія бассейнъ Темзы, и основали въ Камуладунѣ обширную военную колонію. Отправленные на западъ легіоны вездѣ ниспровергали алтари, истребляли древнія священныя рощи, такъ что при Неронѣ единственнымъ пріютомъ для друидизма служилъ островъ Мона (Mona). Светоній Павлинъ проникнулъ и туда; но въ это время остававшіеся въ тылу Британцы возстали, подъ предводительствомъ знаменитой Боадицеи и успѣли истребить

военную колонію и пѣхоту одного легіона. Светоній возвратился и одержалъ надъ ними самую блистательную побѣду. Церіалъ и Фронтинъ продолжали послѣ него завоеваніе сѣвера. Наконецъ Агриколѣ, Тацитову тестю, суждено было въ царствованіе Домиціана довершить покореніе Британіи.

Неронъ покровительствовалъ Галліи. Онъ хотѣлъ провести между Мозелью и Саоною каналъ, и такимъ образомъ соединить Океанъ съ Средиземнымъ моремъ, и оказалъ пособіе Ліону, сгорѣвшему въ его царствованіе. Вотъ почему въ междоусобную войну, низвергшую его съ престола, этотъ городъ оставался ему вѣрнымъ! Главнымъ зачинщикомъ возстанія былъ Аквитанецъ Виндексъ (Vindex), тогдашній правитель Галліи, внушившій Галбѣ мысль — объявить себя Императоромъ (68). Послѣ насильственной смерти Виндекса, Галлія приняла сторону Вителлія. Германскіе легіоны, при помощи которыхъ онъ побѣдилъ Отона и взялъ Римъ, большею частію состояли изъ Германцевъ, Батавовъ и Галловъ. Поэтому не должно удивляться, что Галлія съ прискорбіемъ видѣла торжество Веспасіана. Одинъ батавскій вождь, по имени Цивилисъ (Civilis), кривой подобно Аннибалу и Серторію, и, какъ они, непримиримый врагъ римскаго имени, воспользовался этимъ случаемъ. Къ нему пристали всѣ Батавы и Белги; его поддерживала знаменитая Велледа, почитавшаяся у германскихъ народовъ существомъ сверхъ-естественнымъ. Въ это самое время Друиды выходили изъ своихъ убѣжищъ и вездѣ провозглашали, что Римъ скоро долженъ уступить Галламъ всемірное владычество. Не нужно было римской арміи, чтобы потушить пламя мятежа; довольно было однихъ Галловъ, оставшихся

вѣрными Риму. Начальникъ мятежниковъ Сабиній, съ своею женою Эпониною, скрылся въ одномъ подземельи, и въ этомъ ужасномъ заточеніи прижилъ съ нею нѣсколькихъ дѣтей. Послѣ десятилѣтнихъ безуспѣшныхъ поисковъ, они были наконецъ открыты. Эпонина предстала предъ Веспасіаномъ, окруженная своими несчастными дѣтьми, которыя въ первый разъ видѣли дневной свѣтъ. Жестокая политика Императора не пощадила ихъ.

Въ Белгіи и Батавіи война была гораздо кровопролитнѣе. Правда Белгія скоро покорилась, но болотистая Батавія продолжала сопротивляться. Римскій вождь Церіалисъ, два раза побѣжденный и два раза остававшійся побѣдителемъ, напослѣдокъ успѣлъ кончить войну, привлекши на свою сторону Велледу и Цивилиса.

Эта война показала, какими тѣсными узами соединена была Галлія съ Имперіею. Римляне посѣщали въ Марселѣ греческія школы. Южные Галлы, живые, пронырливые, отличались краснорѣчіемъ и медицинскими познаніями; въ мимическихъ представленіяхъ обнаруживали большое искуство: знаменитый актеръ римскій Росцій былъ Галлъ. Первымъ учителемъ краснорѣчія въ Римѣ былъ также Галлъ Гнифонъ (М. Антоній, Онъ-то образовалъ двухъ величайшихъ ораторовъ того времени, Цезаря и Цицерона. Въ царствованіе Тиверія, Монтаны (les Montanus) блистали ораторскимъ талантомъ и отличались любовію къ свободѣ. Лучшіе друзья Калигулы были два краснорѣчивые Галла: Валерій Азіатикъ и Домицій Аферъ. Колосальная статуя гальскаго Меркурія въ Арвернахъ, была работы Галла Зенодора. Неронъ, любившій произведенія искуствъ, отличавшіяся огромными размѣ-

рами, вызвалъ его въ Римъ для сооруженія себѣ близъ Форума статуи, вышиною во 120 футовъ.

Скоро вліяніе Галліи на дѣла Имперіи сдѣлалось непосредственнѣе и важнѣе. Аквитанецъ Виндексъ, низвергнувъ съ престола Нерона, возвелъ на его мѣсто Гальбу; Тулузянинъ Бекъ (Антоній Примъ) другъ Марціала и самъ поэтъ доставилъ владычество надъ Имперіею Веспасіану, уроженецъ Прованса Агрикола покорилъ Домиціану Британію; наконецъ отъ одной фамиліи изъ Нима произошелъ Антонинъ кроткій, усыновившій Марка Аврелія.

Въ первомъ вѣкѣ существованія Имперіи, Галлія участвовала въ выборѣ Императоровъ; во второмъ мы видимъ на римскомъ престолѣ природныхъ Галловъ; въ третьемъ она пыталась уже отдѣлиться отъ распадавшейся Имперіи и образовать новую Галло-Римскую. Полководцы, въ царствованіе Галліена, облекавшіеся въ императорскую порфиру въ Галліи, всѣ почти были великіе люди; первый изъ нихъ Постумій былъ прозванъ возстановителемъ своего отечества. Его армія составлена была изъ Галловъ и Франковъ. Онъ убитъ солдатами за то, что не хотѣлъ отдать имъ на разграбленіе возмутившійся противъ него Майнцъ. Мы ограничимся только означеніемъ именъ его преемниковъ: оружейнаго мастера Марія, Викторина и Викторіи *матери легіоновъ*, наконецъ Тетрика (Tétricus). Послѣдній, вмѣстѣ съ царицею Пальмирою принужденъ былъ идти за тріумфальной колесницей Авреліана. Впрочемъ эти событія, хотя и происходили въ Галліи, относятся больше къ Исторіи римскихъ войскъ, ее занимавшихъ (260—271).

Большая часть этихъ провинціальныхъ Императоровъ, этихъ *тирановъ*, какъ ихъ называли, были

Государственная ... ... Отд. ...

великіе люди; ихъ преемники, возстановившіе единство Имперіи, Авреліаны и Пробы, еще превышали ихъ; между тѣмъ Имперія въ ихъ рукахъ видимо разрушалась. Причиной этого не должно считать нашествіе варваровъ; впаденіе Кимвровъ, во времена Республики, было гораздо опаснѣе; виною бѣдствій не должно вообще считать и Императоровъ. Еслибы зло крылось въ постановленіяхъ политическихъ и гражданскихъ, то Императоры, столь мудрые, моглибы, конечно, возстановить разстроенное государство. Зло таилось въ нѣдрахъ общества, и одно только коренное его обновленіе могло произвести спасительный переворотъ. По мѣрѣ истребленія войною мелкихъ хлѣбопашцевъ, богатые владѣльцы, въ руки которыхъ переходили земли, замѣняли ихъ невольниками. Послѣдніе, обремененные тяжкими работами, также уменшались въ числѣ. Успѣхи промышленности тогда еще не доставляли, какъ въ наше время, средствъ къ постоянному умноженію общественнаго богатства. Съ того времени, какъ промышленное, свободное поколѣніе замѣнилось рабами, земля, для обработки которой часто недоставало трудолюбивыхъ рукъ, естественно не могла удовлетворять непрестанно умножавшимся потребностямъ.

Возраставшія непрестанно бѣдствія Имперіи, преимущественно ощутительныя для земледѣльцевъ, заставили ихъ наконецъ возмутиться. Всѣ гальскіе невольники вооружились подъ именемъ *Багодъ* (Bagaudes) (287); сожгли много городовъ и произвели большія опустошенія. Они выбрали себѣ двухъ начальниковъ, Эліана и Аманда, которые, если вѣрить преданію, были христіане. Однако Максиминъ разсѣялъ ихъ нестройныя толпы.

Христіанскіе Императоры не могли отвратить этихъ бѣдствій. Всѣ ихъ попытки обличали только безсиліе законовъ. При Августѣ, и послѣ него, для умноженія народонаселенія, издаваемы были постановленія, противныя даже нравственности. Пертинаксъ и Авреліанъ роздали всѣ свободныя земли въ Италіи. Пробъ для оживленія въ Галліи земледѣлія, принужденъ былъ переводить въ нее людей и рогатый скотъ изъ Германіи. Онъ опять насадилъ виноградники, Домиціаномъ истребленные. Максиминъ и Констанцій Хлоръ переселили въ пустыни Пикардіи и Лангра Франковъ и другія германскія племена; но не смотря на всѣ эти мѣры, народонаселеніе ощутительно уменшалось въ городахъ и деревняхъ. Съ каждымъ днемъ нѣсколько граждан переставали платить подати; за то тѣмъ болѣе должны были платить остававшіеся въ живыхъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ народонаселеніе убывало, налоги увеличивались.

Устрашенные этими бѣдствіями Императоры рѣшились на самую отчаянную мѣру. Они даровали народамъ свободу. Граціанъ предложилъ провинціямъ образовать народныя собранія; Гонорій пытался ввести ихъ въ Галліи; онъ совѣтовалъ, просилъ, грозилъ, опредѣлялъ пени противъ уклонявшихся отъ этихъ собраній. Все было напрасно, ничто не могло оживить народъ, изнемогшій подъ тяжестію общественныхъ бѣдствій. Онъ уже въ другую сторону устремлялъ свои взоры; не думалъ болѣе о безсильныхъ Императорахъ, и только ожидалъ смерти, по крайнѣй мѣрѣ смерти Имперіи и нашествія варваровъ.

Пусть же придутъ Варвары. Древнее общество отжило свое время; зданіе нѣсколькихъ вѣковъ, ос-

*

нованное рукою завоевателей, нѣкогда скрѣпленное цѣпями рабства, уже разрушается. Но неужели гордый владыка міра, ненасытимый Римъ отказываясь отъ Галліи, не оставилъ въ ней послѣ себя никакихъ слѣдовъ? Нѣтъ; слѣды его владычества глубоки; онъ тамъ оставилъ гражданское устройство, правильную администрацію, однимъ словомъ, муниципальныя формы, которыя, при нашествіи варваровъ, были поддержаны духовенствомъ. Римское достоинство défensor civitatis переходитъ къ Епископамъ. Исчезла монархія гражданская; но ея мѣсто заступила монархія церковная, въ началѣ, правда, еще колеблющаяся, но уже готовая сдѣлаться всеобщею. Орденъ Св. Венедикта даетъ древнему міру, истощенному рабствомъ, первый примѣръ труда, совершеннаго свободными руками, — и этотъ примѣръ служитъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ утвердилось существованіе новѣйшихъ обществъ.

Начнемъ нѣсколько выше исторію Христіанства въ Галліи.

Галлія, приготовленная ученіемъ Друидовъ, съ жаромъ приняла Христіанство; казалось, она только и ожидала его появленія. Ни въ одной странѣ не было столько мучениковъ за вѣру. Азійскій Грекъ, Св. Поѳинъ, основалъ церковь въ Ліонѣ, сдѣлавшемся религіозною столицею Галліи; но въ селахъ новая вѣра распространилась не такъ быстро. Св. Мартинъ, даже въ четвертомъ вѣкѣ, обращалъ въ Христіанство цѣлыя племена и разрушалъ языческіе храмы.

Церковь Галликанская отличалась тогда ревностію своею къ защитѣ догматовъ православныхъ; въ третьемъ вѣкѣ Св.Ириней писалъ противъ Гно-

стиковъ; въ четвертомъ Св. Гиларій Поатьерскій сильно защищалъ единосущіе Отца и Сына, и подобно Аѳанасію, подвергся ссылкѣ. Св. Амвросій, родившійся въ Тревѣ, принадлежитъ также къ отцамъ Церкви Галликанской.

До сихъ поръ эта Церковь совершенно сообразовалась съ Церковью вселенскою. Но едва взошелъ на престолъ Овернецъ Авитъ, Галлія, можетъ быть, увлеченная примѣромъ Оверніи, искавшей независимости гражданской, начала объявлять притязанія на свободу мысли. Галлъ Пелагій первый пытался освободить волю нашу отъ вліянія благодати. Его противникъ, Св. Іеронимъ, изображаетъ его исполиномъ, онъ приписываетъ ему ростъ, силу и плеча Милона Кротонскаго. Пелагій съ трудомъ объяснялся, но его рѣчь была исполнена силы. Его ученіе, отвергающее первородный грѣхъ, представляло безполезнымъ искупленіе, слѣдовательно совершенно противорѣчило главнымъ догматамъ Христіанства.

Это ученіе сначала имѣло большой успѣхъ и даже принято Папою, но скоро Св. Августинъ опровергъ его. Чувствуя свою слабость, оно рѣшилось допустить нѣкоторыя измѣненія въ своихъ началахъ, и явилось въ Провансѣ подъ именемъ полупелагіанизма. Но эти уступки не принесли ему никакой пользы. Не взирая на святость Британца Фауста, на уваженіе, какимъ пользовались Арльскіе Епископы и на славу знаменитаго монастыря Леринскаго (de Lerins), давшаго Церкви двѣнадцать Архіепископовъ, двѣнадцать Епископовъ и болѣе ста мучениковъ, ученіе о благодати восторжествовало. Съ нашествіемъ варваровъ, богословскія пренія прекратились, школы

закрылись и умолкли. Тогда міръ имѣлъ нужду въ вѣрѣ, простотѣ и терпѣніи.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Народы Германскіе; — ихъ нашествіе; — Меровинги (481-751).

Нравы первыхъ обитателей Германіи ничѣмъ не отличались отъ нравовъ другихъ варварскихъ народовъ. Германцы были гостепріимны, мстительны, пристрастны къ игрѣ и крѣпкимъ напиткамъ, предоставляя женамъ своимъ обработываніе полей. Писатели, исключительно усвоивавшіе эти и другія подобныя черты Германцамъ, очевидно не знали никакихъ другихъ варваровъ. Впрочемъ не должно ихъ смѣшивать съ пастушескими народами Монголіи, ни съ племенами звѣроловцевъ Америки. Народы германскіе были расположены болѣе къ земледѣльческому образу жизни, жили ближе другъ къ другу, и потому представляются не такъ грубыми, кажутся болѣе варварами, чѣмъ дикарями.

Въ эпоху, отъ которой Тацитъ начинаетъ исторію Германіи, могущество Кимвровъ и Тевтоновъ на западѣ было уже въ упадкѣ; на востокѣ являлись Готы и Лонгобарды; Англы едва были извѣстны; конфедерація Франковъ еще не образовалась; сильнѣйшимъ племенемъ тогда были Свевы.

Нашествіе послѣдователей Одина, Готѳовъ (Ютовъ, Гепидовъ, Ломбардовъ и Бургундовъ), и Саксо-

новъ распространило между Свевами прочнѣйшія начала цивилизаціи и одушевило ихъ духомъ героическимъ. Хотя религіозная система Одина гораздо позже получила полное свое развитіе, однако уже и въ то время она принесла съ собою элементы жизни благороднѣйшей, нравственности болѣе возвышенной; она обѣщала храбрымъ безсмертіе, рай (walhalla), гдѣ ихъ ожидали непрестанные пиры.

Каждое изъ этихъ племенъ имѣло свой отличительный характеръ. У Готовъ, Лонгобардовъ и Бургундовъ преобладала власть военная; ими управляли вожди ихъ на полѣ битвъ, называвшіеся Амали, Балти (des Amali, des Balti). Духъ воинскаго братства (comitatus) еще Тацитомъ замѣченный у первыхъ Германцевъ, былъ у этихъ народовъ во всей силѣ. »Кто переживалъ своего начальника, кто безъ него возвращался съ поля битвы, тотъ въ общемъ мнѣніи подвергался всякому позору. Защищать его собственнымъ своимъ тѣломъ; относить къ его славѣ всѣ свои подвиги было первою клятвою подчиненныхъ. Князья сражаются за побѣду, товарищи за князя... Коней для битвы они требуютъ отъ него; неполучая никакой платы, они довольствуются его сытнымъ столомъ, для котораго потребное доставляетъ война и грабежъ.«

Извѣстна причина перваго переселенія варваровъ въ Имперію. До 375 года они производили только временные набѣги. Въ это время Готы, безпокоимые Гуннами, разорявшими ихъ поля, получили позволеніе поселиться въ Восточной Имперіи на берегахъ Дуная. По обращеніи въ Христіанство и сближеніи съ Римлянами, ихъ нравы нѣсколько смягчились. Раздраженные притѣсненіями сборщиковъ податей, они опустошили всѣ области, лежа-

щія между Чернымъ и Адріатическимъ морями; но самые эти набѣги ознакомили ихъ съ роскошью побѣжденныхъ, съ которыми они вступили въ родственныя связи, и еще болѣе смягчили ихъ воинственный характеръ. Ѳеодосій два раза нанималъ ихъ и два раза они помогали завоевывать Западную Имперію, въ которой Франки, сначала, также усилились, какъ Готы въ Восточной. Ихъ вожди: Мелободъ при Граціанѣ, Арбогастъ при Валентиніанѣ II, были на западѣ настоящими императорами.

При Гоноріѣ, Британецъ Константинъ объявилъ Галлію и Испанію независимыми. Это обстоятельство примирило Гонорія съ Готами. Атольфъ братъ Аларика, вступилъ въ бракъ съ Плакидою, сестрою Гонорія; а преемникъ его Валлія (Wallia) утвердился въ Тулузѣ съ своими дружинами, поступившими въ службу Имперіи. Подвигаясь постоянно далѣе, Готы не болѣе, какъ въ теченіе полувѣка, овладѣли сначала Аквитаніей, а потомъ подчинили себѣ и всю Испанію.

Впрочемъ императоры давно уже содержали наемныя дружины варваровъ. Переселеніе въ Имперію этихъ пришельцевъ сначала принесло важную пользу, разстроивъ притѣснительную систему налоговъ, подъ тяжестію которой стенали народы. Бургунды, поселившіеся на западной сторонѣ Юры (413), около тогоже времени, какъ Готы заняли Аквитанію (419), отличались еще большею кротостію.

Но варвары, водворившіеся въ Галліи, не долго обладали занятыми ими землями. Тѣ самые Гунны, которые нѣкогда принудили Готовъ переправиться чрезъ Дунай, теперь гоня предъ собою германскія

племена, остававшіяся еще въ своемъ отечествѣ, перешли Рейнъ. Гenсерикъ призвалъ Аттилу противъ Готовъ тулузскихъ. По свидѣтельству одного историка, не заслуживающаго впрочемъ большаго довѣрія, Аттила приглашенъ былъ своимъ соотечественникомъ Асціемъ, полководцемъ Западной Имперіи, вознамѣрившимся возжечь войну между Готами и Гуннами, и такимъ образомъ истребить оба народа собственнымъ ихъ оружіемъ. Аттила разорилъ на пути своемъ Мецъ и многіе другіе города. Память объ этихъ ужасныхъ событіяхъ сохранилась во многихъ легендахъ. Св. Женевіева спасла Парижъ отъ розоренія. Епископъ Аніанъ мужественно защищалъ Орлеанъ. Страшный завоеватель влекъ за собою въ Галлію всѣхъ варваровъ сѣвера и востока. Въ кровопролитной битвѣ при Шалонѣ (451) погибло почти три ста тысячь человѣкъ. Аттила, находясь въ опасности быть взятымъ въ плѣнъ, велѣлъ изъ сѣделъ своей конницы сложить огромный костеръ, и, ставъ на немъ съ зажженнымъ въ рукахъ факеломъ, готовъ былъ самъ себя принести въ жертву злой судьбѣ. Всю честь въ этомъ знаменитомъ сраженіи готскій историкъ Жорнандесъ приписываетъ своимъ соотечественникамъ Готамъ; не Асцій, а Аттила, по его разсказу, употребилъ обманъ.

Аттила отступилъ, но Имперія не могла воспользоваться его отступленіемъ. Кому тогда принадлежала Галлія? казалось Готамъ и Бургундамъ. Но Готы были Аріане. Эти два народа не замѣдлили покорить среднія области, не успѣвшія отложиться отъ Имперіи. Ненавидимые духовенствомъ Галліи, они, не безъ причины, подозрѣвали его въ намѣреніи пригласить Франковъ.

Въ 254мъ году Франки, при Галіенѣ, вторгнулись въ Галлію и Испанію и дошли даже до Мавританіи. Въ 277мъ, Пробъ два раза разбилъ ихъ на Рейнѣ, и многихъ изъ нихъ поселилъ на берегахъ Чернаго моря. Эти смѣлые Пираты, наскучивъ своею ссылкою, рѣшились возвратиться къ своему Рейну. Опустошивъ берега Малой Азіи, Греціи и Сициліи, они наконецъ пришли въ Фрисландію или Батавію. Въ 296мъ году Констанцій поселилъ въ Галліи колонію Франковъ; въ 385мъ Юліанъ прогналъ за Рейнъ Шамавовъ (les Chamaves). Кловисъ, или лучше Хлодовигъ въ 486мъ разбилъ Сіагрія.

Франки не были отдѣльнымъ народомъ, но, смотря по обстоятельствамъ, составляли болѣе или менѣе сильные союзы, въ которые вступали разныя племена. Въ концѣ четвертаго столѣтія Франки были весьма сильны, и безъ сомнѣнія владѣли обширными землями въ Имперіи. Разные народы Германіи, подъ общимъ именемъ Франковъ, служили въ рядахъ римскаго войска и составляли лучшую часть его; изъ нихъ состояла даже императорская гвардія. Эти смѣшанныя толпы обьявили себя врагами варваровъ, стремившихся изъ за Рейна завоевать Галлію; въ 406мъ году пытались, хотя безъ успѣха, остановить нашествіе Бургундовъ, Свевовъ и Вандаловъ, и сопротивлялись Аттилѣ. Въ это время всѣ прочіе варвары были Аріане, и всѣ, будучи различнаго происхожденія, имѣли свои національныя особенности. Одни только Франки, состоя изъ разнородныхъ племенъ, казалось готовы были подчиниться всякому постороннему вліянію и принять какую угодно религію.

Турскій Епископъ Григорій слегка только упоминаетъ о первыхъ дѣйствіяхъ Франковъ въ Гал-

ліи. »Говорятъ, что Клогіонъ (Chlogion), человѣкъ знаменитый и сильный въ своей землѣ, сдѣлался царемъ Франковъ; они обитали въ странѣ смежной съ Турингами. Римляне занимали земли, лежащія на югъ отъ Луары; области за Луарою принадлежали Готамъ. Бургунды, также послѣдователи Арія, жили за Роною, протекающею близь Ліона. Клогіонъ послалъ шпіоновъ въ городъ Камбре, развѣдалъ объ его положеніи, потомъ разбилъ Римлянъ и овладѣлъ городомъ и страною до рѣки Соммы. Нѣкоторые полагаютъ, что король Меровей, отецъ Хильдерика, происходилъ изъ его рода.«

Сынъ Хилдерика, Кловисъ, въ то время, какъ разбилъ римскаго патриція Сіагрія при Суасонѣ (486) и овладѣлъ симъ городомъ, былъ вождемъ незначительнаго племени Франковъ турнейскихъ. Спустя нѣсколько времени Галлія должна была ожидать нашествія Свевовъ, извѣстныхъ также подъ именемъ Аллемановъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ всѣ Франки соединялись въ одну армію и провозглашали общимъ начальникомъ храбрѣйшаго изъ своихъ вождей. Кловисъ, удостоенный этой чести, одержалъ надъ врагами рѣшительную побѣду и принялъ, при этомъ случаѣ, вѣру римской Галліи. Эту религію исповѣдывала уже его жена Клотильда, племянница короля Бургундскаго. Во время битвы онъ далъ обѣтъ принять крещеніе, если останется побѣдителемъ, и исполнилъ его; три тысячи человѣкъ изъ его войска послѣдовали его примѣру. Это важное событіе возбудило большую радость въ духовенствѣ Галліи, которое, при помощи Франковъ, надѣялось поправить свои обстоятельства. Св. Авитъ, Епископъ Віенскій и поддан-

ный Бургундскихъ Аріанъ, писалъ къ нему: »Ты сражаешся, а мы пользуемся твоею побѣдою.« Св. Реми, при крещеніи Кловиса, весьма краснорѣчиво истолковалъ смыслъ этихъ словъ: »Сикамбръ, преклони смиренно твою главу; предай пламени то, чему ты покланялся, и поклонись тому, что прежде предавалъ пламени!« Такимъ-то образомъ церковь торжественно утвердила свою власть надъ варварами.

Союзъ Кловиса съ духовенствомъ Галліи долженствовалъ имѣть пагубныя послѣдствія для владычества Бургундовъ. Кловисъ старался воспользоваться войною, возгорѣвшеюся между царями бургундскими Годежизиломъ и Гондебодомъ (590) (Godegisile et Gondebaud). Предлогомъ вмѣшаться въ ихъ распрю служилъ Аріанской расколъ послѣдняго и смерть Клотильдина отца, убитаго Гондебодомъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлалъ это по прозьбѣ епископовъ. Гондебодъ принужденъ былъ смириться. Онъ обѣщалъ епископамъ принять католическую вѣру; поручилъ имъ воспитаніе своихъ дѣтей; даровалъ Римлянамъ такіе умѣренные законы, какіе ни одинъ еще варварскій народъ не давалъ побѣжденнымъ; наконецъ и самъ онъ согласился платить дань Франкамъ.

Аларикъ II, царь Визиготскій, опасаясь честолюбія Кловиса, старался, но безъ успѣха, привлечь его на свою сторону; Кловисъ разбилъ его въ Вугле при Пуатье, проникъ въ Лангедокъ, и конечно перешелъ бы Пиренеи, еслибы армія Великаго Ѳеодорика, царя италійскихъ Остроготовъ и тестя Аларика II, не прикрыла Провансъ и Испанію, и не защитила малолѣтнаго сына этого государя (507).

Два обстоятельства нѣсколько умѣрили бѣдствія, сопровождавшія нашествіе варваровъ: съ одной стороны вооруженныя толпы ихъ подчинились власти одного Кловиса, который успѣлъ истребить всѣхъ независимыхъ вождей Франковъ; съ другой церковь получила отъ него неограниченное право служить пріютомъ для гонимыхъ. Въ то время, когда законъ не имѣлъ охранительной силы, не должно ли считать величайшимъ благодѣяніемъ преимущества, дарованныя духовенству, объявившему себя защитникомъ побѣжденныхъ.

По смерти Кловиса (511), четыре его сына, по обычаю варваровъ, провозгласили себя Королями. Тёдерикъ (Theuderic) имѣлъ свое пребываніе въ Мецѣ; его воины расположились въ Восточной Франціи, или Остразіи, и въ Овернѣ. Клотеръ жилъ въ Суасонѣ, Хильдебертъ въ Парижѣ, Клодомиръ въ Орлеанѣ. Сверхъ того послѣдніе три брата раздѣлили между собою города Аквитаніи. Впрочемъ этотъ раздѣлъ, относясь болѣе къ арміямъ, поступившимъ въ распоряженіе каждаго изъ нихъ, чѣмъ къ завоеваннымъ землямъ, не могъ быть равенъ. Часто воины переходили отъ одного начальника къ другому и охотнѣе слѣдовали за тѣмъ, чье мужество и искуство обѣщали имъ болѣе добычи.

Быстрыя завоеванія Кловиса, распространившія славу имени Франковъ, побудили многія племена варваровъ присоединиться къ нимъ. Самые непріязненные другъ другу народы Германіи, южные и сѣверные ея обитатели — Свевы и Саксоны, заключили союзъ съ Франками. Баварцы послѣдовали этому примѣру; Туринги (les Thuringiens), отвергавшіе ихъ дружбу, были побѣждены. Клодомиръ и Клотеръ разбили Бургундовъ и бросили

ихъ короля, Св. Сигисмунда, въ колодезь, который велѣли завалить камнями; но побѣда Клодомира была причиною погибели его семейства; убитый въ сраженіи, онъ оставилъ своихъ дѣтей безъ защиты. Тёдерикъ, не принимавшій участія въ походѣ Бургундскомъ (530 — 534) пошелъ съ своими на Овернъ. Одна только эта область, при бѣдствіяхъ, постигшихъ Западную Имперію, не была еще опустошена; платя дань, сначала Готамъ, потомъ Франкамъ, она имѣла собственное свое правленіе; духовенство здѣсь, какъ и вездѣ, благопріятствовало Франкамъ.

Храбрѣйшій изъ Меровинговъ былъ одинъ изъ внуковъ Кловиса Тёдебертъ (Theudebert), правитель Франковъ Остразійскихъ, коихъ ряды безпрестанно наполнялись приходившими изъ за Рейна варварами. Въ это время Греки и Готы оспаривали другъ у друга Италію. Франки напали на тѣхъ и другихъ; многолюднѣйшіе города Ломбардіи обратили въ кучу пепла и истребили весь запасъ хлѣба; но послѣдовавшій за тѣмъ голодъ и сильные жары юга погубили многихъ изъ нихъ. Оставшіеся въ живыхъ возвратились въ отечество съ столь богатою добычею, что новыя толпы бродягъ устремились на Италію; они прошли эту страну до самой Сициліи; но вліяніе климата и для нихъ было гибельно. Тёдебертъ скончался въ Галліи, въ то самое время, когда замышлялъ внести свое оружіе въ Восточную Имперію, не взирая на заключенный имъ съ Юстиніаномъ союзъ, въ слѣдствіе котораго послѣдній уступилъ ему всѣ права Имперіи на южную Галлію.

Смерть Тёдеберта (548) и несчастный походъ въ Италію остановили военныя успѣхи Франковъ. Сильнѣйшія изъ племенъ Германіи отказались отъ ихъ союза. Не должно и удивляться, что Германцы стали врагами народа, подчинившаго себя вліянію Римлянъ и духовенства.

Клотеръ, оставшись по смерти трехъ братьевъ спокойнымъ владѣтелемъ Галліи (558 - 561) завѣщалъ свое королевство четыремъ своимъ сыновьямъ. Сигебертъ, получивъ Остразію, избралъ столицею Мецъ. Находясь въ сосѣдствѣ съ германскими племенами, онъ долженъ былъ рано или поздно овладѣть удѣлами своихъ братьевъ. Хильперику съ титуломъ Соасонскаго короля досталась Нейстрія (la Neustrie). Гонтранъ получилъ Бургундію; его столицею былъ Шалонъ при Саонѣ. Королевство Хариберта (Charibert), простиравшееся отъ Парижа до Аквитаніи включительно, по смерти его, раздѣлено между его братьями. При сихъ короляхъ вліяніе Римлянъ на Галлію было весьма значительно. Всѣ ихъ министры были Галлы, Готы или Римляне. Этимъ послѣднимъ особенно должно приписать всѣ хорошія и худыя правительственныя мѣры, принятыя въ ихъ царствованіе. Они-то ввели вновь притѣснительную систему сборовъ, и не рѣдко съ успѣхомъ участвовали въ военныхъ походахъ.

Фредегонда и Брюнегильда суть замѣчательнѣйшія историческія лица этой эпохи. Вторая будучи дочерью короля испанскихъ Готовъ, вступивъ въ бракъ съ Сигебертомъ, нашла новое отечество въ дикой Остразіи, въ этой гальской Германіи, бывшей театромъ непрестанныхъ нашествій. Фредегонда, одаренная сильнымъ и жестокимъ характе

ромъ, совершенно овладѣла умомъ ученаго, но слабаго, короля Нейстрійскаго; ея-то преступленіямъ обязанъ онъ именемъ Французскаго Нерона.

Мужъ Брюнегильды, Сигебертъ, царь остразійскій призвалъ въ Галлію Германцевъ. Хильперикъ не могъ устоять противъ ихъ напора; ихъ дикія толпы дошли до самаго Парижа, предавая все огню и мечу и уводя людей въ плѣнъ. Сигебертъ, держа въ тѣсной блокадѣ городъ Турне, въ которомъ заперся Хильперикъ, считалъ уже себя королемъ Нейстрійскимъ, но два убійцы, подосланные Фредегондою, съ отравленными кинжалами, прекратили его надежды вмѣстѣ съ жизнію (575). Взятая въ плѣнъ Брюнегильда была представлена Хильперику и Фредегондѣ, которые впрочемъ пощадили ея жизнь. Но скоро она ушла изъ своего заключенія, успѣвъ внушить Меровею, Хильперикову сыну, сильную къ себѣ страсть. Онъ до такой степени былъ ослѣпленъ своею любовью, что женился на Брюнегильдѣ; раздраженный отецъ умертвилъ его. Скоро потомъ Хильперикъ былъ убитъ любовникомъ Фредегонды, а по сказанію другихъ, людьми, подкупленными Брюнегильдою, мстившею за смерть двоихъ мужей своихъ. Фредегонда, ея малолѣтній сынъ, церковь и всѣ враги Остразіи и Варваровъ обратились съ прозьбою о помощи къ Гонтрану *доброму*, царю бургундскому. Онъ обьявилъ себя покровителемъ Фредегонды и ея сына Клотера II; онъ одинъ могъ защитить Бургундію и Нейстрію отъ честолюбія Остразіи, Галлію отъ нападеній Германцевъ, церковь и гражданскій порядокъ отъ варваровъ. Турскій епископъ, Историкъ Григорій, присталъ къ партіи Гонтрана.

Жители юга, Аквитанцы и Провансалы, свидѣтели раздоровъ, потрясавшихъ могущество дома Меровинговъ, коего представителями были теперь одинъ старецъ и двое малолѣтныхъ дѣтей, рѣшились объявить себя независимыми. Для этого они вызвали изъ Константинополя Гондовальда, выдававшаго себя за кровнаго родственника королей Французскихъ. Вельможи южныхъ областей признали его власть, и Гондовальдъ, подъ ихъ руководствомъ, сдѣлалъ большіе успѣхи Онъ взялъ *Тулузу*, Бордо, Перигё и Ангулемъ. Гонтранъ, оставленный южнымъ Римскимъ духовенствомъ, принужденъ былъ сблизиться съ Остразійцами; онъ усыновилъ своего племянника Хильдеберта, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ и исполнилъ всѣ его требованія. Примиреніе королей Бургундскаго и Остразійскаго лишило мужества партизановъ Гондевальда. Аквитанцы также оставили его, какъ приняли. Онъ заперся въ городѣ Коммингѣ вмѣстѣ съ знатью, еще державшею его сторону; но и эти послѣдніе приверженцы уже искали случая измѣнить ему. Одинъ изъ нихъ убѣжалъ со всѣми сокровищами Гондовальда. Муммолъ предалъ его въ руки враговъ, которые немедленно умертвили его. Скоро послѣ того скончался и Гонтранъ (593).

Смерть его, утвердившая власть короля Остразійскаго надъ Бургундами, долженствовала, по видимому, предать въ его руки и Нейстрію; но не такъ случилось. Остразійцы, вторгнувшись въ Нейстрію для завоеванія этой страны, были съ урономъ отражены. Это былъ послѣдній успѣхъ Фредегонды и любовника ея Ландерика, заступившаго мѣсто Хильперика. Скоро она умерла; Хильде-

бертъ умеръ еще прежде. Вся Галлія перешла тогда во власть двухъ малолѣтныхъ сыновей Хильдеберта: Тёдеберта II и Тёдерика II, и Клотера II, сына Хильперикова. Послѣдній будучи слабѣе двухъ первыхъ, принужденъ былъ уступить Бургундамъ всѣ земли, лежащія между Сеною и Луарою, а Остразійцамъ области между Сеною, Оазою и Остразіею. Но раздоры между побѣдителями скоро возвратили ему болѣе того, сколько онъ потерялъ.

Старая Брюнегильда старалась развратить юнаго Тёдеберта, своего внука, чтобы надъ нимъ властвовать, — и вполнѣ достигла своей цѣли. Но скоро безсмысленный принцъ совершенно подчинился вліянію одной молодой невольницы, которая заставила его выгнать Брюнегильду. Удалившись въ Бургундію къ Тёдерику, она пріобрѣла надъ нимъ еще бо́льшую власть, нежели какую имѣла надъ Тёдебертомъ, такъ что по своему произволу опредѣляла и отрѣшала палатныхъ меровъ. Тёдерикъ, по ея внушеніямъ, вооружился противъ брата и разбилъ его въ Тулѣ и Толбіакѣ (à Toul et To biac). Если вѣрить одной хроникѣ, Брюнегильда сначала принуждала своего внука постричься въ монахи, а потомъ умертвила его.

Но скоро всѣ оставили Брюнегильду (613). Вельможи Остразійскіе ненавидѣли ее, какъ представительницу Готовъ и Римлянъ (эти имена имѣли почти одинаковое значеніе); духовенство и народъ питали къ ней отвращеніе, какъ къ гонительницѣ Святыхъ (Св. Дидье и Коломбана). Не терпя прежде вмѣшательства Германцевъ въ дѣла Галліи, она, теперь въ борьбѣ съ Клотеромъ, принуждена была

просить помощи у этихъ варваровъ. Епископъ Мецскій Арнульфъ и его братъ Пепинъ еще до вступленія въ сраженіе перешли къ Клотеру; прочіе, бывъ подкуплены Клотеромъ, безъ труда были разбиты. Старая Брюнегильда, дочь, сестра, мать и бабка многихъ царей, подверглась ужаснѣйшей казни. Она растерзана дикою лошадью, къ хвосту которой ее привязали. Ее обвиняли въ умерщвленіи десяти королей; сверхъ собственныхъ ея преступленій ей приписывали еще и злодѣянія Фредегонды. Но величайшее ея преступленіе въ глазахъ варваровъ было возстановленіе императорской администраціи. Система сборовъ, судебныя формы, предпочтеніе хитрости предъ матеріальною силою, вотъ что заставляло варваровъ ненавидѣть Римскую Имперію, которую Готскіе короли пытались возстановить. Брюнегильда слѣдовала ихъ видамъ. Она построила много церквей и монастырей, служившихъ въ то время пріютомъ для наукъ; помогала миссіонерамъ, которыхъ Папы отправляли въ Великобританію. Суммы, собранныя ею съ народа, самыми притѣснительными мѣрами, были употребляемы довольно благоразумно. Впечатлѣніе, произведенное продолжительнымъ царствованіемъ Брюнегильды, было такъ сильно, что въ сѣверной Галліи имя Имперіи совершенно изгладилось въ памяти народовъ; множество памятниковъ, воздвигнутыхъ Римлянами, они приписывали знаменитой королевѣ Остразійской.

Побѣда Нейстріи была торжествомъ слабости надъ силою, Галло-Римлянъ и духовенства надъ варварами. Въ слѣдующемъ же году, епископы начинаютъ засѣдать въ собраніи бароновъ (Leudes);

они съѣжжаются въ числѣ семидесяти человѣкъ изъ всей Галліи. Это было началомъ церковнаго владычества. Аристократы, свѣтскіе и духовные, издаютъ новыя постановленія. Многія изъ нихъ, замѣчательныя по духу, обличаютъ безпристрастіе духовенства; напримѣръ: запрещается судьямъ произносить свои приговоры, невыслушавъ прежде обвиняемаго, будетъ ли онъ человѣкъ свободнаго состоянія, или рабъ; нарушитель общественнаго спокойствія наказывается смертію; епископы избираются народомъ. Одни только они могутъ судить лица духовнаго званія; уничтожаются налоги, установленные Хильперикомъ и его братьями. Начавшееся, такимъ образомъ, при Клотерѣ II владычество духовенства, при Карловингахъ пріобрѣло еще болѣе прочности.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о царствованіи Клотера II, но правленіе Дагоберта нѣсколько извѣстнѣе. Окруженный римскими священниками, онъ заботился о построеніи монастырей и украшеніи церквей. При немъ въ первый разъ написаны законы для варваровъ; онъ почитается Соломономъ Франковъ.

(628—638). Однакожъ въ его царствованіе обнаружилась и слабость Нейстріи. Еще при жизни Клотера, Остразія возвратила себѣ потерянныя ею области и хотѣла имѣть особеннаго короля. Клотеръ II, единовременно получивъ отъ Ломбардовъ извѣстную сумму, навсегда отказался отъ подати, которую они прежде платили. Саксонцы хотя и разбиты были Галлами, однакожъ и они перестали платить Дагоберту ежегодную дань, состоявшую изъ пяти сотъ коровъ. Венды, свергнувъ иго Ава-

ровъ, отвергли также власть Дагоберта, и побѣдили соединеныя силы Франковъ, Баварцевъ и Ломбардовъ. Между тѣмъ Авары насильно водворились въ Баваріи, и Дагобертъ отдѣлывается отъ нихъ только вѣроломствомъ. Британцы и Гасконцы продолжали повиноваться; но этимъ повиновеніемъ Франкскіе короли обязаны были, не столько своей военной силѣ, сколько вліянію духовенства.

Окончательное паденіе Нейстріи начинается по смерти Дагоберта. Знать давно уже, хотя безъ успѣха, пыталась ниспровергнуть династію Меровинговъ. Теперь въ первый разъ являются на сцену Карловинги. Пепинъ и его сынъ Гримоальдъ дѣлаются Мерами Остразіи; послѣдній, по кончинѣ Сигеберта, старается возвести на престолъ одного изъ своихъ сыновей.

Галлія, раздѣленная на три государства, въ послѣдній разъ соединяется въ одно цѣлое въ царствованіе Кловиса II (650), или лучше сказать Эршиноальда (Erchinoald), палатнаго мера Нейстріи. Во время малолѣтства трехъ сыновей Кловиса, Эршиноальдъ, а потомъ знаменитый Эброинъ, подъ именемъ Батильды, вдовы послѣдняго короля, спокойно управляютъ государствомъ въ званіи палатныхъ меровъ. Нѣсколько разъ ученые старались объяснить, въ чемъ состояли права и обязанности меровъ; многіе изъ нихъ полагали, что эти сановники избирались народомъ и брали на себя обязанность защищать его права. Дѣйствительно извѣстно, что въ послѣднее время существованія меровъ, они, въ эпоху малолѣтства королей, или ослабленія царской власти, избирались народомъ;

но неподлежитъ также сомнѣнію и то, что первоначально они назначались королями, по крайней мѣрѣ, до Дагоберта. Важнѣйшій изъ придворныхъ сановниковъ (Major) сдѣлался потомъ главою бароновъ (Leudes), ихъ предводителемъ на войнѣ и судьею въ мирное время.

Въ тоже время, какъ меръ Эброинъ (660—680) старался усилить царскую власть, вельможи постоянно распространяли свои права. Знать Остразійская и Бургундская, провозгласивъ королемъ Остразіи Хильдерика II, выступила противъ Эброина. Послѣдній, оставленный Нейстрійцами, сосланъ былъ въ Люксёльскій монастырь. Скоро впрочемъ Хильдерикъ поссорился съ своими приверженцами; одного изъ нихъ, по имени Бодило, онъ велѣлъ высѣчь розгами. Этотъ поступокъ оскорбилъ всѣхъ знатныхъ; они умертвили его въ Шельскомъ лѣсу, вмѣстѣ съ беременною женою и малолѣтнымъ сыномъ. Свободные жители Остразіи возвели на престолъ одного изъ сыновей Дагоберта I-го, и съ торжествомъ привели въ Нейстрію освобожденнаго изъ заключенія Эброина. Первымъ его дѣйствіемъ было умертвить епископа Сенъ-Лежерскаго (Saint-Leger), какъ участника въ умерщвленіи Хильдерика II. Мстя за смерть епископа, Пепинъ и Мартенъ, внуки Арнульфа, епископа Мецскаго, лишили жизни Дагоберта II, короля свободныхъ людей, т. е. Эброиновой партіи. Эброинъ, назначивъ Мартену свиданіе для нѣкоторыхъ переговоровъ, умертвилъ его, а наконецъ и самъ погибъ отъ руки одного Франка. Этотъ замѣчательный человѣкъ, подобно Фредегондѣ, съ успѣхомъ защищалъ западную Францію и на двадцать лѣтъ замедлилъ тор-

жество вельможъ Остразійскихъ. Смерть его предала Нейстрію въ ихъ руки. Его преемники были побѣждены Пеппиномъ при Тестрѣ (a Testry), между Сент-Кентеномъ и Пероною (687).

Хотя эта побѣда знати надъ народомъ, Галліи Германской надъ Римскою, не сопровождалась перемѣною династіи: потому что Пеппинъ призналъ власть того самаго короля, подъ именемъ котораго Эброинъ и его наслѣдники управляли Галліею; однако это важное событіе должно почитать главнѣйшею причиною паденія дома Кловиса. Правда, Меровинги и послѣ этого носили еще титулъ королевскій; но почти всѣ они проводили жизнь свою, въ какомъ нибудь уединенномъ монастырѣ.

Это переродившееся поколѣніе скоро совсѣмъ обезсилѣло. Изъ четырехъ Кловисовыхъ дѣтей одинъ только Клотеръ оставилъ наслѣдниковъ. Ихъ потомки почти всѣ умерли въ молодыхъ лѣтахъ. Каждый изъ Меровинговъ въ пятнадцать лѣтъ отъ роду имѣлъ уже дѣтей, а въ тридцать дѣлался старикомъ и умиралъ. Большая часть изъ нихъ недостигали даже и этаго возраста.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Карловинги (751—987.)

Родоначальникомъ династіи Карловинговъ считается Епископъ Мецскій, Арнульфъ, завѣщавшій свое епископское званіе сыну своему Клодольфу (Chlodulf). Св. Вандриль (S. Wandrille) былъ его

внукъ. Все это семейство соединено было родственными узами съ Св. Лежеромъ. — Братъ Пепина-Короткаго, Карломанъ принялъ монашество на горѣ Кассинѣ; изъ остальныхъ братьевъ его, одинъ былъ Руанскимъ архіепископомъ, другой аббатомъ въ Сенъ-Дени. Всѣ двоюродные братья Карла Великаго были монахи. Одинъ изъ братьевъ Людовика Кроткаго возведенъ въ достоинство епископа Мецскаго, трое другихъ постриглись въ монахи. Самый уважаемый святой южной Галліи, Вильгельмъ Тулузскій былъ двоюродный братъ и опекунъ сына Карла Великаго. Говорятъ, что отецъ Арнульфа былъ Аквитанецъ, а мать происходила изъ племени Свевовъ.

Домъ Епископа Мецскаго имѣлъ два важныя преимущества, которыя рано или поздо должны были утвердить за нимъ королевскую власть: съ одной стороны члены его, по своему званію, были важными лицами въ церкви; съ другой отечествомъ его была такая часть Галліи, которая болѣе всѣхъ другихъ могла считаться Германскою. Впрочемъ ему все благопріятствовало; царская власть находилась въ упадкѣ; число свободныхъ людей постоянно уменшалось. Одни только знатные Левды (Leudes) и Епископы усиливались. Власть неминуемо должна была перейти къ тому, кто владѣлъ большими помѣстьями и былъ главою Левдовъ.

Сраженіе при Тестри, послѣ котораго власть королевская должна была уступить силѣ вельможъ, довершила ослабленіе королевства. Пепинъ безуспѣшно старался возстановить его цѣлость и единство; при наслѣдникѣ его Теобальдѣ дѣла шли еще хуже. Малолѣтній король Дагобертъ III подчиненъ былъ малолѣтнему меру, и оба они нахо-

дились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Пепиновой вдовы Плектруды. Нейстрійцы, пользуясь этими обстоятельствами, безъ труда отложились; всѣ сосѣдніе народы возстали на Остразію; Фризоны, Нейстрійцы опустошали ее; Саксонцы напали на Германскія ея владѣнія.

Остразійцы, чувствуя всю опасность своего положенія, рѣшились Плектруду и ея сына устранить отъ правленія и провозгласить своимъ вождемъ мужественнаго Карла Мартеля, побочнаго сына Пепина, находившагося тогда въ заключеніи (715). Пепинъ неоставилъ ему никакого наслѣдства. Онъ принадлежалъ къ отверженному роду, ненавистному церкви и обагрившему себя кровію мученика (св. Ламберта). Карлъ показалъ себя врагомъ духовенства.

Нейстрійцы, пораженные имъ при Венси (à Vinsy) близь Камбре, призвали къ себѣ на помощь Аквитанцевъ, основавшихъ послѣ разрушенія Франкской Имперіи сильную державу на югѣ. Но Аквитанцы въ это время озабочены были другимъ врагомъ. Сарацины, завладѣвшіе Испаніей, вторглись въ Лангедокъ. Правитель Аквитаніи, разбитый ими, самъ просилъ помощи у Франковъ; тяжелая армія послѣднихъ сразилась съ легкими всадниками Африки близь Пуатье (732). Эта встрѣча людей сѣверныхъ съ южными сильно поразила воображеніе тогдашнихъ лѣтописцевъ. По ихъ мнѣнію, она непремѣнно должна была сопровождаться страшнымъ кровопролитіемъ. Карлъ Мартель проникъ въ Лангедокъ; безуспѣшно осаждалъ Нарбону, вступилъ въ Нимъ и пытался сжечь Аренъ, обращенный въ крѣпость. На его стѣнахъ и теперь замѣтны слѣды пожара.

На югѣ, какъ можно видѣть, Карлу было не много дѣла; вторженіе Германскихъ племенъ было для него гораздо опаснѣе нападенія Сарацинов. Внутреннія раздоры послѣднихъ заставили ихъ ограничиться одною Испаніею, которою они уже прежде овладѣли; но Фрисландцевъ, Саксоновъ и Аллемановъ безпрестанно привлекали къ берегамъ Рейна богатства Галліи и воспоминаніе прежнихъ удачныхъ на нее нападеній. Карлу Мартелю нужно было сдѣлать нѣсколько походовъ, прежде нежели онъ успѣлъ совершенно удалить ихъ отъ своихъ границъ. Въ сподвижникахъ онъ не имѣлъ недостатка: воины со всѣхъ сторонъ стекались къ нему, потому что онъ щедро раздавалъ имъ имущества монастырей Нейстрійскихъ и Бургундскихъ. Дабы посѣять между Германскими народами раздоры и возжечь междоусобную войну, Карлъ рѣшился нѣкоторыхъ изъ нихъ обратить въ Христіанство. Вотъ почему онъ впослѣдствіи сдѣлался другомъ Папъ и ихъ защитникомъ противъ Ломбардовъ. Папскіе миссіонеры успѣли нѣколько племенъ германскихъ обратить въ Христіанскую вѣру и тѣмъ самымъ поселили въ нихъ дружеское расположеніе къ Франкамъ.

Орудіемъ этого важнаго переворота былъ Св. Бонифатій, Апостолъ Германіи. Онъ основалъ на Рейнѣ церковь Майнцкую, первую и главную въ Германіи, потомъ церковь Имперскую и, еще далѣе, церковь Кельнскую, Христіанскую столицу Нидерландовъ. Юная Фульдская школа, основанная имъ въ самой невѣжественной части Германіи, впослѣдствіи разлила свѣтъ просвѣщенія по всему Западу. Основавъ девять епископствъ и столько же

монастырей, онъ, въ самую блестящую эпоху своей славы, на семдесятъ третьемъ году своей многотрудной жизни, сложилъ съ себя званіе Маинцскаго архіепископа; передалъ его своему ученику Люллу (Lulle), возвратился простымъ миссіонеромъ въ лѣса и болота языческой Фрисландіи, въ которыхъ за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ въ первый разъ проповѣдывалъ Евангеліе. Тамъ ожидала его мученическая смерть.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Карловинги до кончины Карла Великаго (751—814).

Въ 756 году Св. Бонифатій, именемъ Папы помазавъ на царство Пепина, возвелъ на престолъ новую династію. Одинъ изъ трехъ сыновей Карла Мартеля вступилъ въ монашество, другой скрылся; Пепинъ, оставшись одинъ меромъ, пріобрѣлъ неограниченное покровительство церкви. Онъ возвратилъ духовенству отнятыя церковныя имущества и объявилъ себя защитникомъ Папъ противъ Ломбардовъ. Все это внушило ему смѣлость кончить продолжительную комедію, которую разыгрывали палатные меры со времени смерти Дагоберта, и прямо принять титулъ короля. Уже сто лѣтъ Меровинги, запертые въ своемъ городѣ Момамье (Maumagne), или въ какомъ нибудь монастырѣ, сохраняли одну тѣнь царскаго достоинства. Только весною, при открытіи народныхъ собраній, извѣстныхъ подъ именемъ собраній *Марсова поля*, извлекали

кумиръ изъ его убѣжища и показывали царя народу. Храня глубокое молчаніе, этотъ царь съ длинными волосами и большою бородою (отличительными признаками королевскаго сана) торжественно проѣзжалъ на Германской телѣгѣ, запряженной волами.

При возшествіи на престолъ новой династіи, враги церкви объявлены были врагами Франковъ; таковы были языческіе Саксонцы, Ломбарды, — гонители Папъ, и Аквитанцы, грабители церковныхъ имуществъ. Пепинъ велъ кровавую войну съ Аквитаніею; для распространенія успѣховъ Евангелія, онъ предпринялъ походъ въ Саксонію; двухъ походовъ достаточно было противъ Ломбардовъ. По прозьбѣ Папы Стефана, который самъ лично пріѣзжалъ для этого въ Галлію, Пепинъ переправился чрезъ Альпы, взялъ Павію и заставилъ Ломбарда Астольфа возвратить Равенну, Емилію, Пентаполь и Римское герцогство (754—755), не Греческой Имперіи, а престолу св. Петра и Папы.

Но война съ Аквитаніею была гораздо упорнѣе и продолжительнѣе. И вотъ причина этого: Аквитанія, упирающаяся въ западные Пиренеи, на коихъ обитали, и по нынѣ обитаютъ, древніе Иверы, Васки, Гюаски или Баски, непрестанно увеличивала число своихъ жителей переселеніями этихъ горцевъ. Такимъ образомъ въ седьмомъ вѣкѣ, въ эпоху разрушенія Имперіи Франковъ, Аквитанія была почти вся населена Басками, а Остразія новыми германскими выходцами. Обѣ эти земли получили свое названіе отъ народовъ, поселившихся въ нихъ. Сѣверъ прозванъ *Франціею*, югъ *Васконіею, Гасконіею.* Послѣдняя простерла свои завоеванія до Адуры, Гароны, и даже на нѣсколько времени до Луары.

Герцогъ Ейдъ (Eudes) считалъ уже себя королемъ всей Галліи, повелителемъ Аквитаніи и правителемъ Нейстріи, подъ именемъ короля Хильперика II, который находился въ его власти; но былъ побѣжденъ Карломъ Мартелемъ и, страшась нашествія Сарациновъ, выдалъ ему Хильперика. Побѣдивъ Сарацинъ при Тулузѣ, онъ принужденъ былъ помириться съ ними: потому что, въ тоже время, съ другой стороны угрожали ему Франки. Емиръ Мунуза, объявившій себя независимымъ на сѣверѣ Испаніи, находился точно въ такомъ положеніи въ отношеніи къ Калифу, въ какомъ Эйдъ къ Карлу Мартелю. Для поддержанія другъ друга, они вступили между собою въ родственныя связи; Герцогъ выдалъ за Мунузу свою дочь; но этотъ несчастный политическій союзъ имѣлъ для него вредныя послѣдствія. Мунуза осажденный въ одной крѣпости войскомъ Калифа, только смертію избѣгъ плѣна. Аравитяне перешли Пиренеи и напали на Эйда. Разбитый, подобно своему зятю, онъ былъ принуденъ просить помощи у Карла Мартеля, и какъ мы видѣли, при его пособіи, отбросилъ враговъ къ Пуатье (732).

Аквитанія, чувствуя свою слабость, должна была признать надъ собою власть Франковъ. Гюнальдъ (Hunald), сынъ Эйда, пытался свергнуть чужеземное иго. Онъ велъ противъ Пепина Короткаго и Карломана (741) самую упорную войну, въ которую старался завлечь всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ Франкскихъ. Даже лично отправился въ Саксонію и Баварію для пріобрѣтенія союзниковъ между германскими племенами. Франки съ своей стороны сожгли Бери, проникли въ Оверню и прогнали Гюнальда за Луару; нашествіе Саксоновъ

и Аллемановъ остановило ихъ успѣхи. Гюнальдъ въ свою очередь переправился чрезъ Луару; но измѣна его брата, коему онъ выкололъ глаза, помѣшала ему воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Его сынъ Гюеферъ (Guaifer) (745) нашелъ союзника въ Грипонѣ, молодомъ братѣ Пепина, такъ какъ Пепинъ прежде имѣлъ помощника въ братѣ Гюнальда. Война на югѣ опять возгорѣлась (759) съ прежнею силою, уже послѣ того, какъ Пепинъ восторжествовалъ надъ Ломбардами. Въ это время Испанскій Калифатъ потрясаемъ былъ сильными внутренними волненіями. Альфонсъ Католическій въ горахъ Астурійскихъ старался возстановить Готскую монархію. Готы Лангедокскіе (кромѣ Тулузы) пытались также возвратить себѣ свою независимость. При помощи Франковъ, они взяли Нарбону у Сарацинъ. Пепинъ, утвердивъ свою власть въ этой странѣ, требовалъ у Аквитанскаго князя Гюефера возвращенія духовенству отнятаго имъ имущества. Гюеферъ съ гордостію отвергъ это предложеніе.

Нѣсколько разъ Аквитанцы и Баски смѣло вторгались въ области Франковъ, даже доходили до Отёна (à Autun) и Шалона. Но Франки, при лучшемъ военномъ устройствѣ, нападая большими массами, наносили гораздо болѣе вреда своимъ непріятелямъ. Они выжгли области: Берійскую, Оверніскую и Лимузійскую, и разорили виноградники, составлявшіе богатство Аквитаніи. Гюеферъ, видя Клермонъ, Буржъ и главнѣйшіе города Аквитаніи въ рукахъ Франковъ, лишился надежды когда либо восторжествовать надъ ними; велѣлъ разрушить стѣны всѣхъ своихъ городовъ. Скоро потомъ онъ былъ умерщвленъ своими.

Карлъ сынъ и преемникъ Пепина - Короткаго, по смерти своего брата Карломана (771), остался однимъ правителемъ Имперіи. Оба брата безъ большаго труда успѣли потушить войну, возгорѣвшуюся въ Аквитаніи. Старый Гюнальдъ, оставивъ монастырь, въ которомъ скрывался двадцать три года, пытался отмстить за смерть сына и освободить свое отечество. Онъ былъ выданъ непріятелямъ своимъ племянникомъ, сыномъ того самаго брата, котораго онъ лишилъ зрѣнія; но и это нещастіе не лишило его мужества. Онъ убѣжалъ въ Италію къ Ломбардскому королю Дезидерію (Didier). Дезидерій принялъ сторону племянниковъ Карла, мстя за обиду, нанесенную ему послѣднимъ, который женившись на его дочери, послѣ брака отослалъ ее обратно къ отцу. Король Франковъ явился съ войскомъ въ Италію, и осадилъ Павію и Верону. Гюнальдъ, которому была ввѣрена защита перваго изъ этихъ городовъ, сопротивлялся съ такимъ упорствомъ, что жители принуждены были убить его камнями, и потомъ сдаться. Сынъ Дезидерія убѣжалъ въ Константинополь, и Ломбарды удержали за собою только Герцогство Беневентское, составлявшее среднія области Королевства Неаполитанскаго. Приморскіе города поступили во власть Грековъ. Карлъ принялъ званіе короля Ломбардовъ (774).

Но Италійскія войны и даже разрушеніе королевства Ломбардскаго должно считать только эпизодами въ царствованіе Пепина и Карла. Важнѣйшая борьба перваго была противъ Аквитанцевъ, втораго противъ Саксоновъ. Эти вольныя гордыя племена, чѣмъ болѣе ненавидѣли Франковъ, тѣмъ сильнѣе привязывались къ своимъ вѣрованіямъ и

обычаямъ. Отправленные къ нимъ миссіонеры имѣли неосторожность грозить имъ оружіемъ великой Имперіи. Саксонцы сожгли церковь, выстроенную Франками въ Давантерѣ (Daventer). Франки искавшіе, можетъ быть, случая вооруженною рукою заставить своихъ германскихъ сосѣдей принять христіанство, пользуясь этимъ предлогомъ, напали на священныя рощи Саксоновъ, гдѣ стоялъ главный ихъ Германъ-Саюль (l' Herman-Saül), таинственный символъ идеи міра, или отечества, божества или героя. Саксоны, неожиданно атакованные въ своихъ лѣсахъ, принуждены были выдать двѣнадцать аманатовъ — по одному изъ каждаго племени; но скоро потомъ, опомнившись отъ перваго страха, они опустошили Гессу (Hesse). Карлъ, для обузданія ихъ набѣговъ, рѣшился перенести свою столицу на берега Рейна въ *Ахенъ*, котораго минеральныя воды онъ весьма любилъ; съ этимъ же намѣреніемъ построилъ онъ въ самой Саксоніи замокъ Ересбурскій.

Въ 775 онъ переправился чрезъ Везеръ. Саксоны Ангаріенскіе и часть Вестфальскихъ скоро покорились. Зимою онъ пошелъ въ Италію для наказанія герцоговъ Ломбардскихъ, вызвавшихъ изъ Константинополя сына Дезидеріева. Весною народное собраніе, или соборъ Вурмскій, торжественною клятвою обязалось продолжать войну, доколѣ Саксоны не будутъ обращены въ Христіанскую вѣру. Карлъ дошедши до истоковъ Липпы построилъ тамъ замокъ. Саксоны, казалось, были совершенно покорены, и Карлъ, считая все конченнымъ, тысячами крестилъ ихъ въ Падерборнѣ; но вдругъ Вестфальскій вождь Витикиндъ возвращается съ сѣвера съ

своими войсками и другими сѣверными варварами, дотолѣ невидавшими Франковъ.

Это случилось въ 778 году, въ то самое время, когда военное счастіе измѣняло Карлу при Ронсевалѣ, въ Пиренейскихъ горахъ. Слабость Сарацинъ, дружба мелкихъ христіанскихъ владѣтелей, прозьбы возмутившихся въ сѣверной Испаніи Емировъ, благопріятствовали успѣхамъ Франковъ; они дошли до самаго Ебро, назвали занятыя ими въ Испаніи области новою Гасконіею и Готіею. Въ обратномъ походѣ они были атакованы въ Пиренейскихъ дефилеяхъ горцами, и потеряли много народа. Полагаютъ, что пораженіе при Ронсевалѣ было только аріергарднымъ дѣломъ. Впрочемъ Егингардъ увѣряетъ, что Франки при этой встрѣчѣ лишились многихъ отличныхъ своихъ вождей и между прочимъ знаменитаго Роланда.

Слѣдующій годъ былъ гораздо счастливѣе для короля Франковъ; выступивъ противъ Саксоновъ, онъ встрѣтилъ ихъ при Бюкгольцѣ и нанесъ имъ сильное пораженіе; дошедши такимъ образомъ до Эльбы, служившей границею между Саксонами и Славянами, онъ старался ввести благоустройство въ завоеванныхъ имъ областяхъ; принудилъ Саксоновъ опять присягнуть ему въ вѣрности въ Оргеймѣ; тысячами крестилъ ихъ и поручилъ аббату Фульдскому основать правильную систему обращенія язычниковъ. За арміею солдатъ слѣдовала другая армія священниковъ. Вся страна, говорятъ лѣтописцы, дѣлена была между аббатами и священниками. Они основали тамъ постепенно восемъ богатыхъ епископствъ: Минденское и Гальберштадское, Верденское, Бременское, Мюнстерское,

Гильдестеймское, Оснабрюкское и Падерборнское (780—802). Эти учрежденія были вмѣстѣ духовныя и военныя; покорившіеся начальники Саксоновъ получали отъ нихъ графскій титулъ и обязывались исполнять всѣ распоряженія епископовъ; направляемые противъ ихъ непокорныхъ соплеменниковъ, отпадавшіе отъ принятой вѣры подлежали вѣдомству духовныхъ судовъ, которые страхомъ покаянія внушали новообращеннымъ важность данныхъ ими обѣтовъ, столь часто нарушаемыхъ. Знаменитыя Веймигскія судилища, окончательно образовавшіяся въ Германіи между тринадцатымъ и пятнадцатымъ столѣтіями, получили начало свое отъ этихъ духовныхъ судовъ.

Между тѣмъ Витикиндъ возвратился опять съ Сѣвера; къ нему пристало множество Саксонцевъ. Эти смѣлыя шайки при Соннеталѣ разбили Карловыхъ полководцевъ; но когда тяжелая армія Франковъ выступила противъ нихъ, онѣ изчезли. Впрочемъ четыре тысячи пять сотъ Саксонцевъ, задержанные, можетъ быть, семействами своими, отстали отъ главнаго корпуса, поспѣшно отступавшаго Витикинда. Карлъ заставилъ ихъ сдаться, и всѣхъ въ одинъ день умертвилъ въ Верденѣ (782). Саксонцы старались отмстить за смерть своихъ товарищей, но опять были побѣждены при Детмольдѣ и близь Оснабрюка. Послѣ этого Саксонія восемь лѣтъ наслаждалась спокойствіемъ: самъ Витикиндъ сдался Карлу.

Въ это время покоренные народы возстали на Франковъ. Баварцы и Ломбарды принадлежали къ одному племени. Первые давно уже давали королей послѣднимъ. Тассильонъ, баварскій вождь,

былъ женатъ на дочери Дезидерія, сестрѣ покинутой Карломъ жены, и слѣдовательно былъ шуриномъ Беневентскаго князя. Послѣдній защищаемъ былъ Греками, господствовавшими на морѣ; а Тасильонъ призвалъ Славянъ и Аваровъ. Движенія Британцевъ и Сарациновъ благопріятствовали ихъ замысламъ. Но Франки тремя арміями окружили Тасильона; побѣжденный, безъ боя, онъ въ Ингельгеймскомъ собраніи обвиненъ былъ въ измѣнѣ и осужденъ на смерть. Приговоръ не былъ впрочемъ исполненъ, ему обрили голову и заключили въ Жуміегскій (Jumiéges) монастырь; послѣ этого народъ Баварскій лишился своей независимости (688); королевство Ломбардское потеряло свою еще прежде; оставалось только въ южныхъ горахъ княжество Беневентское, котораго Карлъ никогда не могъ покорить; но частію ослабилъ, принявъ участіе въ междоусобной войнѣ, волновавшей эту страну.

Карлъ опять предпринялъ походъ въ Германію: достигнувъ Эльбы, онъ разбилъ Славянъ и наложилъ на нихъ дань. Но между Славянами, жившими при Балтійскомъ и Адріатическомъ Моряхъ, за предѣлами Баваріи, обращенной во Франкскую провинцію, Карлъ встрѣтилъ Аваровъ; эти неутомимые наѣздники, защищаемые болотами Венгріи, нападали, то на Славянъ, то на Греческую Имперію. Ихъ лагерь или *рингъ* (ring) былъ ничто иное, какъ обширная деревня, разсѣянная по пространству цѣлой области, и укрѣпленная плетнями и деревянными заборами. Тамъ лежали добычи нѣскольких вѣковъ. Эти варвары, ставъ сосѣдями Франковъ, сдѣлали бы ихъ своими данниками, какъ

и Грековъ; но Карлъ вывелъ противъ нихъ три арміи (791), прошелъ до Раабы, и жегъ всѣ селенія, встрѣчавшіяся ему на пути; между тѣмъ походъ въ этихъ пустыняхъ, противъ непріятеля, котораго нигдѣ нельзя было настигнуть, былъ изнурителенъ для его конницы. Войско встрѣчало только болота, разлившіяся рѣки и необозримыя равнины; оно потеряло всѣхъ лошадей.

Многочисленныя арміи Карла набираемы были между побѣжденными народами: въ Фрисландіи и Саксоніи. Саксонцы рѣшились лучше умереть у себя, защищая свою свободу, чѣмъ сражаться за давнихъ своихъ враговъ, въ отдаленныхъ странахъ. Они умертвили поставленныхъ Карломъ правителей, сожгли церкви, выгнали, или убили священниковъ и съ новымъ фанатизмомъ возвратились къ прежней своей религіи; для лучшаго успѣха они помирились съ Аварами, противъ которыхъ прежде воевали подъ знаменами Франковъ. Въ это самое время Калифъ Гиксемъ, пользуясь малочисленностію войска, оставленнаго въ Аквитаніи, перешелъ Пиренеи, сожегъ предмѣстья Нарбоны и нанесъ сильное пораженіе войску, собранному Вильгельмомъ Графомъ Тулузскимъ и Регентомъ Аквитаніи въ Куртъ-Незѣ.

Не взирая на всѣ эти несчастія, Карлъ скоро преодолѣлъ своихъ разсѣянныхъ непріятелей. Не въ силахъ будучи покорить Саксоніи, онъ рѣшился уменьшить число ея жителей. Занявъ сильною арміею берега Везера, и производя оттуда во всѣхъ направленіяхъ опустошительные набѣги, онъ изъ каждаго кантона уводилъ болѣе трети жителей. Плѣнные были отсылаемы на Югъ и на Западъ, и поселяемы на новыхъ земляхъ, между народами

христіанскими другихъ племенъ. Въ это самое время одинъ сынъ Карла, пользуясь междоусобіями Аваровъ, атаковалъ ихъ съ арміею, набранною изъ Баварцевъ и Ломбардовъ; онъ переправился чрезъ Дунай, Тейссу, (la Theiss) и овладѣлъ наконецъ ихъ богатымъ лагеремъ, заключавшимъ въ себѣ несмѣтныя сокровища (796).

Побѣда надъ внѣшними врагами доставила наконецъ государству спокойствіе. Карлъ, по обширности своихъ владѣній, былъ тогда самымъ могущественнымъ Государемъ. Почему ему не возстановить Римской Имперіи? Почему не совершить того, чего не могъ достигнуть Ѳеодорикъ? Это было постоянною мыслію всѣхъ окружавшихъ его духовныхъ. Въ 800 году Карлъ является въ Римъ, для возстановленія на престолѣ избраннаго Папы. Въ день Рождества, когда онъ въ храмѣ погруженъ былъ въ молитву, Папа возлагаетъ на него императорскій вѣнецъ и провозглашаетъ его Августомъ. Императоръ сначала изъявилъ притворное изумленіе, но скоро потомъ принялъ титулъ и церемоніалъ Византійскаго двора. Для совершеннаго возстановленія Римской имперіи оставалось только уладить бракъ между Карломъ и Ириною, царствовавшею въ это время въ Константинополѣ, по умерщвленіи своего сына. Этого желалъ Папа, но не Ирина, которой не слишкомъ хотѣлось ограничить свою свободу и власть.

Нѣсколько мелкихъ владѣтелей явились ко двору Карла, и своимъ присутствіемъ увеличили его блескъ. Король Галиціи и Едрисситы Фецскіе отправили къ нему пословъ. Гарунъ-аль-Рашидъ, Калифъ багдадскій вступилъ съ нимъ въ сношенія, какъ съ врагомъ своего непріятеля — Калифа

Испанскаго. Говорятъ, что между присланными имъ Карлу подарками находились и ключи отъ Св. Гроба.

Нужно было видѣть Карла во дворцѣ его въ Э (Aix). Онъ украсилъ свой варварскій Римъ дорогимъ мраморомъ, вывезеннымъ изъ Равенны. Вездѣ дѣятельный, онъ, въ свободное отъ государственныхъ дѣлъ время, занимался Грамматикою, Риторикою, Астрономіею, и, подъ руководствомъ Петра Пизскаго и Саксонца Алкуина, учился писать — по тогдашнему дѣло рѣдкое; обращалъ вниманіе на церковное пѣніе. Литературную и религіозную славу его царствованія составили три иностранца. Саксонецъ Алкуинъ и Шотландецъ Климентъ основали Палатинскую школу, служившую впослѣдствіи образцемъ для всѣхъ подобныхъ заведеній. Готъ Венедиктъ Аніанскій, сынъ графа Магелонскаго, преобразовалъ монастыри и ввелъ въ нихъ уставъ Св. Венедикта.

Карлъ, собственно говоря, не давалъ новыхъ законовъ; но онъ употребилъ похвальныя усилія — основать правильную администрацію. Его missi, или инспекторы, четыре раза въ году посѣщали области, собирали жалобы и доносили ему. Его капитуляріи, составленныя въ народныхъ собраніяхъ, суть большею частію законы административные, уставы гражданскіе и церковные. Между ними важное мѣсто занимаетъ Право Каноническое, обличающее повсюду сильное вліяніе духовенства. Карлъ написалъ длинное письмо къ еретику Феликсу Уржельскому, проповѣдывавшему вмѣстѣ съ Испанскою церковью, что Іисусъ Христосъ, какъ человѣкъ, не есть Сынъ Божій, а усыновленный Богомъ. Подъ его именемъ вышла также книга

противъ почитанія иконъ. Папа, державшійся мнѣнія Собора Никейскаго, не осмѣлился возразить Карлу. (Франкфуртскій Соборъ) (794).

Не смотря на этотъ блескъ царствованія Карла, имперія Франковъ обнаруживала въ себѣ признаки внутренней слабости. Въ Италіи они не могли покорить Беневента и Венеціи; въ Германіи отступили отъ Одера къ берегамъ Эльбы, оставивъ все пространство между двумя рѣками Славянамъ. Въ это самое время на Датскихъ судахъ явились въ имперіи романическіе сыны Сѣвера. Однажды, когда Карлъ находился въ одномъ городѣ Нарбонской Галліи, показались разбойничьи барки Скандинавовъ въ виду самаго города. Нѣкоторые полагали, что это были Еврейскіе или Африканскіе купцы, другіе сочли ихъ Британцами; но Карлъ тотчасъ узналъ, по легкости ихъ движеній, кому принадлежали суда. »Это не купцы, сказалъ онъ, а лютые непріятели.« Они скоро были прогнаны; но императоръ, говоритъ лѣтописецъ, сталъ послѣ обѣда у окна, обращеннаго къ Востоку, и долго плакалъ. Такъ какъ никто не смѣлъ прервать его грустнаго молчанія; то онъ самъ сказалъ окружавшимъ его вельможамъ: »Знаете ли, сподвижники мои, отъ чего я проливаю слезы? Конечно я не боюсь, чтобы они могли мнѣ причинить вредъ своими ничтожными нападеніями; но меня огорчаетъ мысль, что при моей еще жизни, они осмѣлились такъ близко подойти къ этому берегу, и я уже предвижу зло, которое они нанесутъ моимъ наслѣдникамъ и ихъ народамъ.«

═

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Упадокъ династіи Карловинговъ (814—987).

Людовикъ Добродушный, во многихъ отношеніяхъ, былъ Людовикомъ Святымъ девятаго вѣка; усердіе этого государя къ религіи превзошло даже надежды духовенства, воспитавшаго его; напитанный правилами строгой добродѣтели, онъ рѣшился прежде всего преобразовать нравы своихъ учителей. Епископы, говоритъ одинъ историкъ, должны были отказаться отъ военныхъ занятій; монастыри подчинены были строгому надзору Св. Венедикта Аніанскаго, находившаго самые Бенедиктинскіе уставы слишкомъ слабыми. Адальгарда и Вала, двухъ пронырливыхъ монаховъ, внуковъ Карла Мартеля, имѣвшихъ большое вліяніе на Карла Великаго, въ послѣдніе годы его царствованія, новый король отправилъ въ ихъ монастыри. Самый дворъ подвергся преобразованію: Людовикъ выгналъ любовницъ своего отца, любовниковъ своихъ сестеръ и самихъ сестеръ.

Народы, страдавшіе отъ притѣсненій Карла, въ его сынѣ нашли безпристрастнаго судью. Удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ Аквитанцевъ, онъ пришелъ въ такую бѣдность, что, по словамъ одного историка, ничего уже не могъ давать, кромѣ своего благословенія. Внявъ жалобамъ Саксонцевъ, онъ возвратилъ имъ право располагать по завѣщанію ихъ собственностію, и этою мѣрою лишилъ епископовъ и правителей власти по своему произволу распоряжаться имуществомъ покорен-

наго народа. Земли, которыя Карлъ Великій уступилъ Испанскимъ христіанамъ, поселившимся въ областяхъ, завоеванныхъ Франками въ сѣверной Испаніи, были у нихъ отняты вельможами и императорскими чиновниками. Людовикъ возвратилъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Онъ не вмѣшивался, подобно своему отцу, въ выборы епископовъ, предоставилъ Римлянамъ право, безъ его утвержденія, избрать Папъ Стефана IV и Пасхалія I.

Италійскимъ королемъ Карлъ назначилъ своего внука Бернарда, сына Пепинова. Бернардъ воспитанникъ Адальгарда и Валы, объявилъ свои права на императорскій престолъ, какъ внукъ Карла отъ старшаго его сына; напротивъ Людовикъ основывалъ свои права на обычаяхъ своей земли, на волѣ умершаго императора и на выборѣ вельможъ, признавшихъ его наслѣдникомъ престола еще при жизни отца. Бернардъ, оставленный своими, положился на увѣренія императрицы Гермengарды, предложившей ему свое посредничество. Онъ при Шалонѣ на Саонѣ добровольно предался правительству, и открылъ всѣхъ своихъ соучастниковъ. Всѣ они были осуждены на смерть; но поелику императоръ не хотѣлъ подписать приговора, то Гермengарда испросила у него согласіе на лишеніе Бернарда зрѣнія; эта казнь произведена была съ такою жестокостію, что онъ чрезъ три дня умеръ (820).

Впрочемъ не одна Италія находилась тогда въ волненіи; всѣ покоренные народы, какъ-то: Славяне, Баски, Британцы взбунтовались; но Британія скоро возвратилась къ прежней покорности; а Баски были разбиты, вмѣстѣ съ Сарацинами. Въ это самое время на Сѣверѣ основано было архіе-

пископство Гамбургское. Епископъ Шведскій подчиненъ архіепископу Реймскому.

По смерти первой жены, Людовикъ, пригласивъ къ своему двору всѣхъ дочерей вельможъ Имперіи, избралъ въ супруги красивѣйшую изъ нихъ. Юдиѳь, дочь графа Вельфскаго, происходила отъ двухъ народовъ, самыхъ непріязненныхъ Франкамъ; мать ея была Саксонка, а отецъ родился въ Баваріи, странѣ, союзной съ Ломбардами и призвавшей на Имперію Славянъ и Аваровъ. Имѣя, по свидѣтельству исторіи, достаточное образованіе, она совершенно подчинила своего мужа вліянію пронырливыхъ и ловкихъ жителей юга; Людовикъ и прежде еще покровительствовалъ Аквитанцамъ, у которыхъ онъ воспитывался. Бернардъ, сынъ прежняго опекуна его, Св. Вильгельма Тулузскаго, сдѣлался его любимцемъ, а еще болѣе любимцемъ императрицы.

Между тѣмъ онъ начиналъ раскаяваться въ строгости, употребленной имъ противъ Бернарда и монаховъ Валы и Адальгарда. Желая успокоить свою совѣсть, онъ изъявилъ желаніе подвергнуться публичному покаянію. Въ первый разъ, со временъ Ѳеодосія, народы видѣли примѣръ добровольнаго униженія лица столь высокаго. Грубая гордость людей того времени оскорбилась этимъ торжественнымъ сознаніемъ вѣнчанной особы въ своей слабости. Имъ казалось, что тотъ, который унижался предъ духовною властію, не достоинъ былъ повелѣвать воинами. Поступокъ императора казался униженіемъ самой имперіи; — и всѣ бѣдствія, постигшія государство, приписаны были этому неслыханному униженію царскаго сана. Вельможи и епископы порицали слабость короля, винили Ак-

витанца Бернарда. Они давно искали случая уничтожить единство имперіи, и властвовать независимо въ отторженныхъ отъ нея областяхъ.

Но надлежало найти вождя, котораго бы можно было противопоставить императору. На это вызвались собственные его дѣти. Еще въ началѣ царствованія, онъ ввѣрилъ Баварію Людовику, Аквитанію Пепину, съ званіемъ королей, а старшаго Лотарія объявилъ наслѣдникомъ императорской короны, съ титуломъ короля Италійскаго. Но послѣ того, какъ онъ назначилъ своего сына Карла, рожденнаго отъ Юдиѳи, королемъ Аламаніи (Швабіи и Швейцаріи), сыновья отъ прежняго брака, видя свои надежды обманутыми, согласились на мятежныя предложенія вельможъ, которые первое сопротивленіе королевской власти обнаружили отказомъ послать, по требованію короля, своихъ людей противъ Британцевъ. Лотарій, старшій сынъ Людовика, считалъ уже себя императоромъ; онъ прогналъ Бернарда, заключилъ въ темницу Юдиѳь, и сослалъ отца въ монастырь.

Между тѣмъ, ни вельможи, ни братья Лотарія не хотѣли признать его власти; они предпочитали ему Людовика Добродушнаго. Созванъ былъ Сеймъ въ Нимегѣ (à Nimègue), среди народовъ, поддерживавшихъ права послѣдняго (832). Вся Германія туда стеклась для защиты своего императора. Въ это самое время Аквитанецъ Бернардъ возжигаетъ новую войну на югѣ; братья опять между собою мирятся. Папа Григорій IV, привезенный Лотаріемъ, отлучаетъ отъ церкви всѣхъ не хотѣвшихъ покориться королю Италійскому; — и старый императоръ, въ другой разъ оставленный солдатами, опять дѣлается плѣнникомъ своего старшаго

сына. Епископы, державшіе сторону послѣдняго, заставили императора Людовика формальнымъ актомъ сознаться во всѣхъ взводимыхъ на него преступленіяхъ.

Враги его полагали, что это признаніе навсегда лишитъ его народнаго уваженія; но не такъ случилось. Народъ почувствовалъ состраданіе къ престарѣлому императору; невольное его униженіе усилило къ нему привязанность подданныхъ: всѣ оставили преступнаго сына. Покинутый вельможами (834—5), и не успѣвъ на этотъ разъ привлечь къ себѣ партію своего отца, Лотарій принужденъ былъ воротиться въ Италію.

Между тѣмъ новыя дѣйствія императора, внушенныя прежними его совѣтниками, способствовали къ возобновленію междоусобной войны. Съ одной стороны, онъ принудилъ вельможъ возвратить отнятыя у духовенства имѣнія, съ другой уменьшилъ владѣнія старшихъ сыновей, заслуживших впрочемъ это наказаніе, и увеличилъ часть любимаго своего сына Карла Лысаго. Дѣти Пепина, который въ это время умеръ, также лишены своихъ удѣловъ. Людовикъ Баварскій возсталъ противъ распоряженій императора. Въ этой борьбѣ, отца поддерживала Франція, а сына Германія. Но старый Людовикъ не перенесъ печали и трудностей новаго похода; онъ умеръ въ Ингельгеймѣ на одномъ островѣ Рейна близъ Майнца — въ самомъ центрѣ имперіи. Вмѣстѣ съ нимъ рушилась и цѣлость обширной Карловой монархіи (840).

Лотарій пытался возстановить единство имперіи, но его усилія остались безъ успѣха. Впрочемъ императорскій и королевскій титулы, коими онъ

былъ облеченъ, его происхожденіе отъ старшаго сына Карла Великаго, и власть надъ Римомъ доставляли ему большое уваженіе. Вотъ почему короли Германіи и Нейстріи, отъ имени церкви, бѣдныхъ и сиротъ просили мира у Лотарія, когда ихъ арміи встрѣтились при Фонтенаѣ близь Оксеръ (Auxerre); но Лотарій отвергъ ихъ предложеніе.

На другой день братья атаковали его и совершенно разбили (841). Если вѣрить историкамъ, сраженіе было самое кровопролитное; потери съ той и другой стороны были столь значительны, что съ этаго времени начинается упадокъ военныхъ силъ имперіи, предавшейся опустошительнымъ набѣгамъ варваровъ. Между тѣмъ оно было такъ не рѣшительно, что побѣдители не могли преслѣдовать Лотарія, который и въ слѣдующій годъ опять напалъ на Карла Лысаго. Карлъ и Людовикъ, чувствуя опасность своего положенія, составили новый союзъ въ Стразбургѣ, и дабы привлечь къ себѣ народы, рѣшились сдѣлать къ нимъ воззваніе, не на церковномъ языкѣ, который тогда употреблялся исключительно въ государственныхъ переговорахъ и на Соборахъ, но на народномъ нарѣчіи Галліи и Германіи. Король Германскій присягнулъ на языкѣ Романскомъ или Французскомъ, а Французскій на Германскомъ (842).

Епископы, признавъ нужнымъ возстановить миръ между тремя братьями, убѣдили двухъ союзныхъ королей предложить Лотарію выгодныя для него условія. На общемъ Сеймѣ братья рѣшили, чтобы земли, лежащія между Рейномъ и Маасомъ, и области, простирающіяся вдоль Саоны, до ея сліянія

съ Роною, и даже до устья Роны, что составляло треть имперіи, отданы были Лотарію (843).

Лотарій и Пепинъ, заключивъ союзъ съ язычниками, Саксонцами и Сарацинами, утратили покровительство церкви: это было источникомъ всѣхъ ихъ несчастій. Народы ненавидѣли ихъ, какъ друзей варваровъ, и всѣ опустошенія послѣднихъ приписывали имъ. Пепинъ преданъ въ руки Карла Лысаго правителемъ Гасконіи; семейство Лотарія испытало также большіе перевороты. Послѣ его смерти, старшій его сынъ Людовикъ II получилъ титулъ императорскій; средній Лотарій II получилъ королевскую корону Лотарингіи (области между Маасомъ и Рейномъ), а третій Карлъ сдѣлался королемъ Прованса. Карлъ скоро умеръ. Людовикъ, тѣснимый Сарацинами, взятый въ плѣнъ Ломбардами, не взирая на свою храбрость, имѣлъ мало успѣховъ. Кажется, что въ царствованіе Лотарія II начинается преобладаніе Папской власти надъ Королевскою. Прогнавъ свою жену Тейтбергу (Teutberge), Лотарій принужденъ былъ Папою опять взять ее къ себѣ. Онъ явился въ Римъ для оправданія себя, и удостоился принять причастіе изъ рукъ Адріана II. При этомъ случаѣ Папа грозилъ ему небеснымъ мщеніемъ, если онъ не исправится. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того онъ умеръ; въ томъ же году послѣдовала во гробъ и большая часть его семейства. Карлъ Лысый и Людовикъ Германскій поспѣшили воспользоваться этимъ судомъ Божіимъ; они раздѣлили между собою владѣнія Лотарія (869).

Между тѣмъ король Нейстрійскій пользовался, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего царствованія, покровительствомъ церкви. Закономъ Епер-

нейскимъ (846) дарованы были епископамъ права королевскихъ инспекторовъ (missi dominici), на равнѣ съ свѣтскими вельможами королевства. Законъ Кіерсійскій (de Kiersy), (857) преслѣдованіе всякаго рода преступниковъ, поручалъ священникамъ. Такимъ образомъ, вся власть находилась въ рукахъ духовенства; настоящимъ королемъ и Папою Франціи былъ тогда знаменитый Гинкмаръ. Онъ-то, кажется, воспротивился Людовику Германскому, хотѣвшему въ 859 году овладѣть Нейстріей и Аквитаніей, куда звали его вельможи противъ Карла Лысаго. Король все свое содержаніе получалъ отъ епископовъ; войско набиралось между ихъ вассалами; однимъ словомъ, — они и въ военное и въ мирное время управляли государствомъ. »Карлъ, говоритъ лѣтописецъ Сенъ-Бертенскій, объявилъ, что онъ идетъ съ войскомъ, по большой части набраннымъ епископами, на помощь Людовику.« »Король, говоритъ историкъ Реймской церкви, всѣ дѣла церковныя поручалъ Архіепископу Гинкмару; ему же ввѣрялъ войско, назначенное противъ непріятеля; по первому королевскому повелѣнію, онъ созывалъ епископовъ и графовъ.«

Такимъ образомъ власть гражданская и духовная сосредоточена была въ однихъ рукахъ. Два событія низпровергли это слабое правительство. Съ одной стороны умъ человѣческій началъ подвигаться впередъ; съ другой набѣги Норманновъ заставили епископовъ часть гражданской своей власти уступить людямъ, болѣе способнымъ защищать отечество. Въ это время основалась Феодальная система, и схоластическая Философія получила, по крайней мѣрѣ, первое начало.

Тогда какъ имперія все свое вниманіе устремила на Богословскія пренія Готескалька (Gottes-chalk) и Іоанна Скотта о нравственной свободѣ человѣка, — Норманы во всѣхъ частяхъ ея производили опустошенія. Эти варвары, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, были подкрѣпляемы Саксонцами, избѣгавшими Карловыхъ гоненій, — и другими толпами бродягъ. Если вѣрить преданію, страшнѣйшій и отважнѣйшій изъ ихъ морскихъ начальниковъ былъ поселянинъ изъ окрестностей Труа, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Гастингса. Вмѣсто того, чтобы на устьяхъ большихъ рѣкъ содержать вооруженныя суда, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій, его наслѣдники принимали Норманов въ ряды своихъ войскъ, какъ союзниковъ. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ король Гаральдъ, въ награду за принятіе крещенія, получилъ отъ Людовика Благочестиваго область (826), всѣ Норманы съ удовольствіемъ были готовы слѣдовать его примѣру. Сначала они крестились для того, чтобъ получить бѣлую одежду, но новообращенныхъ стало такъ много, что уже недоставало для всѣхъ платья; по мѣрѣ того, какъ имъ отказывали въ крещеніи, которое обращали они въ спекуляцію, эти варвары дѣлались свирѣпѣе. Когда ихъ суда показывались въ рѣкахъ, когда ихъ охотничій рогъ, изъ слоновой кости, раздавался на берегахъ, всѣ жители стремглавъ бросались въ города или монастыри, гоня предъ собою свои стада, и искали защиты у подножія алтарей или у мощей святыхъ. Но варвары съ особеннымъ остервененіемъ оскверняли самыя уважаемыя святыни. Ужасъ былъ такъ великъ, что никто не смѣлъ заниматься землѣдѣліемъ; несчастные жители дѣлали хлѣбъ изъ муки, смѣ-

шанной съ землею; лѣса, на пространствѣ между Сеной и Лоарой, сдѣлались чаще; по Аквитаніи ходило стадо изъ трехъ сотъ волковъ; некому было истреблять ихъ. Казалось вся Франція превратилась въ жилище дикихъ звѣрей.

Норманы опустошали сѣверныя области, а Сарацины южныя. Мы не станемъ подробно описывать всѣхъ ихъ нашествій; довольно будетъ обозначить только три главные ихъ періода: первый, извѣстный въ исторіи подъ именемъ набѣговъ, второй — временныхъ стоянокъ, и третій — окончательныхъ поселеній. Временное пребываніе свое Норманы имѣли на островахъ, образуемыхъ устьями Шельды, Сены и Луары; Сарацины — въ Провансѣ и Сенъ-Морисѣ; дерзость этихъ разбойниковъ доходила до того, что они удаляясь отъ береговъ морскихъ, осмѣливались показываться на самыхъ Альпахъ, въ дефилеяхъ, чрезъ которыя идутъ главнѣйшія дороги Европы. Сарацины успѣли основать постоянныя поселенія только въ Сициліи. Напротивъ Норманы, болѣе способные къ общественному устройству, по принятіи Христіанства, водворились во многихъ областяхъ Франціи, особенно въ Нормандіи, получившей отъ нихъ свое имя.

Такимъ образомъ духовная власть не могла защитить Франціи; слабость ея была доказана опытомъ. Карлъ отдѣлился отъ церкви; но это послужило только къ уменьшенію его силы. Унижая епископовъ, распоряжаясь ихъ имуществомъ, противопоставляя Папу Гинкмару, украшая себя пустыми титулами, принимая званіе короля Лотарингіи, дѣля съ Аллеманами владѣнія племянника своего Лотарія II, Карлъ ни мало не увеличилъ своего

могущества. Больше всего обнаружилось его безсиліе послѣ того, какъ онъ сдѣлался императоромъ. Смерть другаго его племянника Людовика II открыла ему въ 875 году удобный случай къ занятію императорскаго престола. Онъ предъупреждаетъ въ Римѣ дѣтей Людовика Германскаго и получаетъ императорское достоинство. Но тогда какъ онъ, въ самый день Рождества Христова, облекается въ порфиру Цезарей, его братъ занимаетъ своими войсками Нейстрію, и торжествуетъ въ собственномъ дворцѣ Карла; бѣдный императоръ, узнавъ о приближеніи одного изъ своихъ племянниковъ къ границамъ Италіи, бѣжитъ оттуда и умираетъ отъ болѣзни въ одной Алпійской деревнѣ (877),

Его сынъ Людовикъ Косноязычный не имѣлъ и тѣни власти, какою пользовался еще Карлъ Лысый. Италія, Лотарингія, Бретань и Гасконія отложились отъ него. Въ сѣверной Франціи онъ принужденъ былъ объявить епископамъ и вельможамъ, что онъ царствуетъ по выбору народному. Его правленіе было кратковременно; но дѣти его жили еще мѣньше. О царствованіи юнаго Людовика одинъ лѣтописецъ выражается слѣдующими словами, показывающими униженіе, въ которомъ находилась тогда Франція: »онъ построилъ деревянную крѣпость; но она послужила болѣе въ пользу варваровъ, чѣмъ христіанъ; потому что король не могъ найти человѣка, которому бы можно было ввѣрить ея защиту.«

Впрочемъ Людовикъ въ 881 году имѣлъ успѣхи въ войнѣ противъ Норманновъ, опустошавшихъ области, лежащія на Шельдѣ. Тогдашніе историки въ пышныхъ выраженіяхъ прославляютъ это

рѣдкое событіе. На Нѣмецкомъ языкѣ и по нынѣ сохранилась пѣсня, на этотъ случай сочиненная. Это пораженіе сдѣлало варваровъ еще свирѣпѣе.

Такъ какъ въ 885 году Французская отрасль прекратилась: то возведенъ былъ на престолъ Карлъ Толстый, принадлежавшій къ Германской линіи того же дома. Этотъ государь возвратилъ единство имперіи Карла Великаго. Онъ былъ императоромъ, королемъ Германскимъ, Италійскимъ и Французскимъ. Въ его правленіе Норманы, не довольствуясь уже одними набѣгами, стали брать крѣпости. Они осадили Парижъ; но всѣ ихъ усилія — взять его, были напрасны. Быть можетъ, покушенія ихъ противъ этого города увѣнчались бы успѣхомъ, если бы не отстояли его графъ Эйдъ, сынъ Роберта Сильнаго, епископъ Гозленъ и аббатъ Сен-Жерменскій. Эйдъ рѣшился даже вытти изъ осажденнаго города, чтобы выпросить помощь у Карла Толстаго. Императоръ дѣйствительно приблизился съ войскомъ; но ограничился только наблюденіемъ за непріятелями, и наконецъ убѣдилъ ихъ отступить отъ Парижа, и напасть на Бургундію, не признававшую его власти (885—886). Этотъ малодушный поступокъ весьма унизилъ императора въ глазахъ подданныхъ.

Наконецъ родъ Карловинговъ прекратился. Безплодіе восьми королевъ и преждевременная смерть шести королей были признаками тогоже страннаго перерожденія, которое предшествовало уничтоженію прежняго царственнаго дома Меровинговъ. Когда Французская линія угасла, Франція не хотѣла долѣе повиноваться Германской. Въ 888 году, она торжественно низлагаетъ Карла Толстаго на Трибурскомъ сеймѣ. Послѣ этого, не только королев-

*

ства, составлявшія имперію Карла Великаго, но даже герцогства и графства опять раздробляются.

Карлъ Лысый въ послѣдній годъ своего царствованія объявилъ графства наслѣдственными; это право давно уже было присвоено леннымъ владѣльцамъ. Графы, бывшіе дотолѣ временными правителями, сдѣлались наслѣдственными государями — каждый во ввѣренной ему области. Самый могущественный изъ этихъ основателей феодальной системы былъ шуринъ Карла Лысаго — Бозонъ, принявшій титулъ короля Прованскаго или Бургундскаго по сю сторону Юры (879). Между тѣмъ Родольфъ-Вельфъ (888) возвелъ на степень королевства Бургундію по ту сторону Юры. Эти двѣ области составляли оплотъ Франціи съ Юго-Востока. Сарацины должны были тамъ бороться съ Бозономъ, Жерардомъ Русильонскимъ, знаменитымъ героемъ романовъ, епископомъ Гренобльскимъ и Виконтомъ Марсельскимъ.

У самой подошвы Пиренеевъ герцогство Гасконское опять возстановлено потомками Гюнальда и Гюафера, испытавшими большія гоненія отъ Карловинговъ, которымъ они нанесли сильное пораженіе при Ронсевалѣ. Въ Аквитаніи возникли могущественные дома Готійскій, (Нарбонна, Русильонъ и Барцелона) Пуатьерскій и Тулузскій. Два первые производили свой родъ отъ Св. Вильгельма, побѣдителя Сарациновъ.

На Востокѣ владѣтель Ганау, графъ Реньеръ отстоялъ Лотарингію отъ Германскихъ народовъ и отъ свирѣпаго Свендебольда, сына короля Германскаго. Дѣйствія Реньера — *Ренара* (лисица) на всегда останутся образцемъ успѣшной борьбы хитрости съ матеріальною силою.

Но важнѣйшая борьба происходила на Западѣ, въ областяхъ, прилежащихъ Нормандіи и Бретани. Сюда-то каждый годъ являются храбрые сыны Сѣвера. — Бретонъ Номеноѐ разбилъ Карла Лысаго и Нормановъ, защитилъ независимость Бретанской церкви и пытался сдѣлать Бретань независимымъ королевствомъ. Послѣ его смерти Норманы опять приходятъ еще въ большемъ числѣ, и всю страну обращаютъ въ пустыню. Уже въ 937 году, одинъ изъ его наслѣдниковъ, мужественный Алланъ Барбетортъ отнялъ у нихъ Нантъ.

Въ 859 году вельможи не позволяютъ народу вооружиться противъ Нормановъ. Въ 864 Карлъ Лысый запрещаетъ самимъ вельможамъ строить замки; но чрезъ нѣсколько лѣтъ снова появляется множество замковъ; вельможи вездѣ вооружаютъ своихъ вассаловъ. Варвары начинаютъ встрѣчать сопротивленіе. Робертъ Сильный погибъ, сражаясь съ Норманами при Бризертѣ (866). Его сынъ Эйдъ былъ счастливѣе; онъ успѣлъ защитить противъ нихъ Парижъ (885). Норманы, принужденые оставить его, столь же безуспѣшно, осаждаютъ Сансъ. Въ 891 году король Германскій Арнульфъ поражаетъ ихъ близь Лувена и опрокидываетъ въ Дилу. Въ 933 и 955 году императоры Саксонскіе, Генрихъ Птицеловъ и Оттонъ Великій побѣждаютъ Венгерцевъ въ знаменитыхъ сраженіяхъ Мерсебургскомъ и Аугсбургскомъ. Около того же времени епископъ Изартъ выгоняетъ Сарациновъ изъ Дофине, а Виконтъ Марсельскій Вильгельмъ освобождаетъ отъ нихъ Провансъ (965—973).

Центромъ важнѣйшихъ дѣйствій Меровинговъ была область Турская; театромъ войнъ Карловинговъ противъ Нормановъ и Бретоновъ были также

берега Луары, но гораздо западнѣе, на рубежѣ областей Анжуской и Бретанской. Здѣсь-то возвысились два царственные дома Франціи и Англіи, т. е. Капетинскій и Плантагенетскій. Оба они происходятъ отъ неизвѣстныхъ родоначальниковъ, и пріобрѣли себѣ знаменитость защитою своего отечества. Второй изъ нихъ приписываетъ свое происхожденіе Портульфу, простому крестьянину изъ Ренна (Rennes). Его сынъ получилъ достоинство Сенешаля Анжускаго. Въ этой самой провинціи поселились первоначально и Капеты. Кажется, что они были Саксонскіе выходцы, поступившіе на службу къ Карлу Лысому. Первому, извѣстному намъ ихъ родоначальнику Роберту Сильному, онъ ввѣрилъ защиту областей, лежащихъ между Сеною и Луарою. Его сынъ Эйдъ одержалъ при Монфоконѣ знаменитую побѣду надъ Норманами, и послѣ низложенія Карла Толстаго провозгласилъ себя королемъ Франціи (888). Карлъ Простой, наслѣдникъ Карла Толстаго, обратился съ просьбою о помощи къ Арнульфу, королю Германскому. Этимъ поступкомъ еще болѣе раздражилъ противъ себя народъ. Онъ явился къ Арнульфу въ Вормсѣ, поднесъ богатые дары и всячесли убѣждалъ его признать себя королемъ Французскимъ. Но не взирая на помощь Арнульфа, онъ, при каждой попыткѣ возвратить себѣ престолъ, претерпѣвалъ пораженіе и бывлъ въ необходимости отступать за Маасъ. Наконецъ однакожъ, при содѣйствіи Германіи онъ успѣлъ овладѣть областями между Маасомъ и Сеною. Свентебольдъ, побочный сынъ Арнульфа, король Лотарингіи въ 895 году вторгся во Францію, набравъ армію изъ Лотаринговъ, Алзасцевъ и Фламандцевъ. Онъ проникъ до Лаона, но скоро при-

нужденъ былъ отступить, преслѣдуемый войскомъ короля Эйда. По смерти Эйда (898) Карлъ Простой, признанный королемъ тѣми самыми, которые наиболѣе способствовали къ удаленію его отъ престола, спокойно царствовалъ 22 года. Въ продолженіе этого времени, онъ уступилъ Роллону, одному Норманскому вождю, область получившую названіе Нормандіи.

Новый король Людовикъ, прозванный Людовикомъ *изъ за-моря.* (d'Outremer) заключилъ тѣсный союзъ съ Оттономъ, королемъ Германскимъ, могущественнѣйшимъ государемъ того времени. Этотъ союзъ раздражилъ вельможъ, нетерпѣвшихъ вліянія Тевтоническаго. Представителемъ общаго неудовольствія, и самымъ могущественнымъ владѣтелемъ между Сеною и Луарою, былъ тогда Гюгъ, графъ Парижскій, по общирности своихъ владѣній, прозванный Великимъ. Хотя Гюгъ Великій никода не принималъ королевскаго званія, однако съ 940 года, слѣдуя примѣру Эйда, Роберта и Рауля, объявившихъ себя врагами Карла Простаго, явно противодѣйствовалъ политикѣ Людовика. Первымъ его дѣломъ было лишить противную партію опоры герцога Норманскаго. Успѣвъ въ этомъ, онъ при содѣйствіи Норманновъ, ослабилъ вліяніе Германіи на внутреннія дѣла Франціи. Всѣ попытки Людовика и партіи Франковъ — покорить небольшое Герцогство Норманское, были безуспѣшны. Самъ король, побѣжденный герцогомъ, взятъ былъ въ плѣнъ съ шестнадцатью изъ своихъ графовъ, и заключенъ въ Руанскую башню; впослѣдствіи времени онъ выданъ начальникамъ народной партіи и заключенъ въ Лаонѣ. Тщетно Тевтоническія державы, подъ предводительствомъ императора Германскаго

и графа Фландрскаго, вооружились въ пользу низложеннаго короля (946); ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ.

По смерти Людовика наслѣдовалъ ему сынъ его Лотарій. Два года спустя умеръ и графъ Гюгъ, оставивъ трехъ сыновей, изъ коихъ старшему, носившему его имя, досталось въ удѣлъ графство Парижское, называвшееся герцогствомъ Французскимъ. При жизни своей онъ ввѣрилъ своихъ дѣтей надзору Рикарда или Ричарда, герцога Норманскаго, естественнаго покровителя его семейства и партіи. Казалось, что эта партія находилась въ усыпленіи до 980 года.

Но причиной ея бездѣйствія было малолѣтство короля Лотарія и герцога Французскаго Гюга Капета, находившихся подъ опекою своихъ матерей Гедвиги и Герберги, сестеръ Германскаго императора Оттона. Кажется, что этотъ могущественный монархъ, чрезъ посредство своего брата Брюно, архіепископа Кельнскаго и герцога Лотарингскаго и Нидерландскаго управлялъ въ то время Франціею. По смерти Оттона Великаго, Лотарій неожиданно напалъ на владѣнія имперіи, и какъ побѣдитель, занялъ Ахенской дворецъ. Но этотъ отважный походъ привелъ Германскія дружины, въ числѣ 60-ти тысячь Аллемановъ, Лотаринговъ, Фламанцевъ и Саксонцевъ, на высоты Мон-Мартра, которыя они огласили торжественно пѣснью: Te Deum laudamus. Императоръ Оттонъ II, предводительствовавшій этимъ войскомъ, не такъ былъ счастливъ въ своемъ отступленіи, какъ въ нашествіи; онъ съ трудомъ возвратился въ свои владѣнія. Но Лотарій, желая пріобрѣсть въ немъ сильнаго союзника, уступилъ ему всѣ свои завоева-

нія въ Лотарингіи. Этотъ трактатъ привелъ Францію въ негодованіе. Въ 983 году, пользуясь смертію Оттона II и малолѣтствомъ его сына, онъ расторгъ союзъ, заключенный съ Имперіею и опять вступилъ съ войскомъ въ Лотарингію. Этотъ походъ нѣсколько примирилъ его съ народомъ, и сему-то обстоятельству должно приписать спокойный конецъ его царствованія. Между тѣмъ его власть постепенно упадала и переходила въ руки сына Гюга Великаго графа Иль-де-Франскаго и Анжускаго, извѣстнаго подъ именемъ *Капета* или *Шапета.*

Затрудненія, которыя бы необходимо встрѣтило въ 987 году четвертое возстановленіе дома Карловинговъ, удержали государей Германскихъ отъ мысли — послать войско на помощь претенденту Карлу, брату предпослѣдняго короля и герцогу Лотарингскому, объявившему себя вассаломъ Имперіи. Поддерживаемый только своими внутренними приверженцами, онъ успѣлъ завладѣть Лаономъ, и держался въ немъ нѣсколько времени; но наконецъ измѣна одного изъ его приближенныхъ предала его въ руки враговъ. Гюгъ Капетъ заключилъ его въ башню Орлеанскую, гдѣ онъ и находился до самой смерти. Его сыновья, Людовикъ и Карлъ, родившіеся въ тюрьмѣ, по смерти отца были изгнаны изъ Франціи. Они нашли пріютъ въ Германіи.

Эпоха возвышенія новаго, уже третьяго дома, на престолѣ Франціи — есть одна изъ важнѣйшихъ эпохъ въ нашей исторіи. Здѣсь прекращается владычество Франковъ, и чужеземное правительство, владычествовавшее по праву завоеванія, замѣняется національнымъ. Съ этого времени наша

исторія уже не такъ запутана; она изображаетъ судьбу одного народа, который постоянно сохраняетъ отличительный характеръ, не взирая на всѣ измѣненія въ его правахъ и гражданственности. Самостоятельность народа есть краеугольный камень, на которомъ столько вѣковъ утверждается единство династій

Впрочемъ возвышеніе новой династіи едва было замѣчено въ отдаленныхъ провинціяхъ. Правители Гаскоміи, Лангедока, Прованса отнюдь не заботились о томъ, кто былъ королемъ на берегахъ Сены, Карлъ или Гюгъ Капетъ. Долго еще власть королевская не будетъ имѣть никакихъ преимуществъ предъ властію обыкновенныхъ герцоговъ и графовъ. Но уже и то важно, что новый король, по крайней мѣрѣ, равенъ большимъ вассаламъ, что онъ вышелъ изъ среды своего народа и освободился отъ опеки епископа Реймскаго. Послѣдніе Карловинги съ трудомъ боролисъ противъ самыхъ слабыхъ бароновъ. Но Капеты, кромѣ королевскаго званія, владѣютъ еще обширными помѣстьями и въ состояніи противустоять графу Анжускому или Пуатьерскому.

Дошедши до эпохи, въ которую оканчивается владычество Германцевъ, и начинается самостоятельное народное правительство, мы должны нѣсколько остановиться. Теперь наступаетъ послѣдній годъ тысящилѣтія отъ явленія въ міръ Спасителя— великая и торжественная эпоха, въ которую люди среднихъ вѣковъ ожидали преставленія свѣта. Въ самомъ дѣлѣ одинъ міръ кончается. Бросимъ взглядъ на протекшее время. Франція, какъ самостоятельное государство, уже прошла два возраста своей народной жизни.

Въ первомъ Галлія наводнена была разными племенами, сначала Цельтами, потомъ Римлянами, наконецъ Германцами. Вотъ элементы и живые матеріалы нашего общества.

Во второмъ начинается смѣшеніе племенъ, стремящихся къ образованію прочнаго общества. Франція хотѣла бы сдѣлаться общественнымъ міромъ; но подобное устройство предполагаетъ постоянное жительство на однихъ мѣстахъ, и неизмѣнный порядокъ. Между тѣмъ безпрестанныя переселенія препятствуютъ симъ общественнымъ элементамъ развиться въ надлежащей полнотѣ. Еще при Карловингахъ замѣчено стремленіе къ прочному порядку и постоянному образу жизни; но выполнить эту цѣль предназначено феодальной системѣ; она-то привяжетъ человѣка къ землѣ, и самый законъ, изъ личнаго, обратитъ въ поземельный. Подъ ея вліяніемъ все дробится и разъединяется, и чтобы исторія могла слѣдовать за судьбою всѣхъ феодальныхъ династій, покрывшихъ страну своими замками, ей должно также дробиться на части. Настоящая исторія Франціи заключалась бы тогда въ изображеніи судьбы леновъ, а не дѣйствій королевской власти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Занятіе престола династіею Капетовъ (987). Завоеваніе обѣихъ Сицилій и Англіи Норманами въ одиннадцатомъ столѣтіи.

Въ среднихъ вѣкахъ существовало общее мнѣніе, что тысячный годъ по Р. Х. будетъ послѣд-

нимъ годомъ міра. До появленія еще Христіанства Етруски полагали конецъ міра чрезъ десять вѣковъ отъ начала ихъ эры, — и это предсказаніе исполнилось. Христіанство, временный гость на этой землѣ, охотно принимало эти вѣрованія. Общества среднихъ вѣковъ не имѣли правильныхъ формъ древняго міра и сквозь наружный ихъ хаосъ весьма трудно было замѣтить ихъ внутреннюю силу. Тогдашній міръ однакоже чувствовалъ потребность порядка — и ожидалъ его отъ одной смерти.

Бѣдствія, предшествовавшія и послѣдовавшія за тысячнымъ годомъ еще болѣе усиливали вѣру въ скорое наступленіе Страшнаго Суда. Казалось, что порядокъ временъ измѣнился, что стихіи слѣдовали другимъ законамъ; ужасная зараза опустошала Аквитанію; тѣла больныхъ имѣли видъ сожженныхъ; голодъ до такой степени свирѣпствовалъ, что люди пожирали другъ друга.

Эти чрезмѣрныя бѣдствія, поселивъ въ сердцахъ уныніе, нѣсколько смягчили нравы. Война была запрещена въ нѣкоторые дни недѣли (отъ вечера Среды до утра Понедѣльника), и это называлось *миромъ* или *перемиріемъ Божіимъ*. Среди всеобщаго ужаса многіе искали убѣжища подъ сѣнію церкви. Они отказывали ей свои помѣстья, дома, рабовъ; но весьма часто всѣ эти богатыя приношенія не успокоивали ихъ совѣсти. Они слагали съ себя всѣ знаки военнаго званія и замѣняли ихъ монашескою одеждою. Первый изъ Капетовъ, Гюгъ никогда не носилъ королевской короны; онъ довольствовался митрою, какъ аббатъ Св. Мартина Турскаго.

Капеты, по общему мнѣнію, происходили отъ простой Саксонской фамиліи. Ихъ дѣдъ, Робертъ Сильный, защищалъ страну противъ Норманов; Эйдъ постоянно противоборствовалъ императорамъ, принимавшимъ сторону послѣднихъ Карловинговъ. Его наслѣдники обязаны были престоломъ народной любви къ ихъ воинственнымъ предкамъ. По совѣту духовенства они искали также родства съ Греческими императорами. Подобные союзы должны были ослабить преимущество Карловинговъ, превосходившихъ ихъ древностію рода. Гюгъ Капетъ женилъ своего сына на одной Константинопольской царевнѣ. Его внукъ Генригъ I вступилъ въ бракъ съ дочерью Русскаго князя, происходившею по женской линіи отъ императорской крови династіи Македонской. Эта династія производила свой родъ отъ Александра Великаго, Филиппа, а чрезъ нихъ отъ Геркулеса. Французскій король назвалъ своего сына Филиппомъ — и это имя носили впослѣдствіи весьма многіе Капеты.

Возвышеніе дома Капетовъ было дѣломъ духовенства и герцога Нормандіи — Ричарта Безстрашнаго: Гюгъ возвратилъ церквамъ ихъ имущества и привиллегіи. Блуа, Туръ и Шартръ управлялись другимъ Норманскимъ домомъ, владѣвшимъ притомъ Мо и Бове (Meaux et Beauvais); нѣкоторые писатели производятъ его отъ Тіебольда, родственника Роллона. Норманы Блуаскіе, естественные соперники Норманскихъ, долго не хотѣли признать Гюга Капета королемъ; но онъ успѣлъ наконецъ привлечь ихъ на свою сторону, женивъ своего сына Роберта на знаменитой Бертѣ, вдовѣ Эйда I. Блуаскаго (995). Берта, наслѣдница королевства Бургундскаго, по брату своему Родольфу, принесла

Капетамъ нѣкоторыя права на это королество, завѣщанное Родольфомъ Имперіи. Папа Григорій V, преданный императорамъ, подъ прелогомъ какого-то отдаленнаго родства, рѣшился расторгнуть бракъ Роберта, — въ случаѣ же отказа, отлучить его отъ церкви (998). Извѣстна исторія или басня о Робертѣ, оставленномъ всѣми служителями, и преданіе о Бертѣ, родившей чудовище. Но въ слѣдующемъ году Папскій престолъ занимаетъ Французъ Жербертъ, искренній другъ дома Капетовъ, и на долго соединяетъ политику Рима съ политикою Французскаго двора. По разсказамъ современниковъ, этотъ Жербертъ былъ чародѣй: дьяволъ научилъ его Арабскимъ цифрамъ, Алгебрѣ и искусству дѣлать часы. Онъ былъ прежде монахомъ въ Аврильякѣ (à Aurillac); потомъ убѣжалъ въ Барцелону, гдѣ сложивъ монашеское званіе, отправился въ Кордову и посвятилъ себя занятію науками, особенно Алгеброй; оттуда Жербертъ является въ Римъ; Оттонъ Великій дѣлаетъ его наставникомъ сына и внука; потомъ онъ преподаетъ науки въ знаменитой Реймской Академіи, гдѣ его слушаетъ и добрый король Робертъ. Пріобрѣвши довѣренность архіепископа, онъ потомъ низлагаетъ его разными происками, и при содѣйствіи Гюга Капета, заступаетъ его мѣсто. Вліяніе этого человѣка было весьма полезно для Капетовъ. Они доставили ему архіепископство, а онъ съ своей стороны, помогъ имъ достигнуть королевской власти. Принужденный удалиться къ Оттону III, онъ возводится въ достоинсво архіепископа Равеннкаго, а потомъ дѣлается Папою. Онъ судитъ вельможъ, назначаетъ королей (Венгріи и Польши), предписываетъ законы республикамъ и проповѣдуетъ крестовой походъ.

Послѣ развода Роберта съ Бертою и несчастій, постигшихъ домъ Блуаскій и Шампанскій въ войнѣ противъ имперіи, усилился домъ Анжускій. Анжускій правитель Фулкъ Нерра женилъ короля Роберта на своей племянницѣ Констанціи, дочери графа Тулузскаго. Робертъ, находясь подъ опекою своей жены, имѣлъ полную свободу сочинять гимны и заниматься церковнымъ пѣніемъ.

Вскорѣ потомъ Норманы стали управлять Робертомъ. Они рѣшились покорить ему Бургундію, съ завоеваніемъ которой они утверждали свою власть въ Верхне-Сенскихъ областяхъ. Младшій его сынъ Робертъ, былъ первымъ герцогомъ Бургундскимъ изъ дома Капетовъ (1032). Изъ этого же дома произошли короли Португальскіе, а изъ Франшъ-Конте Кастильскіе.

Анжуская фамилія, пріобрѣвшая, при Гюгѣ Капетѣ и Робертѣ вліяніе на Капетовъ, пыталась кажется употребить въ свою пользу ихъ содѣйствіе противъ Пуату и Аквитаніи. Но не смотря на расказы о знаменитой побѣдѣ, одержанной будтобы Гюгомъ Капетомъ надъ графомъ Пуатускимъ, югъ остался независимымъ отъ сѣвера. Достовѣрнѣе то, что Аквитанія, по своимъ родственнымъ связямъ съ домомъ Анжускимъ, имѣла нѣкоторое вліяніе на правительство сѣверной Франціи. Констанція, дочь графа Тулузскаго и племянница графа Анжускаго, при Робертѣ управляла королевствомъ. (*)

(*) *Примѣч.* Домъ Анжускій, не взирая на свои внутреннія раздоры, взялъ верхъ надъ домомъ Блуаскимъ и Шампанскимъ. Оба они находились въ родственныхъ связяхъ съ Норманами, завоевателями Англіи. Но графы Блуаскіе весьма не долго владѣли престоломъ Англійскимъ, тогда какъ Анжевины, подъ именемъ *Плантагенетовъ* занимали его

Желая продолжить свою власть и по смерти своего мужа, она вознамѣрилась возвести на престолъ младшаго своего сына Роберта. Но духовенство объявило себя въ пользу старшаго, Генриха. Герцогъ Норманскій взялъ его подъ свое покровительство и заставилъ Роберта довольствоваться однимъ герцогствомъ Бургундскимъ. Впрочемъ за эту услугу онъ получилъ область Вексенъ (Vexin), отстоявшую на шесть миль отъ Парижа. Генрихъ, пользуясь смутами, возникшими въ Нормандіи при новомъ герцогѣ Вильгельмѣ, пытался возвратить Вексенъ, но безуспѣшно. Этотъ Вильгельмъ, о которомъ мы послѣ будемъ говорить пространнѣе, разбилъ своихъ бароновъ и короля; но къ счастію Франціи, онъ обратилъ потомъ свое оружіе и политику противъ Англіи.

Генрихъ и его сынъ Филиппъ I-й (1031—1108) оставались спокойными зрителями важныхъ событій, происходившихъ въ Европѣ во время ихъ царствованія. Они не принимали участія въ экспедиціяхъ Норманновъ противъ королевствъ Неаполитанскаго и Англійскаго, ни въ крестовомъ походѣ, ни въ борьбѣ Папъ съ императорами; они допустили императора Генриха III утвердить свое владычество въ Европѣ и отказали въ пособіи графамъ Фландрскому, Голландскому, Брабантскому и Лотарингскому во время войны Нидерландовъ съ имперіею.

Впрочемъ Папы не безъ причины назвали Францію старшею дочерью церкви. При ея помощи

съ двѣнадцатаго до тринадцатаго столѣтія, присоединивъ къ прочимъ своимъ владѣніямъ весь берегъ Франціи отъ Фландріи до Пиренеевъ, и едва не завоевали всю Францію.

вездѣ успѣвали одерживать верхъ надъ своими политическими и религіозными противниками въ среднiе вѣки. Еще въ одинадцатомъ столѣтіи, когда слабая власть Капетовъ не могла защитить ихъ, Французскіе Норманы отразили императора отъ стѣнъ Рима, выгнали Грековъ и Сарацинъ изъ Италіи и Сициліи и покорили Англію. Во время крестоваго похода, Франція принимаетъ главнѣйшее участіе въ этомъ событіи, которое столь много способствовало усиленію Папской власти и доставила ей столько способовъ съ успѣхомъ бороться съ императорами.

Въ этой упорной борьбѣ, Папы опирались на двухъ союзниковъ: на знаменитую графиню Матильду, столь могущественную въ Италіи, вѣрную и цѣломудренную подругу Григорія VII. Эта принцесса, Французскаго происхожденія, родственница Годфреда Бульонскаго, подверглась гоненіямъ со стороны Германскихъ императоровъ и ссылкѣ; но неупала въ самыхъ нещастіяхъ. Послѣ Матильды, самые лучшіе защитники Папы были наши Норманы, завладѣвшіе Неаполемъ и Англіей. Еще прежде крестовыхъ походовъ, этотъ предпріимчивый народъ воевалъ по всей Европѣ. Весьма любопытно изслѣдовать, какимъ образомъ эти разбойники сдѣлались ревностными защитниками кафедры Св. Петра. Одаренные необыкновенною смѣлостію и хитростію, подобно древнимъ Римлянамъ, завоеватели и вмѣстѣ *сутяги* (chicaneux), приказные и воины, друзья духовенства (по крайней мѣрѣ въ началѣ своихъ предпріятій), они пріобрѣли могущество, дѣйствуя то за церковь, то вопреки церкви. — Героемъ этого народа былъ Робертъ Хитрый.

Въ южную Италію, гдѣ Норманамъ предназначено основать государство, сначала привела ихъ набожность. Три народа владѣли тогда этой страной: Ломбарды занимали горы, Греки приморскія мѣста, а Сарацины Сицилійскіе и Африканскіе, не имѣя постояннаго пребыванія, бродили по всѣмъ берегамъ. Около 1000-го года по Р. Х. Норманы, пришедшіе на богомолье, помогаютъ жителямъ Салернскимъ, вытѣсняютъ изъ ихъ страны Аравитянъ, обложившихъ ихъ данью. Полученная ими за это пособіе награда привлекаетъ въ Италію и другихъ Нормановъ. Одинъ Грекъ изъ Бари, по имени Мело или Мелесъ, желая освободить свой городъ отъ ига Византійскихъ Грековъ, нанимаетъ противъ нихъ Сѣверныхъ пришельцевъ. Потомъ, Неаполитанская Греческая республика отдаетъ имъ крѣпость Аверсу, чтобы имѣть въ нихъ защитниковъ противъ Капуйскихъ Ломбардовъ (1026). Наконецъ являются дѣти бѣднаго Кутанскаго дворянина Танкреда Готвиля, — и Византійскій правитель употребляетъ ихъ противъ Аравитянъ. Но когда, приставшіе къ нимъ, соплеменники ихъ, значительно увеличили ихъ число: они, обративъ оружіе противъ союзниковъ, овладѣли Апуліею (la Pouille) и раздѣлили ее на 12 графствъ. Греки выставили противъ нихъ до 60-ти тысячь Италіанскихъ войскъ, но были разбиты и принуждены просить помощи у Германцевъ. Восточная и Западная имперіи соединили свои силы противъ сыновей бѣднаго Кутанскаго дворянина. Могущественный императоръ Генрихъ III поручилъ Папѣ Льву IX, Германцу по происхожденію и своему родственнику, истребить этихъ разбойниковъ. Норманы, взявъ въ плѣнъ воинственнаго первосвященника, съ необыкновенною набож-

ностію преклонили предъ нимъ колѣна и заставили его утвердить за ними и считать церковнымъ леномъ всѣ завоеванныя ими и могущія впредь быть завоеванными области въ Апуліи, Калабріи и Сициліи. Папа, противъ воли, сдѣлался государемъ обѣихъ Сицилій (1052—1053). Завоеваніе южной Италіи довершилъ Робертъ Гюнскаръ. Его братъ Рожеръ проникъ въ Сицилію, и послѣ самой неровной и романической борьбы, вытѣснилъ оттуда Аравитянъ.

Это феодальное королевство было весьма полезно для Италіи. Папы, которые, подобно Григорію VII, хорошо понимали выгоды Италіи, не обращали вниманія на разбои Норманова, но всякій разъ соединялись съ ними противъ императоровъ Греческихъ и Германскихъ. Робертъ Гюнскаръ выгналъ изъ Рима торжествующаго Генриха и далъ убѣжище изгнанному Григорію VII, который скончался у него въ Салернѣ.

Это необыкновенное счастіе бѣднаго дворянскаго семейства возбудило соревнованіе въ герцогѣ Норманскомъ Вильгельмѣ. Дружба Вильгельма была весьма полезна для Римской церкви, которою управлялъ тогда Гильдебрандъ, извѣстный подъ именемъ Григорія VII. Ихъ замыслы согласовались между собою. Англія была для Нормановъ другою Сициліею: имъ нужно было ее завоевать. Для Рима она была также ненавистна. Правда, въ ней не было аббатовъ; но церковь Англо-саксонская съ давняго времени отличалась своими независимыми мнѣніями. Нѣсколько уже вѣковъ Великобританія была театромъ безпрерывныхъ нашествій. Всѣ племена сѣверныя: Цельты, Саксоны, Датчане стремились туда, какъ въ Сицилію народы южные.

*

Датчане владѣли ею пятдесятъ лѣтъ; но внутреннія раздоры между побѣдителями способствовали возвращенію на престолъ Эдуарда Исповѣдника, происходившаго отъ древнихъ Саксонскихъ королей, и воспитаннаго въ Нормандіи, откуда была родомъ мать его. Тщетно пытался онъ освободить себя изъ подъ опеки могущественнаго Саксонскаго вождя Годвина, который, побѣдивъ Датчанъ и возстановивъ древнюю династію, именемъ ея управлялъ всѣмъ королевствотъ. Сынъ Годвина Гарольдъ, обладавшій высокими природными качествами, успѣлъ получить согласіе слабаго короля на назначеніе себя наслѣдникомъ престола.

Одинъ странный случай содѣйствовалъ честолюбивымъ видамъ Вильгельма и нѣкоторымъ образомъ оправдывалъ притязанія его на Англію. Гарольдъ былъ однажды брошенъ бурею на берегъ Франціи; Вильгельмъ принялъ его весьма ласково, но заставилъ клясться надъ мощами, что онъ будетъ ему помогать въ завоеваніи Англіи по смерти Эдуарда. Гарольдъ, получивъ свободу, не думалъ о своей клятвѣ и обѣщаніи, но Норманъ требовалъ, чтобы онъ немедленно исполнилъ его. Между тѣмъ предъ выступленіемъ въ походъ онъ объявилъ, что свои права подвергаетъ суду Папы, и Латранскій конклавъ присудилъ Англію герцогу Норманскому. Этотъ смѣлый приговоръ состоялся по внушеніямъ Гильдебранда, — и Вильгельмъ получилъ на новое королевство дипломъ, вмѣстѣ съ освященнымъ знаменемъ и волосомъ Св. Петра.

Но между тѣмъ, какъ Норманы собирались переправиться въ Англію, вся Бретань, подъ предводительствомъ юнаго герцога Конана, вооружилась противъ Нормандіи. Къ счастью Вильгельма, Ко-

панъ умеръ въ началѣ своей экспедиціи; его рогъ и перчатки были отравлены.

Саксонцы должны были противоборствовать двумъ непріятелямъ. Родной братъ Гарольда звалъ сперва Норманов, потомъ Датчанъ; послѣдніе дѣйствительно напали на нее съ сѣвера, тогда какъ Вильгельмъ вторгнулся на югѣ. Гарольдъ, оттѣснивъ Датчанъ, пошелъ на встрѣчу Норманамъ; но въ славной Гастингской битвѣ счастье измѣнило ему. Норманскія копья преодолѣли Саксонскія сѣкиры; вся его армія была побита или разсѣяна (1066).

Сначала Вильгельмъ обращался съ новыми подданными весьма кротко. Но послѣ вспыхнувшаго сильнаго мятежа, вся страна была размежевана и раздѣлена на 60-ть тысячь участковъ, которые отданы были въ полное владѣніе Норманскимъ войскамъ. Этотъ раздѣлъ внесенъ былъ въ черную книгу, извѣстную подъ именемъ книги завоеванія (Doomsday book). Какъ ни велики были бѣдствія, сопровождавшія этотъ важный переворотъ; однако его послѣдствія были весьма полезны для Англіи и человѣчества. Въ первый разъ въ средніе вѣки учреждалось теперь прочное правительство. Общественныя силы, раздробленныя во Франціи и Германіи, въ Англіи сосредоточены были въ однѣхъ рукахъ. Вмѣстѣ съ королевскою властію образовалась и духовная, могущественная и политическая, подобно той, которую Карлъ Великій основалъ въ Саксоніи, для обращенія древнихъ Саксонцевъ въ христіанство. Церковная власть сосредоточена была въ рукахъ Кентербурійскаго Архіепископа.

Хотя Норманы, послѣ побѣды, не исполнили всѣхъ обѣщаній, данныхъ ими Римской церкви; однако она получила большія выгоды. Неаполитан-

скіе Норманы, съ самаго того времени, какъ утвердились въ Неаполѣ, и Англійскіе во время Генриха II и Іоанна, объявили себя вассалами Св. Престола. Короли Нормановъ Италійскихъ весьма часто заставляли себя уважать императоровъ Восточныхъ и Западныхъ. Англійскіе короли, могущественные вассалы короля Французскаго, долго заставляли его покорствовать Папамъ. Въ это самое время Капеты Бургундскіе раздѣляли славу побѣдъ Цидовыхъ; посредствомъ брачнаго союза они заняли престолъ Кастильскій, и основали королевство Португальское. Въ Европѣ церковь вездѣ торжествовала, при содѣйствіи Французскаго оружія. Въ Сициліи и въ Испаніи, въ Англіи и въ Греческой Имперіи Норманы предпринимали крестовые походы противъ враговъ Папы и религіи.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Первый крестовый походъ (1195—1199).

Исламизмъ во время крестовыхъ походовъ клонился уже къ упадку, а христіанство исполнено было силы и надеждъ въ будущемъ. Духовная власть въ Азіи безусловно покорялась свѣтской; а въ Европѣ преобладала надъ нею. Преобразованія, введенныя Григоріемъ VII еще болѣе усиливали ее. Калифатъ падалъ, Папская власть возвышалась. Магометанскій міръ раздроблялся, христіанскій сосредоточивался. Первому со всѣхъ сторонъ гро-

зило паденіе, и онъ дѣйствительно рушился бы, если бы не принялъ въ свои нѣдра варваровъ, Монголовъ и Турокъ, и самъ не погрузился въ варварство.

Умы христіанъ давно уже стремились къ Востоку, — особенно съ 1000 года, съ того времени какъ человѣчество начинало оживляться новою надеждою на продолженіе міра. Толпы богомольцевъ оставляли домашній кровъ и отправлялись, одни на поклоненіе Св. Іакову, другіе на гору Кассино въ Римъ, а оттуда во Іерусалимъ. Впрочемъ это послѣднее путешествіе представляло большія опасности. Счастливъ, кто возвращался; еще счастливѣе тотъ, кто умиралъ въ виду гроба Господня съ дерзкими словами: Господи, Ты умеръ за меня, а я умираю за Тебя!

Аравитяне, народъ торговый, сначала принимали этихъ богомольцевъ благосклонно. Египетскіе Фатимиты, тайные враги Корана, обращались съ ними также ласково; но все перемѣнилось, когда Калифъ Гакемъ, рожденный отъ христіанки, объявилъ себя воплотившимся божествомъ. Онъ началъ поступать весьма сурово съ христіанами, утверждавшими, что Мессія пришелъ, и съ Евреями, ожидавшими Его пришествія. Доступъ къ Св. гробу сдѣлался свободнымъ только для тѣхъ, кто былъ способенъ или хотѣлъ оскорблять Его святыню.

Но ни трудности, ни оскорбленія не въ состояніи были остановить благочестивой ревности христіанъ. Эти гордые люди, которые за малѣйшее оскорбительное слово въ своемъ отечествѣ пролили бы потоки крови, теперь съ терпѣніемъ переносили всѣ обиды. Герцогъ Норманскій, Графы Бар-

целонскій, Фландрскій и Верденскій въ одиннадцатомъ вѣкѣ совершили это многотрудное путешествіе. Съ умноженіемъ опасностей усугубилось и религіозное усердіе; только богомольцы начали отправляться большими толпами. Въ 1054 году Камбрейскій епископъ, отправившись къ Св. мѣстамъ съ тремя тысячами Фламандцевъ, не могъ достигнуть до Іерусалима. Спустя тридцать лѣтъ епископы Маинцскій, Ратисбонскій, Бамбергскій и Утрехтскій, приставъ къ нѣсколькимъ Норманскимъ рыцарямъ, составили небольшую семитысячную армію. Они съ трудомъ достигли своей цѣли, и изъ семи тысячь, едва двѣ тысячи человѣкъ возвратились въ Европу. Между тѣмъ Турки, господствовавшіе въ Багдадѣ, овладѣвъ Іерусалимомъ, умертвили, безъ различія, находившихся въ немъ Алидовъ и христіанъ. Стѣсняя болѣе и болѣ Греческую имперію, они доходили иногда до самаго Босфора. Съ другой стороны Фатимиты, не считая себя безопасными въ укрѣпленіяхъ Дамiетты и Каира, обратились, подобно Грекамъ, съ прозьбою о помощи къ Европейскимъ государямъ. Алексѣй Комнинъ находился уже въ дружескихъ сношеніяхъ съ графомъ Фландрскимъ, котораго, въ его проѣздъ чрезъ Константинополь, принималъ съ большими почестями. Его послы, съ свойственною Грекамъ хвастливостію, блестящими красками описывали несмѣтныя богатства Востока, Имперіи и королевства, готовыя пасть подъ оружіемъ государей Западныхъ.

Норманскіе вожди, совершившіе во имя престола Св. Петра завоеваніе Англіи и обѣихъ Сицилій, были слишкомъ отдалены другъ отъ друга, и притомъ ихъ виды были столь корыстолюбивы,

что не льзя было ожидать отъ нихъ осуществленія мысли Григорія VII и его преемниковъ: соединить Европу подъ владычествомъ Папъ, и унизить обѣ Имперіи. Для достиженія этой великой цѣли, церкви надлежало объявить себя главою священнаго союза. Европейскій міръ въ одиннадцатомъ столѣтіи, при всемъ своемъ разнообразіи, имѣлъ въ себѣ одно общее начало жизни: это была Религія. Только религіозная война могла соединить всѣ его силы; только въ виду исламизма Азіи, Европа могла позабыть различіе своихъ племенъ и политическія распри, ее волновавшія. Вотъ къ чему стремились Папы еще съ 1000 года. Одинъ Папа, Французскаго происхожденія, Жербертъ или Сильвестръ II, именемъ Св. гроба умолялъ всѣхъ христіанскихъ государей предпринять крестовой походъ. Григорій VII намѣревался самъ итти на освобожденіе Іерусалима съ пятидесятью тысячами рыцарей. Но слава исполненія этой мысли принадлежала Урбану II, Французу, подобно Жерберту. Германія вела крестовые походы въ Италіи; Испанія противъ своихъ Аравитянъ; но первый крестовой походъ въ Палестину совершенъ былъ преимущественно Французами. Они начали и кончили крестовые походы: въ первомъ предводительствовалъ Годфредъ Бульонскій, послѣдній совершенъ Людовикомъ Св. — Франція болѣе всѣхъ прочихъ державъ приняла участія въ важномъ событіи, ополчившемъ всю Европу противъ невѣрныхъ и соединившемъ въ одинъ народъ всѣ разнородныя племена ея.

Этому великому движенію народовъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ, какъ говорятъ, своимъ краснорѣчіемъ одинъ Пикардіецъ, Петръ Пустынникъ

(Coucou Piètre â Cucullo). Возвратившись изъ Іерусалима, онъ убѣдилъ Папу Урбана II созвать соборъ въ Пьяченцу, а потомъ въ Клермонъ (1095). Въ Италіи увѣщанія Папы не имѣли почти никакого успѣха, но во Франціи всѣ приняли крестъ. На Клермонскомъ соборѣ не достало красной матеріи для крестовъ, которые нашивали на одеждахъ крестоносцевъ.

Народъ, горя нетерпѣніемъ освободить Св. гробъ, нехотѣлъ ожидать, пока государи приготовятся и вооружатся, выступилъ въ походъ безъ нихъ, увѣренный въ небесномъ покровительствѣ. Неужели Богъ откажетъ въ чудесахъ для исторженія гроба Христова изъ рукъ враговъ?.... Петръ пустынникъ шелъ впереди, босый, опоясанный веревкою; другіе слѣдовали за однимъ храбрымъ, но бѣднымъ рыцаремъ, прозваннымъ *Готье-неимущій* (Guatier-sans-avoir). Нѣсколько Германцевъ также двинулись за Французами; они шли подъ начальствомъ одного изъ своихъ соотечественниковъ, по имени Готшалка.

Дорогою крестоносцы все грабили и опустошали; всѣхъ встрѣчавшихся имъ Евреевъ предавали жестокимъ истязаніямъ, желая, еще до освобожденія Св. гроба, наказать убійцъ Іисуса Христа. Постоянно продолжая свои безчинства, обагренные кровью, они вступили въ Венгрію, а потомъ и въ Греческую имперію. Свирѣпыя шайки ихъ возбудили тамъ всеобщій ропотъ и ужасъ; ихъ вездѣ преслѣдовали, какъ лютыхъ звѣрей. Не успѣвшихъ погибнуть отъ голода и ярости народной, императоръ на своихъ судахъ переправилъ въ Азію, въ надеждѣ, что Турецкія стрѣлы довершатъ ихъ истребленіе.

Италійскіе Норманы приняли дѣятельное участіе въ этомъ крестовомъ походѣ, надѣясь отъ него большихъ выгодъ. Извѣстный Богемондъ, побочный сынъ Роберта Благоразумнаго, столь же благоразумный, какъ и его отецъ, владѣя только Тарентомъ и своимъ мечемъ, рѣшился употребить послѣдній въ крестовомъ походѣ. Другой, Норманъ по матери, Танкредъ вооружился также. Но какъ бы ни были велики ихъ подвиги, гласъ народа — гласъ Божій — всю славу этого похода приписалъ Годфреду, сыну графа Булонскаго маркграфу Антверпенскому герцогу Бульонскому и Лотьерскому королю Іерусалимскому. Отправляясь въ обѣтованную землю, онъ продалъ свои владѣнія епископу Литихскому. За нимъ послѣдовали десять тысячь конницы и семдесятъ тысячь пѣхоты, набранныхъ изъ Французовъ, Лотаринговъ и Германцевъ. Годфредъ принадлежалъ къ двумъ народамъ; говорилъ на языкахъ Французскомъ и Нѣмецкомъ.

Сборнымъ мѣстомъ крестоносцевъ былъ Константинополь. Хитрый Алексѣй Комнинъ, не тольско умѣлъ отклонить грозившую ему самому опасность, но еще нашелъ средство убѣдить завоевателей напередъ уступить ему свои будущія завоеванія. Это условіе подтвердили присягою Гюгъ, братъ короля Французскаго, Богемондъ и наконецъ Годфредъ. Греки, желая возвратить себѣ Никею, прежде всего повели туда крестоносцевъ; устрашенные жители Никеи рѣшились лучше войти въ переговоры съ Алексѣемъ.

Крестоносцы продолжали подвигаться впередъ до самой Антіохіи, которая сдалась Богемонду. Найденные ими тамъ въ большемъ количествѣ припасы, послѣ понесенныхъ трудовъ и всякаго рода

лишеній, были для нихъ гибельны. Открылась зараза: воины падали тысячами. Но скоро обильные припасы истощились; крестоносцы опять подверглись голоду, и въ тоже время многочисленная Турецкая армія окружила ихъ со всѣхъ сторонъ. Положеніе ихъ сдѣлалось ужаснымъ; почти всѣ приходили въ отчаяніе, но кстати найденное въ то самое время священное копье, которымъ пронзено было Ребро Іисуса Христа, воодушевило ихъ новымъ мужествомъ и даровало имъ побѣду.

Когда они пришли къ стѣнамъ Іерусалима, ихъ оставалось не болѣе дватцати пяти тысячь; между тѣмъ городъ, по увѣренію историка, защищаемъ былъ сорокатысячною арміею: нужно было предпринять правильную осаду и расположиться лагеремъ на безлѣсныхъ и безводныхъ поляхъ. Наконецъ крестоносцы, босые, обходятъ въ продолженіе осьми дней Іерусалимъ, окружаютъ его, и всѣ идутъ на приступъ; подвозятъ къ самой стѣнѣ подвижную башню, и въ Пятницу 15-го Іюля 1199 года, въ три часа, въ день и самый часъ страданій Господнихъ, Годфредъ Бульонскій спускается съ нея на Іерусалимскую стѣну. За взятіемъ города послѣдовало ужасное кровопролитіе.

Годфредъ провозглашенъ былъ королемъ Іерусалимскимъ, но онъ принялъ только званіе барона Св. гроба. Выигранное имъ при Аскалонѣ сраженіе противъ Египетскихъ Фатимитовъ было началомъ безпрерывной войны; крестоносцы утомившись оставили Годфреда только съ тремя стами рыцарей.

Въ Іерусалимскомъ королевствѣ введена была феодальная система въ самомъ строгомъ видѣ. Дѣла церковныя и судебныя, во всѣхъ ихъ подробно-

стяхъ, рѣшались въ знаменитыхъ Іерусалимскихъ судахъ (assises), гдѣ присутствовалъ Годфредъ съ своими баронами. Галилеею управлялъ князь, Яффою маркизъ, Сидономъ баронъ. Іудея сдѣлалась Франціей. Нашъ языкъ, внесенный Норманами въ Англію и Сицилію, посредствомъ крестовыхъ походовъ, распространился и въ Азіи. Занявъ мѣсто Латинскаго, онъ сдѣлался политическимъ языкомъ отъ Аравіи до самой Ирландіи. Въ то время на Востокѣ имя Франковъ давалось всѣмъ Европейцамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Двѣнадцатый вѣкъ. Король; общины. Абеляръ и Св. Бернардъ. Генрихъ IV король Англіи и Св. Ѳома Кентербюрійскій.

Правда, бѣдствія, сопровождавшія первый крестовый походъ были велики, но эта священная война имѣла весьма полезныя слѣдствія. Европа ознакомилась съ Азіею; народныя предразсудки уменьшились. Между самыми христіанами дворяне и народъ сблизились между собою; общество всѣмъ сословіямъ начало оказывать равное покровительство. Первые перевороты въ общинахъ возникаютъ около 1100 года, являются первые признаки свободы, особенно въ городахъ средней Франціи. Наскучивъ игомъ феодолизма, они рѣшились сбросить его и стали присвоять себѣ особенныя права, дотолѣ неизвѣстныя. Главнымъ поводомъ къ тому были притѣсненія и разбои феодальныхъ бароновъ.

»Въ это время (1119), говоритъ Ордерикъ Виталь, народныя общины устроиваемы были епископами, и священники въ осадахъ и сраженіяхъ должны были слѣдовать за королемъ съ Хоругвями своихъ приходовъ и съ своими прихожанами.«

Этотъ важный переворотъ совершался вездѣ, хотя подъ различными формами и весьма тихо. Онъ особенно замѣтенъ былъ въ нѣкоторыхъ городахъ Оазы и Соммы (de l'Oise et de la Somme); потому что они, находясь въ зависимости отъ двухъ властей, бароновъ и епископовъ, просили короля о торжественномъ подтвержденіи ихъ привиллегій, которыя столь часто были нарушаемы. Этимъ-то городамъ, цѣною крови, въ продолженіе многихъ вѣковъ, отстоявшимъ свою свободу, въ особенности присвоено было названіе *общинъ*. Первые изъ нихъ были: Ноіонъ, Бове, Лаонъ (Noyon, Beauvais, Laon), три церковныя перства; и Манъ и Сент-Кантенъ (Mans et Saint-Quentin). Эти города поощряемы были примѣромъ Камбре и городовъ Белгійскихъ.

Преданіе утверждаетъ, что общины основаны были королями, но гораздо справедливѣе сказать, что общины основали королевскую власть. Безъ ихъ содѣйствія короли никагда бы не восторжествовали надъ Норманами. Эти завоеванія Англіи и обѣихъ Сицилій безъ сомнѣнія покорили бы и Францію. Общины, подъ хоругвями своего приходскаго святаго, завоевали, такъ сказать, общій миръ между Оазою и Лоарою; самые короли, опираясь на гражданъ и церковь, въ своихъ походахъ выставляли священное знамя аббатства Св. Діонисія. Между тѣмъ феодальные бароны имѣли въ своихъ рукахъ матеріяльную силу. Какой же оплотъ про-

тивопоставляла имъ королевская власть? По видимому ничтожный, такой котораго ни видѣть, ни осязать нельзя.... право, древнее право Карла Великаго проповѣдуемое духовенствомъ: церковь, имѣя нужду въ военномъ начальникѣ противъ бароновъ, всѣми силами поддерживала королей.

Людовикъ VI прозванный подъ старость Толстымъ, былъ названъ въ юности своей *расторопнымъ*. Бывъ мужественнѣе своего отца и покорнѣе церкви, онъ первые свои походы предпринималъ для защиты аббатства Св. Діонисія и епископовъ Орлеанскаго и Реймскаго. Король и графы Блуаскіе и Шампанскіе старались возстановить спокойствіе между Лоарою, Сеною и Марною; это небольшое пространство земли со всѣхъ сторонъ окружено было феодальными областями: Анжу, Нормандіею и Фландріею, — особенно владѣнія Фландріи простирались тогда до самой Соммы. Крестовые походы весьма много способствовали усиленію власти короля: онъ пріобрѣлъ крѣпкій замокъ Монлери (Montlhéry), графство Буржское и проч.; но самый счастливый случай для его царствованія былъ отъѣздъ въ Іерусалимъ бароновъ, препятствовавшихъ его намѣреніямъ.

Но Норманы оставались; они заняты были тогда войною въ самой Англіи. Если это опасное сосѣдство затрудняло положеніе короля: то съ другой стороны оно увеличило также привязанность къ нему церкви и общинъ средней Франціи. Норманы, вопреки договорамъ, захватили Жизоръ (Gisor), и оттуда распространили свою власть надъ Вексеномъ до самаго Парижа. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ совмѣстничества Фландріи и Анжу, неболь-

шое Французское королевство пало бы подъ ихъ ударами.

Норманы въ этой войнѣ съ Франціею не имѣли рѣшительныхъ успѣховъ, потому что выставляли противъ короля только малѣйшую часть своихъ силъ. Ихъ побѣда при Бренневилѣ, гдѣ оба короля храбро сражались, не имѣла важныхъ послѣдствій. Въ этомъ знаменитомъ сраженіи двѣнадцатаго столѣтія, по свидѣтельству Ордерика Виталя, было убито только три человѣка (1119).

За это пораженіе жестоко отмстили общины, которыя, проникнувъ въ Нормандію, произвели въ ней ужасныя опустошенія. Онѣ сражались подъ предводительствомъ своихъ епископовъ, весьма опасавшихся Норманскаго владычества.

Генрихъ Боклеръ завладѣлъ престоломъ своего брата Роберта, и Людовикъ Толстый принялъ подъ свое покровительство Робертова сына Вильгельма Клитона. Онъ, не успѣвъ утвердить его въ Нормандіи, помогъ ему сдѣлаться герцогомъ Фландрскимъ. Въ Южной Франціи походы его были еще блистательнѣе. Въ эпоху крестовыхъ походовъ, графъ Буржскій продалъ королю свои владѣнія. Этимъ пріобрѣтеніемъ онъ утвердился на югѣ. Въ 1115 онъ подавалъ помощь владѣтелю области Бурбонне (Bourbonnais), и потомъ дважды предпринималъ походы для защиты епископа Клермонскаго отъ притѣсненій графа Овернскаго.

1124 годъ обнаружилъ могущество короля. Императоръ Генрихъ V, отлученный отъ церкви Реймскимъ соборомъ, питалъ ненависть къ епископамъ и королю. Его зять Генрихъ Боклеръ побуждалъ его напасть на Францію; императоръ искалъ случая отмстить городу Реймсу. Въ непро-

должительномъ времени всѣ общины вооружаютъ свои милиціи; бароны посылаютъ своихъ людей.

Вотъ начало возстановленія королевской власти и правъ народа послѣ перваго крестоваго похода. Народъ, подъ хоругвію Св. Діонисія, всюду слѣдовалъ за своимъ королемъ. Св. Діонисій и церковь, Парижъ и королевская власть — казались чѣмъ-то неразлучнымъ. Образовался одинъ центръ, и всѣ общественныя силы примкнули къ нему. Первымъ признакомъ жизни, первымъ біеніемъ общественнаго сердца были школы и могущественный голосъ Абеляра. Сильный голосъ Бретонскаго философа огласилъ всю Европу именемъ свободы, такъ медленно развивавшейся. Ученикъ Абеляра, Арнальдо изъ Бресчіи, отозвался на голосъ своего учителя въ Италіи. Такимъ образомъ небольшія общины Франціи, безъ всякаго съ своей стороны сознанія, пробудили духъ свободы въ городахъ Ломбардскихъ и въ Римѣ — этой обширной общинѣ древняго міра.

Уже начинали проявляться первые признаки просвѣщенія. Вальденсы (Vaudois) перевели Библію на общеупотребительный языкъ; уложенія законовъ были также переведены; въ Орлеанѣ и Анжерѣ стали преподавать вмѣстѣ съ Богословіемъ и Юриспруденцію. Основаніе Парижскаго *университета* было важнымъ явленіемъ. Идеи, до того времени разъединенныя, подчиненныя строгому надзору нѣсколькихъ духовныхъ школъ, начинали сосредоточиваться около одного общаго центра. Это важное заведеніе учреждено въ столицѣ Франціи въ то самое время, когда Французскій языкъ входилъ во всеобщее употребленіе. Завоеванія Норманновъ и первый крестовый походъ ввели нашъ языкъ въ

Англію, въ Сицилію и въ Іерусалимъ. Одно это обстоятельство уже придавало Парижу необыкновенную важность. До сихъ поръ онъ былъ центромъ политическимъ феодальной системы, а теперь сдѣлался столицею просвѣщенія.

Этотъ важный переворотъ въ идеяхъ и нравахъ еще ощутительнѣе былъ въ законахъ. Женщины, устраненныя феодальнымъ варварствомъ отъ наслѣдства верховной власти, около первой половины двѣнадцатаго вѣка получаютъ это право въ Англіи, Кастиліи, Арагоніи, Іерусалимѣ, Бургундіи, Фландріи, Ганау, Вермандуа, Аквитаніи, Провансѣ и нижнемъ Лангедокѣ. Быстрое прекращеніе мужскихъ колѣнъ, смягченіе нравовъ и справедливость измѣняютъ существовавшее до того времени право наслѣдства. Посредствомъ браковъ женщины передаютъ свои владѣнія чужимъ династіямъ, онѣ перемѣшиваютъ міръ, способствуютъ соединенію государствъ и приготовляютъ образованіе большихъ монархій. Одни только Капеты не признали правъ женщинъ на престолъ, и оттого владѣнія Французскія никогда не переходили отъ одной династіи къ другой.

Людовикъ Толстый на одрѣ смерти получилъ награду за свою честность. Самый богатый владѣтель Франціи, графъ Пуатьерскій и Аквитанскій, вмѣстѣ съ рукою своей дочери Елеоноры, завѣщалъ свои владѣнія сыну и наслѣднику его Людовику VII. Юный король, не смотря на то, что былъ воспитанъ въ правилахъ весьма набожныхъ, началъ свое царствованіе ссорою съ графомъ Шампанскимъ и Папою, который отлучилъ его отъ церкви. Онъ сжегъ Витри, при чемъ тысяча триста человѣкъ сдѣлались жертвою пла-

мени. Это несчастное обстоятельство весьма огорчило его; онъ примирился съ Папою, и рѣшился отправиться въ крестовой походъ. Напрасно наставникъ его и министръ Сюжеръ отклонялъ его отъ этаго предпріятія. Впрочемъ въ этой новой священной войнѣ крестоносцы уже не были проникнуты тѣмъ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, которымъ они отличались въ первую. Св. Бернардъ, по увѣщаніямъ котораго начался второй крестовой походъ, не захотѣлъ принять предводительства надъ арміею (1147).

Императоръ Конрадъ двинулся прежде Людовика VII; но оба они были равно несчастны. Германцы были истреблены въ горахъ и дефилеяхъ Малой Азіи. Утомленые Французы пришли къ Кипрскому заливу; въ этомъ мѣстѣ бароны объявили, что они рѣшились отправиться въ Антіохію моремъ. Тѣ, которымъ состояніе не позволяло сдѣлать нужныхъ для переѣзда издержекъ, были оставлены. Конрадъ и Людовикъ VII встрѣтились въ святой землѣ и осадили Дамаскъ; но взаимное соперничество помѣшало общимъ успѣхамъ, и они со стыдомъ возвратились въ Европу.

Этотъ несчастный походъ внушилъ гордой Елеонорѣ презрѣніе къ мужу; она потребовала развода, получила его, и южная Франція еще разъ отдѣлилась отъ сѣверной. Разводъ состоялся 18 Марта 1152 года, а въ Духовъ день того же лѣта Генрихъ Плантагенетъ, герцогъ Анжускій, внукъ Вильгельма Завоевателя, герцогъ Норманскій и вскорѣ потомъ сдѣлавшійся королемъ Англійскимъ, вступилъ въ бракъ съ Елеонорою, и получилъ въ приданое западную Францію, отъ Нанта до Пиренеевъ. Еще до вступленія его на престолъ Англій-

скій, владѣнія его были вдвое обширнѣе владѣній короля Французскаго; отнявъ у своего брата Анжу, Менъ и Турень, позволилъ ему искать герцогской короны въ Бретани (1156). Онъ покорилъ Гасконію въ отсутствіе графа Фландрскаго, и въ качествѣ опекуна управлялъ его областью. Онъ отнялъ у графа Тулузскаго городъ Керси и завладѣлъ бы самою Тулузою, если бы Французскій король не подоспѣлъ на помощъ (1159). Находясь въ родственныхъ связяхъ съ королемъ Арагоніи, владѣвшимъ также графствомъ Барцелонскимъ и Провансkимъ, онъ хотѣлъ одного изъ своихъ сыновей женить на принцесѣ Савойской, въ намѣреніи утвердиться на Альпахъ, дабы оттуда владычествовать надъ южною Франціею. Въ средней Франціи онъ покорилъ Берн, Лимузинъ, Овернъ, и купилъ Ла-Маршъ; онъ даже успѣлъ графовъ Шампанскихъ отторгнуть отъ союза съ королемъ. Предъ смертью онъ владѣлъ областями, соотвѣтствующими пространствомъ сорока семи нынѣшнихъ департаментамъ, тогда какъ король Французскій не имѣлъ и двадцати.

Сначала Генрихъ пользовался любовью народа. Онъ былъ воспитанъ въ Анжерѣ, одномъ изъ городовъ, гдѣ начали преподавать Юриспруденцію ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Европы. Въ это самое время начинало оживать изученіе Римскаго права, которому предназначено было поддержать монархическую власть и гражданское равенство. Знаменитый Италіанецъ Ланфранкъ, Англійскій примасъ при Вильгельмѣ завоевателѣ, былъ прежде учителемъ въ Болони, и весьма много способствовалъ возстановленію права. Генрихъ Анжускій, новый завоеватель Англіи, также принялъ къ себѣ

одного Болонскаго воспитанника, изучавшаго Римское право въ Оксерѣ. Это былъ Өома Бекетъ, котораго отецъ былъ Саксонецъ, а мать Сарацинка. Сдѣлавъ его канцлеромъ и наставникомъ своего сына, Генрихъ, по его совѣтамъ, старался унизить аристократію, и окружалъ себя наемными солдатами, набранными во Фландріи, Бретани, Гальской области и Южной Франціи. Одно только духовенство, владѣя обширными помѣстьями въ завоеванномъ краю, въ состояніи было содержать эти арміи. Генрихъ въ достоинство Кентерберійскаго архіепископа, бывшаго главою Англиканской церкви, рѣшился возвести преданнаго себѣ человѣка. Преимущества этого званія были такъ обширны, что почти равнялись королевскимъ. Король возложилъ его на своего друга Ө. Бекета. Но этотъ канцлеръ и придворный вдругъ вспомнилъ свое простое происхожденіе; сложивъ съ себя званіе канцлера, онъ удалился отъ двора.

Къ счастію Генриха, епископы были болѣе бароны, чѣмъ духовные сановники. Выгоды земныя гораздо болѣе занимали этихъ Норманов, чѣмъ права церкви. Большая часть изъ нихъ взяла сторону короля; они согласились на отмѣненіе церковныхъ судовъ и сборовъ въ пользу духовенства. Конечно, эти права подавали поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ; но представляя себѣ, въ какомъ состояніи въ XII вѣкѣ находились суды свѣтскіе, нельзя не сознаться, что церковныя судилища были въ то время спасительнымъ учрежденіемъ. Они могли щадить нѣкоторыхъ виновныхъ; но за то, сколько невинныхъ спасали! Только духовное званіе открывало тогда путь къ высшимъ степенямъ въ обществѣ, для людей, которые были пре-

зираемы за свое происхожденіе. Саксонцы, Брекспиръ (Breakspiar) (Адріанъ IV) и Бекетъ, служатъ примѣрами подобнаго возвышенія. Защищая свои права, церковь защищала въ тоже время права человѣчества.

Всего удивительнѣе, всего величественнѣе въ судьбѣ Бекета то, что на него, слабаго и безпомощнаго, возложены были заботы о благѣ церкви, и слѣдственно о пользѣ всего человѣчества. Григорій VII съ честію пользовался этимъ высокимъ преимуществомъ, предоставленнымъ Римскому первосвященнику; но Александръ III, озабоченный борьбою съ анти-Папой и Фридерикомъ Барбаруссой, завоевателемъ Италіи, не смѣлъ поддержать его. Онъ находился въ Сансѣ, когда Бекетъ прибылъ во Францію искать убѣжища. Папа не захотѣлъ вступиться за него, опасаясь нажить себѣ новаго врага. Отвергнувъ многія статьи Кларендонскаго собора, онъ отказался принять Ѳому, и ограничилъ свою милость только возвращеніемъ ему епископскаго сана. Единственною опорою Бекета былъ король Французскій, который радъ былъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ своего противника. Впрочемъ Людовикъ, какъ извѣстно, былъ государь кроткій и набожный. Въ его глазахъ, епископъ, страдавшій за защиту церкви, былъ мученикомъ, — и онъ принялъ его весьма ласково, говоря, что короли Французскіе всегда отличались готовностію оказывать покровительство гонимымъ.

Между тѣмъ Бекетъ, рѣшившись во что бы ни стало вновь увидѣть свою церковь, отправился въ Англію. Король, услышавъ о его прибытіи, вскричалъ: »Какъ! человѣкъ, ѣвшій мой хлѣбъ,

и на храмой лошади пріѣхавшій къ моему двору, будетъ попирать королевскую власть. Да, онъ уже торжествуетъ, садится на мой престолъ, — и ни одинъ изъ трусовъ, которыхъ я кормлю, не осмѣлится избавить меня отъ этого попа!« Въ другой разъ уже Генрихъ произносилъ эти слова, и на этотъ разъ онѣ имѣли свое дѣйствіе. Четыре рыцаря рѣшились отмстить за оскорбленіе, нанесенное ихъ государю. Такова была тогда сила феодальной подчиненности и преданности вассаловъ государямъ. Они умертвили Бекета въ церкви. Одинъ изъ нихъ, ударивъ ногою трупъ, сказалъ: такъ долженъ былъ умереть измѣнникъ, возмутившій противъ короля его подданныхъ (1170).

Король Генрихъ находился въ великой опасности; всѣ считали его главною причиною убійства. Король Французскій и графъ Шампанскій торжественно обвинили его предъ Папою. Санскій архіепископъ, примасъ Галліи, отлучилъ его отъ церкви. Даже тѣ, которые были имъ облагодѣтельствованы, съ ужасомъ убѣгали его. Лицемѣріе дало ему средства успокоить негодованіе народа, но вскорѣ потомъ сынъ его Генрихъ потребовалъ раздѣла королевства и объявилъ себя мстителемъ за смерть своего наставника — Св. мученика Ѳомы Кентербурійскаго. Самъ король, при коронованіи сына, служа ему за столомъ, неосторожно сказалъ, что онъ отказывается отъ королевской власти. Сыновья Генриха имѣли еще другую опору; ихъ поддерживалъ король Французскій, отъ котораго отецъ ихъ зависѣлъ, какъ вассалъ. Феодальные узы были тогда сильнѣе кровныхъ.

Генрихъ II поспѣшилъ окружить себя наемными войсками, набранными въ Брабантѣ и Гальской

области. Стараясь всѣми мѣрами пріобрѣсти благосклонность Римскаго двора, онъ объявилъ Англію и Ирландію ленами престола Св. Петра. Недовольствуясь и этими знаками покорности, онъ босый отправился въ Кентенбури ко гробу мученика, гдѣ публично подвергъ себя бичеванію.

Но злая судьба не переставала его преслѣдовать. Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ вооружилъ противъ себя жену и дѣтей своихъ. Два особенно любимые имъ сына, Генрихъ и Жофруа, умерли: остались, свирѣпый Ричардъ и коварный Іоаннъ. Ричардъ, въ его присутствіи, отказался отъ покорности, и объявилъ себя вассаломъ новаго короля Французскаго Филиппа Августа. На стараго короля напали со всѣхъ сторонъ. Не смотря на заступленіе церкви, онъ принужденъ былъ согласиться на миръ, предложенный ему Филиппомъ и Ричардомъ, признать себя вассаломъ короля Французскаго и положиться на его правосудіе. Онъ захотѣлъ узнать имена приверженцевъ Ричарда, и услышалъ, что первымъ изъ нихъ былъ Іоаннъ. Это извѣстіе, усиливъ болѣзнь, которою онъ тогда страдалъ, чрезъ нѣсколько дней повергло его во гробъ. (1189).

Несчастія Генриха II нанесли сильный ударъ могуществу Англіи. Но смертію Бекета и униженіемъ Генриха воспользовался не Папа, а король Французскій. Онъ далъ убѣжище гонимому святому и принялъ въ свои владѣнія Папу, выгнаннаго Императоромъ изъ Италіи. Такимъ образомъ, хотя послѣдній часто защищалъ Англію отъ честолюбія Франціи, однако его отношенія къ послѣдней были гораздо дружественнѣе и постояннѣе, чѣмъ къ другимъ. Церковь твердо полагалась на Фран-

цузскихъ королей, естественныхъ враговъ Англіи и Германіи. Во всякомъ важномъ и не важномъ случаѣ епископы спѣшили къ нимъ на помощь съ своими вассалами. И какъ было духоденству не поддерживать королей, имъ самимъ созданныхъ и получавшихъ совершенно церковное воспитаніе? Людовикъ VI былъ воспитанъ въ аббатствѣ Св. Діонисія, а Людовикъ VII въ монастырѣ Божіей Матери (Notre Dame). Онъ наблюдалъ три поста, и своею строгою жизнью часто превосходилъ самихъ монаховъ. Объявивъ себя покровителемъ Ѳомы Кентербурійскаго, онъ предпринялъ опасное путешествіе въ Англію, для поклоненія его мощамъ. Французскіе короли считались даже святыми. Филиппъ I, Людовикъ Толстый и Людовикъ VII прикосновеніемъ своимъ исцѣляли золотуху (Les ecrouelles), и народъ прибѣгалъ къ нимъ въ своихъ болѣзняхъ. Англійскіе короли никогда бы не осмѣлились присвоить себѣ дара совершать чудеса.

Такимъ образомъ короли Французскіе и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи начинали пріобрѣтать большую важность. Присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Вексенъ, они, считая себя вассалами Св. Діонисія, предъ авангардомъ своимъ выставляли хоругвь этого святаго, или орифламму; въ гербъ свой они приняли таинственную лилію, служившую, по мнѣнію среднихъ вѣковъ, символомъ чистоты вѣры. Какъ покровители церкви, они пользовались доходами съ вакантныхъ помѣстій, и иногда, подъ предлогомъ крестовыхъ походовъ, требовали отъ духовенства извѣстныхъ приношеній.

Филиппъ Августъ не измѣнилъ политики своихъ предшественниковъ (1180). За исключенiемъ двухъ эпохъ: его развода и вторженiя въ Англiю, ни одинъ король не былъ столько любимъ духовенствомъ, какъ онъ. Слѣдуя совѣтамъ одного уважаемаго тогда отшельника, онъ свое царствованiе началъ конфискованiемъ имущества Евреевъ, и изгнанiемъ ихъ изъ королевства. Богохульники, еретики въ его время подвергались строгимъ наказанiямъ. Филиппъ дѣятельно преслѣдовалъ шайки бродягъ, которые, получая содержанiе отъ короля Англiйскаго, производили ужасныя опустошенiя въ южной Францiи. Бароны, грабившiе церкви, считались врагами короля. Наконецъ его побѣда при Бувинѣ, по мнѣнiю современниковъ, спасла духовенсво Французское.

Мiръ политическiй управлялся тогда императоромъ и королями, Англiйскимъ и Французскимъ; первые два были врагами Папъ. Юный Филиппъ, провозглашенный королемъ на 15 году своего возраста, состоялъ подъ опекою графа Фландрскаго (1180), и по внушенiямъ своего наставника, Мецскаго уроженца Климета, придворнаго маршала, безъ согласiя матери и дядей своихъ, владѣтелей Шампани, женился на дочери своего опекуна. Этотъ бракъ связывалъ родственными узами Капетовъ съ родомъ Карла Великаго, отъ котораго происходили графы Фландрскiе. Графъ Фландрскiй уступилъ королю Амiенъ, и обѣщалъ ему Артуа, Валуа и Вермандуа. Доколѣ король не владѣлъ Оазою и Соммою, едвали можно было сказать, что монархiя существовала на прочныхъ основанiяхъ; но по прiобрѣтенiи Пикардiи, онъ могъ не бояться Фландрiи, и даже самъ дѣлался страшнымъ для Нор-

мандіи. Всѣ усилія графа Фландрскаго возвратить себѣ Аміенъ, не смотря на союзъ его съ дядями короля, были безуспѣшны. Еще болѣе, при содѣйствіи стараго Генриха II, который боялся въ Филиппѣ друга сына своего Ричарда, король получилъ отъ графа Фландрскаго часть ВерманДуа (Оазу). Потомъ, когда Фламанскій графъ готовился къ походу въ Іерусалимъ, Филиппъ, пользуясь возмущеніемъ Ричарда противъ своего отца, завладѣлъ важными крѣпостями, Маномъ и Туромъ; изъ первой онъ безпокоилъ Нормандію и Бретань, посредствомъ второй господствовалъ на Лоарѣ. Съ этой эпохи въ его владѣніяхъ заключались три важнѣйшія архіепископства, Реймское, Турское и Буржское, къ которымъ непосредственно относились Белгія, Бретань и Аквитанія.

Смерть Генриха II была несчастіемъ для Филиппа; другъ его Ричардъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ ѣлъ и спалъ, и при помощи котораго восторжествовалъ надъ старымъ Генрихомъ, теперь сталъ блистательнымъ соперникомъ Филиппа, имѣвшимъ всѣ добродѣтели и недостатки людей среднихъ вѣковъ. Новый походъ въ Св. землю день ото дня становился необходимѣе. Людовикъ VII и Генрихъ II надѣли кресты, но неисполнили своего обѣта. Ихъ медленность была причиною паденія Іерусалима (1187). Христіане осаждали Акру, единственный портъ, удобный для принятія флотовъ крестоносцевъ и обезпеченія ихъ сообщеній съ Западомъ. Филиппъ Августъ не показывалъ большаго желанія совершить этотъ трудный походъ, но ему нельзя было отказаться отъ него.

Одна почти Францiя совершила первый крестовый походъ; Германія весьма много содѣйство-

вала второму; третій былъ особенно народнымъ въ Англіи. Но Ричардъ, не обременяя себя безполезными толпами, повелъ однихъ только рыцарей и солдатъ. Король Французскій послѣдовалъ его примѣру, и оба они сѣли на корабли Генуезскіе и Марсельскіе. Въ Сициліи эти друзья поссорились между собою. Король Танкредъ посадилъ въ тюрьму вдову своего предшественника, сестру короля Англійскаго. Ричардъ искалъ случая отмстить ему за это оскорбленіе. Онъ уже водрузилъ свое знамя на укрѣпленіяхъ Мессины; но Филиппъ Августъ, подкрѣпленный Танкредомъ, велѣлъ Ричарду, какъ своему вассалу, снять его. Ссора до того усилилась, что, если вѣрить сказанію Сицилійцевъ, король Французскій просилъ ихъ содѣйствія, для истребленія Англичанъ. Ричардъ принужденъ былъ удовольсвоваться двадцатью тысячами унцій золота, полученныхъ имъ отъ Танкреда на содаржаніе его сестры. Сверхъ того Танкредъ обязывался дать ему еще столькоже въ приданое за своею дочерью, которая назначалась въ супруги Ричардову племяннику. Король Французскій не позволилъ Ричарду одному воспользоваться этою огромною суммою. Онъ жаловался на вѣроломство Англійскаго короля, обѣщавшаго жениться на его сестрѣ, и между тѣмъ привезшаго съ собою въ Сицилію одну Наварскую княжну, которую онъ выдавалъ за свою невѣсту. Ричардъ успокоилъ его, уступивъ десять тысячь марокъ серебра и скоро успѣлъ вознаградить себя легкимъ завоеваніемъ Кипра.

По мнѣнію одного писателя, шесть сотъ тысячь христіанъ осаждали Акру. Всѣ Европейскіе народы при этой осадѣ имѣли своихъ представи-

телей. Съ другой стороны Саладинъ обратился съ прозьбою о помощи къ Калифу Багдадскому и ко всѣмъ Магометанскимъ государямъ. Это была собственно борьба Европы съ Азіею; но здѣсь сталкивались всѣ народныя ненависти. Блестящая храбрость и слава Ричарда еще болѣе усиливали зависть короля Французскаго. Захворавшій Филиппъ говорилъ, что онъ отравленъ, и обвинялъ въ томъ своего соперника. Онъ требовалъ половины острова Кипра и половины суммы, выданной Танкредомъ. Наконецъ соскучившись осадою, онъ возвратился во Францію, оставивъ подъ Акрою Французовъ, негодовавшихъ на его отъѣздъ. Ричардъ оставшись одинъ, имѣлъ не больше успѣха; онъ всѣхъ оскорбилъ своею дерзостію и высокомѣріемъ.

Между тѣмъ король Французскій велъ свои дѣла безъ шума, но успѣшно. При самомъ его возвращеніи во Францію, смерть Филиппа Алзасскаго представила ему благопріятный случай раздѣлить Фландрію. Принудивъ дочь и зятя Филиппова, графа Ганавскаго уступить часть Фландрскихъ владѣній его вдовѣ, онъ между тѣмъ присвоилъ себѣ Артуа и Сентъ-Омеръ, основываясь на правѣ первой своей жены, Изабеллы Фландрской; посѣялъ возмущеніе въ Аквитаніи, и брату Ричардову внушилъ мысль — завладѣть Англійскимъ престоломъ. Въ это самое время Ричардъ былъ плѣнникомъ въ Германіи. Австрійскій герцогъ, оскорбленный имъ при осадѣ Акры, арестовалъ его въ проѣздъ чрезъ Австрію подъ чужимъ именемъ, и выдалъ императору Генриху VI. Іоаннъ и Филиппъ, желая продлить его плѣнъ, предложили императору такую сумму, какую Ричардъ могъ бы ему обѣщать для своего выкупа. Но наконецъ императоръ

почувствовалъ, какъ дурно поступалъ онъ, держа въ плѣну героя священной войны. Онъ возвратилъ ему свободу, взявъ съ него обѣщаніе заплатить за выкупъ сто пятдесятъ тысячь марокъ серебра; сверхъ того на одномъ Имперскомъ сеймѣ, онъ заставилъ Ричарда объявить себя вассаломъ имперіи, уступивъ ему въ награду за его покорность небывалый титулъ короля Арльскаго (d' Arles). Герой, послѣ тринадцати-мѣсячнаго плѣна, возвратился въ Англію (1194) королемъ Арльскимъ, вассаломъ Имперіи и совершеннымъ бѣднякомъ. Но ему должно было явиться, чтобы обезоружить Іоанна и побѣдить Филиппа. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ безъ славы, среди неудачь и мелкихъ войнъ.

Этотъ періодъ не совсѣмъ славенъ и для Филиппа. Важнѣйшіе вассалы начинали завидовать его могуществу, и онъ слишкомъ неосторожно поступилъ, поссорившись съ Папою, который былъ главнымъ виновникомъ возвышенія его дома. Его разрывъ съ духовенствомъ, по случаю развода съ Интебургою (1193), лишилъ его вліянія на дѣла политическія, и сдѣлалъ празднымъ зрителемъ великихъ событій, совершившихся въ это время: смерти Ричарда и четвертаго крестоваго похода. Смерть Саладина и возшествіе на Римскій престолъ Папы Инокентія III, соединявшаго природный геній съ энтузіазмомъ юности, вновь оживили надежды христіанъ. Въ то самое время смерть Генриха VI успокоила Европу, которая должна была страшиться его могущества. Крестовый походъ, проповѣдникомъ котораго былъ Фулкъ де Нёллы (Foulque de Neuilly) особенно былъ народнымъ въ сѣверной Франціи. Одинъ изъ графовъ

Шампанскихъ возведенъ былъ въ достоинство короля Іерусалимскаго; его братъ, наслѣдовавшій ему во Франціи, надѣвъ крестъ, выступилъ въ походъ со всѣми своими вассалами, коихъ число простиралось до тысячи восьми сотъ человѣкъ. Въ числѣ ихъ находился Шампанскій маршалъ Жофруа Виллегардуенъ (Jeoffroi de Villegardouin), историкъ этого знаменитаго похода, первый прозаикъ и первый изъ Французскихъ историковъ, писавшихъ на народномъ языкѣ; другому Шампанскому уроженцу Жуенвилю (Joinville) суждено было написать исторію Св. Людовика и конецъ крестовыхъ войнъ. Всѣ владѣтели сѣверной Франціи, графы Бріенскій, Сенъ-Поль, Булонскій, Амьенскій, Дампіерскій, члены фамиліи Монморанси, знаменитый Симонъ Монфорскій, приняли участіе въ походѣ. Графъ Фландрскій, шуринъ графа Шампанскаго, по случаю преждевременной смерти послѣдняго, провозглашенъ былъ главнымъ начальникомъ надъ войскомъ. Маркизъ Монферратскій Бонифатій, присоединился также къ нимъ. Короли, Французскій и Англійскій, озабоченные собственными своими дѣлами, и Имперія, волнуемая двумя совмѣстниками, немогли участвовать въ этой священной войнѣ. Рѣшившись отправиться моремъ, Крестоносцы просили кораблей у Венеціянъ. Эти корыстолюбивые купцы потребовали за перевозъ войска восемдесятъ тысячь марокъ серебра; сверхъ того они хотѣли присоединить къ союзнымъ войскамъ своихъ пятдесятъ галеръ, и за это получить половину общихъ завоеваній. Дожъ Дандоло, не смотря на свою старость и слѣпоту, былъ дѣйствительнымъ вождемъ этого похода.

Крестоносцы, не имѣя условленной за переѣздъ суммы, обязались завоевать въ пользу Венеціанъ Далматскій городъ Цару, свергнувшій иго Республики и признавшій власть Короля Венгерскаго. Напрасно Папскій легатъ возставалъ противъ этого. Дожъ объявилъ ему, что армія не имѣетъ нужды въ его совѣтахъ, и повелъ Крестоносцевъ, сперва къ Царѣ, потомъ къ Тріесту. Они взяли почти всѣ города Истрійскіе и уступили ихъ добрымъ своимъ друзьямъ Венеціанамъ.

Между тѣмъ, какъ эти храбрые и добродушные рыцари приготовлялись къ походу въ Палестину, вдругъ, говоритъ Виллегардуенъ, открылось новое, обширное поприще для ихъ дѣятельности. Молодой Греческій принцъ, сынъ императора Исаака, низверженнаго своимъ братомъ съ престола, является къ Крестоносцамъ, и обѣщая большія награды, неотступно умоляетъ ихъ возстановить его отца на престолѣ. Несмѣтныя богатства будутъ плодомъ вашего подвига, говоритъ онъ; Греческая церковь подчинится Папѣ, и императоръ всѣми силами будетъ содѣйствовать къ возвращенію Іерусалима. Дандоло первый былъ тронутъ несчастіемъ Принца. Онъ убѣдилъ Крестоносцевъ *начать походъ занятіемъ Константинополя.* Напрасно Папа гремѣлъ проклятіями; напрасно Симонъ Монфортскій и многіе другіе отдѣлились и отправились прямо къ Іерусалиму: ненависть, которую питали другъ къ другу Греки и Латины, влекла Крестоносцевъ къ Константинополю. Съ перваго Крестоваго похода эта ненависть еще болѣе усилилась. Венеціанская республика очень искусно воспользовалась ею; Крестоносцы въ ея ру-

кахъ были слѣпымъ орудіемъ противъ имперіи Византійской (1202—1204).

Взятіе города не представляло большихъ затрудненій. Греки, съ тѣхъ поръ, какъ отразили Аравитянъ, старавшихся взять Константинополь, считали свою столицу неприступною, и это мнѣніе заставляло ихъ пренебрегать всѣми средствами къ ея укрѣпленію. Венеціане имѣли тамъ своихъ приверженцевъ. Лишь только крестоносцы заняли гавань и пришли подъ самыя стѣны города, неизвѣстная рука водрузила на нихъ знамя Св. Марка, и въ туже минуту Дожъ завладѣлъ двадцатью пятью башнями. Устрашенный императоръ убѣжалъ; крестоносцы извлекли изъ тюрьмы стараго Исаака Комнено.

Нельзя было ожидать, что походъ тѣмъ и кончится. Новый императоръ не могъ иначе исполнить своихъ обѣщаній, какъ совершенно разоривъ своихъ подданныхъ. Греки, возмутившись, умертвили его и возвели на престолъ одного родственника императорскаго, Алексѣя Мурзуфла, явившаго себя, въ критическихъ обстоятельствахъ имперіи, достойнымъ своего новаго сана. Но онъ не имѣлъ арміи: городъ еще разъ былъ взятъ и преданъ грабежу, а Мурзуфлъ сброшенъ съ башни.

Кому теперь принадлежала честь занять престолъ Іустиніана, и основать новую имперію? Достойнѣе всѣхъ былъ старый Дандоло. Но Венеціане воспротивились его возвышенію; они не хотѣли одному семейству уступить то, что принадлежало цѣлой республикѣ. Притомъ, ихъ весьма мало занимала мысль — быть возстановителями имперіи; имѣя въ виду однѣ торговыя выгоды, они хотѣли хорошихъ пристаней, безопасныхъ складочныхъ мѣстъ,

гдѣ бы могли основать свои конторы. Они присвоили себѣ прибрежныя мѣста, острова, и сверхъ того, три изъ числа восьми Константинопольскихъ кварталовъ, съ страннымъ титуломъ *владѣтелей четвертой съ половиною части имперіи Греческой.*

Раздробленная такимъ образомъ имперія уступлена была Бодуину, графу Фландрскому, потомку Карла Великаго и родственнику короля Французскаго. Маркизъ Монферратскій получилъ королевство Македонское. Большая часть имперіи, даже владѣнія Венеціанъ, раздѣлены были на ленныя помѣстья. Нашъ Историкъ Жоффруа Виллегардуенъ въ одно и то же время былъ маршаломъ Шампанскимъ и Романійскимъ. Долго еще, послѣ паденія Латинской имперіи, около 1300 г., въ Мореѣ и Аѳинахъ, если вѣрить Каталанскому уроженцу Монтанеру, говорили по Французски также хорошо, какъ въ самомъ Парижѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Паденіе Короля Іоанна и истребленіе Альбигойцевъ. (1199—1225).

Наконецъ Папа, и недумавши о томъ, покорилъ себѣ Грековъ. Обѣ церкви соединены, и Иннокентій является однимъ духовнымъ правителемъ міра. Германія, непримиримый врагъ Папъ, должна бы-

ла смириться, волнуемая распрями двухъ императоровъ, которые ищутъ посредничества Папы. Филиппъ Августъ, повинуясь его волѣ, примиряется съ ненавидимою имъ женою. Но западъ и югъ Франціи не столько ему покорствуютъ. Вальденсы сопротивляются на Ронѣ; Манихеи въ Лангедокѣ и Пиренеяхъ. Прибрежныя области Франціи, омываемыя обоими морями, готовы, кажется, отдѣлиться отъ церкви. Берега Средиземнаго Моря и Океана подчинены Арагонскому и Англійскому королямъ, которыхъ вѣра весьма сомнительна; а между ними гнѣздо всѣхъ ересей, Безіеръ, Каркассона и Тулуза, куда Манихеи созываютъ свои соборы.

Первый ударъ Папскаго гнѣва палъ на короля Англійскаго герцога Гвіенскаго, сосѣда и родственника графа Тулузскаго, котораго сынъ у него воспитывался. Папа и король Французскій воспользовались его паденіемъ.

Будь даже Іоаннъ благоразумнѣе и сильнѣе, нежели каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и тогда погибель его, кажется, была бы неизбѣжна. Онъ долженъ былъ прибѣгать къ необыкновеннымъ средствамъ для сбора податей съ разореннаго народа. Всѣ источники народнаго богатства были истощены въ расточительное правленіе Ричарда. Іоаннъ рѣшился обложить тяжкими налогами бароновъ, и они принудили его подписать большую Хартію. Онъ бросался на церковныя имѣнія, и Папа низложилъ его. Король Англійскій, чувствуя свое затруднительное положеніе, отказался отъ Нормандіи и Бретани; королю Французскому оставалось только присоединить ихъ спокойно къ своимъ владѣніямъ.

Это давно предвидѣнное и необходимое раздробленіе Англійской монархіи началось ссорою Іоанна съ своимъ племянникомъ Артуромъ. Старая Элеонора, помогая сыну противъ внука, усиливалась поддержать единство государства. Артуръ, напротивъ, мало заботился объ этомъ единствѣ: онъ соглашался на уступку Нормандіи королю Французскому, съ тѣмъ чтобы сей послѣдній призналъ его государемъ Бретани, Мена, Турингіи, Анжу, Пуату и Аквитаніи. Іоанну оставляли одну только Англію.

На этотъ разъ онъ успѣлъ побѣдить Артура, и вмѣстѣ со многими баронами, принявшими его сторону, взялъ его въ плѣнъ. Несчастный герцогъ изчезъ, и до сихъ поръ достовѣрно неизвѣстно, какая участь постигла его. По разсказу Матвѣя Париса, Іоаннъ сначала обходился съ нимъ благосклонно; но послѣ, угрозы и упрямство племянника, возбудили въ немъ подозрѣніе; »Артуръ изчезъ, продолжаетъ онъ, и, дай Богъ, чтобы разнесшіеся о его смерти слухи были несправедливы (1204).«

Филиппъ объявилъ себя судьею и мстителемъ содѣланнаго преступленія. Онъ приказалъ Іоанну явиться на судъ Перовъ Франціи. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, Іоаннъ началъ собирать войско; но собравшіеся въ Портсмутѣ бароны отказались слѣдовать за нимъ. Онъ обратился къ Папѣ; но и отъ него не получилъ никакой помощи. Филиппъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, завладѣлъ Нормандіею, оставленною Іоанномъ на произволъ судьбы.

Между тѣмъ Іоаннъ велъ переговоры съ врагами церкви и короля Французскаго. Онъ на собственномъ иждивеніи содержалъ войско племянника

своего Оттона IV; сблизился съ Фламандцами, и вступилъ въ сношенія съ владѣтелями южной Франціи. Графъ Тулузскій, короли, Арагонскій и Англійскій, примирились, казалось, для того только, чтобы противопоставить общій оплотъ церковной власти.

Характеръ реформы двѣнадцатаго столѣтія на Альпахъ и Ронѣ составлялъ раціонализмъ; на Рейнѣ мистицизмъ; во Фландріи смѣсь того и другаго; въ Лангедокѣ онъ былъ еще неопредѣленнѣе.

Лангедокъ былъ мѣстомъ столкновенія всѣхъ народовъ, настоящимъ столпомъ Вавилонскимъ. Находясь на большой дорогѣ, ведущей во Францію, Италію и Испанію, эта страна представляетъ странное смѣшеніе крови Иберійской, Гальской, Римской, Сарацинской и Готской. Эти разнородные элементы образовали сильную оппозицію. Здѣсь-то должна была возникнуть великая борьба вѣрованій и племенъ. Чтобы лучше понять религіозную революцію южной Франціи, мы считаемъ нужнымъ объяснить тогдашнее ея политическое состояніе.

Въ центрѣ находилась Тулуза, республика, подъ управленіемъ графовъ. Владѣнія послѣднихъ съ каждымъ днемъ увеличивались. Еще съ перваго крестоваго похода, они считались въ числѣ богатѣйшихъ Христіанскихъ государей; не успѣли занять престола Іерусалимскаго, за то завоевали Триполь. Впрочемъ эта сильная держава окружена была могущественными сосѣдями. На сѣверѣ владычествовали графы Пуатіерскіе, сдѣлавшіеся королями Англійскими; къ югу домъ Барцелонскій, владѣвшій въ то же время Провансомъ и Арагоніей. Эти два дома, производившіе свой родъ отъ

Св. Гилема (Guilhem), опекуна Людовика Добродушнаго и побѣдителя Мавровъ, считали Тулузскихъ графовъ похитителями верховной власти. Того же Святаго считали своимъ родоначальникомъ графы Руссильонскіе, Серданскіе, Конфланскіе и Безалюскіе. Всѣ они были враги графовъ Тулузскихъ. Дома Безіерскій, Каркассонскій, Альбискій и Нимскій были расположены къ нимъ не лучше. Пиренеями владѣли бѣдные, но чрезвычайно предпріимчивые вожди, родъ Кондотіеровъ, которымъ счастіе приготовляло блистательную будущность; я говорю о домахъ Фуа, Албре и Арманьяка (Foix, d'Albret et d'Armagnac). Арманьяки, Комминги, графы Безіерскіе и Тулузскіе, тогда только и были согласны между собою, когда нужно было воевать противъ церкви. Проклятія духовенства вовсе ихъ не безпокоили. Графъ Коммингскій женатъ былъ на трехъ женахъ; графъ Тулузскій, Раймондъ VI, содержалъ гаремъ. Эта Французская Іудея, какъ тогда называли Лангедокъ, не одною горною смолою и оливковыми деревьями напоминала восточную Іудею; она имѣла также свой Содомъ и Гоморру, и надобно было опасаться, что, рано или поздно, мщеніе церкви дастъ ей и мертвое море.

Помѣстья были вездѣ отбираемы у духовенства. Самое имя священника было браннымъ словомъ. Только тѣ изъ духовныхъ осмѣливались показываться въ церковной одеждѣ, которые посвящали себя церкви, для того чтобы своимъ баронамъ дать возможность пользоваться доходами съ духовныхъ мѣстъ. Если какой нибудь ревностный миссіонеръ рѣшался проповѣдывать слово Божіе, то надъ нимъ насмѣхались. Святость жизни, красно-

рѣчивыя увѣщанія не производили никакого дѣйствія. Даже Св. Бернардъ не избѣгъ осмѣянія.

Въ виду Католической Іерархіи возвышалась другая Іерархія, которой метрополіею была Тулуза. Одинъ Константинопольскій уроженецъ, по имени Никита, (1167 г.), близь самой Тулузы предсѣдательствовалъ въ собраніи епископовъ Манихейскихъ. Ломбардія, сѣверная Франція, Альби, Каркассона и Аранъ имѣли на этомъ соборѣ своихъ представителей. Никита торжественно толковалъ обряды Манихеянъ Азійскихъ. Вѣрованія Востока и Византійской Греціи начинали преобладать въ Западной церкви. Сами Вальденсы, коихъ раціонализмъ былъ, по видимому, свободнымъ проявленіемъ человѣческаго духа, имѣли у себя наставникомъ какого-то Идроса, который, если судить по его имени, былъ Грекъ. Новая церковь вездѣ разсылала своихъ проповѣдниковъ, и новое ученіе распространялось въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ, какъ-то: въ Пикардіи, Фландріи, Германіи, Англіи, Ломбардіи, Тосканѣ, даже у самыхъ воротъ Рима, въ Витербѣ. Но странные обряды восточнаго Манихеизма нашли въ то же время и многихъ противниковъ. Съ другой стороны, жители сѣверной Франціи съ ужасомъ смотрѣли на грабежи и нечестіе *Рутіеровъ* (наемныя шайки), большею частію находившихся въ службѣ Англіи. Въ Маршѣ, Овернѣ и Лимузинѣ они производили самыя неистовыя опустошенія. Наконецъ народъ, потерявъ терпѣніе, вооружился противъ нихъ. Одинъ плотникъ, выдававшій себя за боговдохновеннаго, составилъ общество волонтеровъ, для истребленія этихъ шаекъ. Филиппъ

Августъ поддерживалъ усилія народа, и въ одинъ день было истреблено десять тысячъ разбойниковъ.

Въ тринадцатомъ столѣтіи церковь искусно воспользовалась враждою племенъ, населявшихъ Францію. Ситосскіе Бенедиктинцы, нѣкогда возбуждавшіе народъ къ войнѣ противъ невѣрныхъ, начали проповѣдывать крестовой походъ противъ еретиковъ. Проповѣдь ихъ имѣла успѣхъ.

Раймондъ находился съ сильною арміею на Ронѣ, когда получилъ отъ Иннокентія III страшное письмо, угрожавшее ему гибелью. Папа требовалъ, чтобы онъ прекратилъ войну, согласился воевать противъ своихъ еретическихъ подданныхъ, и открылъ для крестоносцевъ свободный входъ въ свои владѣнія. Раймондъ отвергъ эти предложенія. Папа отлучилъ его отъ церкви, и онъ покорился, но старался какъ нибудь уклониться отъ исполненія своихъ обѣщаній. Одинъ монахъ, по имени Петръ Кастельно, осмѣлился лично упрекнуть его за это вѣроломство. Раймондъ, не привыкшій къ подобнымъ дерзостямъ, въ порывѣ гнѣва изъявилъ желаніе быть отмщеннымъ. Феодальная преданность тогдашняго времени была такова, что вассалъ законами чести обязывался исполнять малѣйшую волю того, отъ кого онъ зависѣлъ. Люди, кормившіеся хлѣбомъ сильнаго владѣльца, готовы были жертвовать за него своею жизнью и вѣчнымъ спасаніемъ. Одинъ рыцарь Раймонда настигъ на Ронѣ Петра Кастельно и умертвилъ его. Убійца нашелъ убѣжище у графа Фуа, который былъ тогда другомъ графа Тулузскаго, и котораго мать и сестра были еретички.

Такъ началась эта кровавая драма (1208). Иннокентій III не удовольствовался, подобно Алек-

сандру III, извиненіями и наружною покорностію Раймонда. Онъ велѣлъ проповѣдывать въ сѣверной Франціи новый крестовой походъ. Константинопольскій походъ пріучилъ уже умы къ мысли вести священную войну противъ Христіанъ. Новая война не представляла большихъ затрудненій; не нужно было переплывать морей для встрѣчи съ непріятелемъ; рай обѣщанъ былъ всѣмъ тѣмъ, которые будутъ разорять богатые города и села Лангедока. Всѣ средства были позволены для того, чтобы, какъ можно болѣе, ожесточить народъ; говорили, что кровь Легата требовала крови еретиковъ. Крестоносцы сначала напали на нижній Лангедокъ, Безіеръ, Каркассону, гдѣ число еретиковъ было весьма велико. Весь югъ могъ бы соединиться противъ церкви, если бы первые удары направлены были противъ графа Тулузскаго. Папа принялъ его покорность, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ лично повелъ крестоносцевъ противъ еретиковъ и противъ собственнаго своего племянника Виконта Безіерскаго.

Главная армія крестоносцевъ слѣдовала къ берегамъ Роны, два другіе отряда шли другими путями. Ими предводительствовали архіепископы Реймскій, Санскій, Руанскій; епископы Отёнскій, Клермонскій, Неверскій, Баіескій, Лизьёзскій и Шартрскій; графы Неверскій, Оксерскій, Женевскій, Сенъ-Поль и множество бароновъ. Сильнѣе всѣхъ былъ Герцогъ Бургундскій. Германцы и Лотаринпцы, сосѣди Бургундцевъ, также надѣли крестъ; но ни одна область не выставила такихъ храбрыхъ и искусныхъ воиновъ, какъ Иль-де-Франсъ. Главнымъ инженеромъ былъ архидіаконъ церкви Парижской Богоматери, а верховнымъ предводите-

лемъ крестоваго похода Симонъ Монфортскій. Говорятъ, что послѣ пораженія при Бренневиллѣ, одинъ изъ Монфортовъ Людовику Толстому далъ совѣтъ призвать на помощь милиціи общинъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи Симонъ Монфортскій едва не сдѣлался государемъ южной Франціи. Его второй сынъ, искавшій счастія въ Англіи, защищая права Англійскихъ общинъ, открылъ имъ входъ въ парламентъ.

Сначала крестоносцы приступили къ Безіеру. Жители сдѣлали смѣлую вылазку; но они еще не знали превосходства своихъ противниковъ въ военномъ искусствѣ; одной пѣхоты достаточно было для ихъ отпора; прежде, чѣмъ рыцари успѣли принять участіе въ дѣлѣ, пѣхота, преслѣдуя бѣгущихъ, овладѣла городомъ. Войско находилось въ недоумѣніи, по какимъ признакамъ отличать православныхъ отъ еретиковъ. »Умерщвляйте всѣхъ, сказалъ аббатъ Ситосскій (de Citeaux); Господь узнаетъ тѣхъ, которые Ему принадлежали.«

Произведенный этимъ ужасъ былъ такъ великъ, что всѣ крѣпости сданы были безъ сопротивленія; жители бѣжали въ горы. Не сдавалась одна Каркассона, въ которой заперся Виконтъ Безіерскій. По взятіи этого города, крестоносцы пятдесятъ плѣнныхъ повѣсили, а четыре ста сожгли.

Все это кровопролитіе не принесло бы ни какой пользы, если бы никто не принялъ на себя обязанности упрочить успѣхи похода. Всѣ бароны отказались отъ наслѣдства Виконта; но послѣ краткаго сопротивленія, согласился принять его Симонъ Монфортскій. Виконмъ Безіерскій, бывшій у него въ плѣну, къ счастію Монтфорта, скоро скончался; Оставалось только Папѣ подтвердить

даръ своихъ легатовъ, и, чтобы скорѣе получить это подтвержденіе, Симонъ обложилъ каждый домъ тремя денаріями ежегодной подати въ пользу Римской церкви.

Видя себя оставленнымъ арміею, которая безъ его позволенія разошлась, онъ, въ ожиданіи новаго крестоваго похода, принужденъ былъ на время сблизиться съ графами Тулузскимъ и Фуа. Между тѣмъ его жена, Алиса Монморанси, привела къ нему новую армію. Еретики, послѣ несчастія, постигшаго Безіеръ и Каркассону, не смѣя защищаться въ городахъ, заперлись въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ замкахъ; подобно протестантамъ XVI столѣтія, они видѣли между собою многихъ дворянъ. Однимъ изъ надежнѣйшихъ убѣжищъ ихъ былъ замокъ Минерва, находившійся у самыхъ воротъ Нарбонны. Архіепископъ и правители Нарбонны, обнародовавъ строгіе законы противъ еретиковъ, надѣялись этой мѣрой избавить свой городъ отъ нашествія Крестоносцевъ; но бѣдные жители[1], преслѣдуемые во владѣніяхъ Виконта Безіерскаго, бросились къ Нарбоннѣ. Они заперлись въ замкѣ Минервы; но для прокормленія себя принуждены были производить набѣги до самыхъ городскихъ воротъ. Раздраженные Нарбонцы сами призвали къ себѣ на помощь Монфорта. Осада замка была упорная и кровопролитная; осажденные не надѣялись и неожидали никакой пощады. Отсюда Монфортъ проникъ на югъ, и при помощи военныхъ машинъ, построенныхъ Парижскимъ архидіакономъ, онъ взялъ крѣпкій замокъ Термъ.

Не было никакого сомнѣнія, что Монфортъ, овладѣвъ укрѣпленными мѣстами въ горахъ, обратится къ Тулузѣ. Устрашенный графъ просилъ по-

мощи у императора, королей Англійскаго, Французскаго и Арагонскаго. Филиппъ Августъ писалъ Папѣ; король Арагонскій старался подарками подкупить Монфорта. Всѣ мелкіе владѣтели Пиренеевъ пристали къ Раймонду. Графы: Фуа Беарнскій и Комменжскій соединенными силами принудили Симона снять осаду Тулузы. Король Арагонскій занятъ былъ тогда отраженіемъ Алмоадовъ, которые въ числѣ четырехъ сотъ тысячь человѣкъ вторглись въ его владѣнія. Разбивъ ихъ при Ласъ-Навасъ де Толоза, онъ тотчасъ отправилъ войско противъ Симона. Обѣ арміи встрѣтились близъ Тулузы; Монфортъ, сдѣлавъ притворное отступленіе, вдругъ всей тяжестію своей конницы неожиданно напалъ на враговъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, и болѣе 15 тысячь человѣкъ истребилъ. Д. Педро погибъ въ сраженіи (1213).

Церковь равно торжествовала и въ южной Франціи и въ Греческой имперіи. Оставались только сѣверные враги ея, еретики Фландрскіе, отлученный отъ церкви Іоаннъ и анти-кесарь Оттонъ.

Въ 1208 г. въ то самое время, когда открывался Крестовый походъ въ южную Францію, Папа назначилъ примасомъ Англіи одного изъ враговъ короля Англійскаго. Іоаннъ не соглашался признать его и былъ отлученъ отъ церкви; но никто изъ его подданныхъ не осмѣлился объявить ему этого приговора. Пять лѣтъ онъ находился въ явномъ разрывѣ съ Папою, и во все это время дѣйствовалъ самымъ тиранскимъ образомъ. Ему нечего было бояться, доколѣ Франція и Европа заняты были священною войною противъ Албигойцевъ. Въ 1212 г. Иннокентій III, успокоившись на счетъ юга, объявилъ Крестовый походъ противъ Іоанна, и поручилъ

королю Французскому привести эту угрозу въ исполненіе. Филиппъ собралъ многочисленный флотъ и армію; Іоаннъ съ своей стороны собралъ также шестьдесятъ тысячь войска, но не могъ положиться на ихъ вѣрность. Папскій легатъ далъ ему почувствовать опасность его положенія. Онъ смирился и обязался платить ему ежегодную дань въ тысячу марокъ стерлинговъ золотомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Филиппъ Августъ никогда не отмѣнилъ бы свего похода въ Англію, еслибы не измѣнилъ ему графъ Фландрскій. Фландрія и Англія давно имѣли между собою торговыя сношенія; Фламанскіе фабриканты покупали Англійскую шерсть. Филиппъ, по внушенію легата, вторгнулся во Фландрію и опустошилъ ее.

Между тѣмъ Іоаннъ набиралъ новую армію, снабжалъ деньгами своего племянника Оттона, и возмущалъ принцевъ Бельгійскихъ. Зимою (1214), переплывъ море, высадилъ онъ свои войска близь Рошели; по общему плану ему слѣдовало напасть на Филиппа съ Юга, тогда какъ Германцы и Фламанцы стали бы тѣснить его съ Сѣвера. Сѣверные владѣльцы съ безпокойствомъ смотрѣли на возраставшее могущество короля Французскаго; и нѣкоторые думаютъ, что цѣль союзниковъ была, по завоеваніи Франціи, раздѣлить ее между собою. Графу Фландрскому долженъ былъ достаться Парижъ, графу Булонскому Перонна и Вермандуа; по примѣру Іоанна, они намѣрены были отдать церковныя имущества людямъ военнымъ.

Враждебныя арміи встрѣтились близь Бувинскаго моста, между Лилемъ и Турне (1214). Сначала милиціи наши были смяты, и король Французскій находился въ большой опасности; подъ импе-

раторомъ Оттономъ ранили лошадь. Французамъ досталось множество плѣнныхъ рыцарей и пять графовъ: Фландрскій, Булонскій, Салисбюрійскій, Текленбургскій и Дормундскій. Два первые, невыкупленные своими, навсегда остались плѣнниками короля Филиппа.

Іоаннъ столько же несчастливъ былъ на Югѣ, какъ Оттонъ на Сѣверѣ. Онъ возвратился въ Англію побѣжденнымъ и бѣднымъ. Обстоятельства благопріятствовали баронамъ, и они воспользовались ими. Въ Январѣ 1215, а потомъ 15 Іюня тоже года, они принудили его подписать знаменитый актъ, извѣстный подъ именѣмъ *Большой Хартіи.* Но едва они разъѣхались, Іоаннъ началъ собирать войско; устрашенные бароны призвали къ себѣ на помощь королей Шотландскаго и Французскаго. Сынъ Филиппа былъ женатъ на племянницѣ Іоанна, Бланкѣ Кастильской. Іоаннъ, всѣми оставленный, лишился надежды восторжествовать надъ своими врагами; скоро лихорадка прекратила и жизнь его. Это происшествіе не слишкомъ было благопріятно для Франціи. Сынъ Іоанна, Генрихъ III, не участвовалъ въ преступленіяхъ своего отца; и Англичане, оставивъ своего новаго короля, Людовика, приняли сторону законнаго наслѣдника престола. Сынъ Филиппа, со всѣхъ сторонъ окруженный непріятелями, едва нашелъ средства возвратиться во Францію.

Иннокентій III скончался двумя мѣсяцами раньше Іоанна, въ то самое время, какъ планы его со всѣхъ сторонъ вѣнчались желланнымъ успѣхомъ (1216). Впрочемъ, въ послѣдніе годы своей жизни, онъ почти хотѣлъ отказаться отъ своей политики. Когда графъ Тулузскій, графъ Фуа и другіе владѣ-

тели южныхъ провинцій, со слезами бросились къ его ногамъ, и объяснили ему свои несчастія, онъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, рѣшился возвратить имъ ихъ владѣнія. Но исполнители его замысловъ не согласились на эту уступку, которая вмѣстѣ и разоряла ихъ и обличала ихъ преступныя дѣйствія. Владѣнія графовъ Тулузскихъ не достались ни Раймонду, ни Монфорту; законный наслѣдникъ для того только получилъ ихъ на минуту, чтобъ передать другому; а счастливый похититель, которому мужество и необыкновенная дѣятельность доставили обширное королевство, былъ убитъ камнемъ, брошеннымъ со стѣны Тулузы (1218). Его сынъ Амори Монфортъ уступилъ свои права на Лангедокъ королю Французскому; вся южноя Франція, за исключеніемъ только нѣсколькихъ вольныхъ городовъ, покорились Филиппу Августу. Въ 1212 г. самъ Легатъ и епископы Юга на колѣнахъ умоляли его принять приношеніе Монфорта (смерть Филиппа Августа 1223).

Филиппа Августа, присоединившаго Нармандію къ Пикардіи, должно почитать истиннымъ основателемъ королевства. Сооруженіе каѳедральной церкви, постройка каменной мостовой, водопроводовъ, новой стѣны, устройство рынковъ, заведеніе больницъ и университа даютъ ему право называться, въ нѣкоторомъ отношеніи, основателемъ Парижа. Учрежденіемъ палаты перовъ, для произведенія суда надъ Іоанномъ, за смерть Артура, онъ подчинилъ судопроизводство королевской власти. Важнѣйшіе феодальные бароны при немъ начали терять свое могущество; Фладрія, Шампанія, Лангедокъ покорились власти королевской. Между дворянами король пріобрѣлъ себѣ сильную партію; освобожде-

ніемъ младшихъ братьевъ отъ зависимости старшихъ, онъ поселилъ, если можно такъ сказать, духъ демократическій въ тогдашней аристократіи.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Людовикъ VIII; Людовикъ Св.; послѣдній Крестовой походъ (1223 — 1270).

Сынъ Филиппа Августа, больной Людовикъ VIII, въ насмѣшку прозванный Львомъ (Louis-le-lion), не смотря на свою слабость, игралъ роль завоевателя. Правда, его покушевія на завоеваніе Англіи неимѣли никакого успѣха, но за то онъ взялъ у Англичанъ Пуату. Во Фландріи онъ поддерживалъ власть графини Іоанны, и оказалъ ей важную услугу тѣмъ, что мужа ея удерживалъ плѣнникомъ въ Луврѣ. На югѣ онъ кончилъ войну противъ Альбигойцевъ. Между тѣмъ, какъ вся сѣверная страна, подъ его начальствомъ, вооружилась противъ южныхъ областей, республики: Прованская, Авиньонская, Марсельская и Нисская надѣялись, что гроза ихъ минуетъ. Жители Авиньонскіе позволили войску королевскому пройти мимо своихъ стѣнъ; но въ то же самое время, по тайному согласію съ графомъ Тулузскимъ, предъ приближеніемъ Французской конницы истребили всѣ припасы. Людовикъ, осадивъ городъ, принудилъ жителей заплатить выкупъ, дать аманатовъ и разрушить город-

скія стѣны. Нимъ, Альби, Каркассона, сдались безъ боя; но сильные жары произвели въ арміи крестоносцевъ убійственныя болѣзни. Бароны оставили короля, и, вскорѣ послѣ того, онъ скончался, какъ нѣкоторые утверждаютъ, отъ яда, даннаго ему любовникомъ королевы, Тибо Шампанскимъ (1226).

Регентство и опека юнаго Людовика IX, по законамъ Феодальнымъ, принадлежали его дядѣ, графу Булонскому, Филиппу Гюрепелу; но вдовствующая королева, Бланка Кастильская, успѣла захватить правленіе королевства въ свои руки, при содѣйствіи друзей своихъ, папскаго Легата и графа Шампанскаго. Вельможи вооружились противъ правительницы, подъ предводительствомъ герцога Бретанскаго, Петра Моклерка, происходившаго отъ одного изъ сыновей Людовика Толстаго. Этотъ замѣчательный человѣкъ питалъ важные замыслы; онъ хотѣлъ унизить власть королевскую, и сдѣлаться въ Бретани неограниченнымъ государемъ. Встрѣченное имъ здѣсь сопротивленіе и двукратная измѣна Генриха III, короля Англійскаго, котораго бароны были подкуплены регентшею, лишили его средствъ успѣшно дѣйствовать противъ Франціи. Сверхъ этого, Бланка нашла способъ воспрепятствовать браку графа Шампанскаго съ дочерью Моклерка.

Между тѣмъ, она дѣятельно занималась окончательнымъ покореніемъ Юга. Раймондъ III принужденъ былъ принять въ Тулузу гарнизонъ Французскій, уступить Франціи нижній Лангедокъ, и обѣщать свои владѣнія въ приданое дочери своей Іоаннѣ, которая назначалась въ супружество одному изъ королевскихъ братьевъ. Верхній Провансъ онъ уступилъ церкви: вотъ начало папскихъ при-

тязаній на графство Авиньонское. Самъ Раймондъ лично явился въ Парижъ, подвергся церковному покаянію, и потомъ, по собственному своему желанію, какъ плѣнникъ, шесть недѣль содержался въ башнѣ Луврской.

Послѣ этого правительница осмѣлилась явно возстать противъ графа Бретанскаго, и предать его суду Перовъ. Англичане оставили его; бароны безъ его вѣдома помирились съ Бланкою. Всѣ волненія, возмущавшія сѣверъ Франціи, перешли, такъ сказать, на югъ и востокъ. Тибо, получивъ по смерти своего тестя корону Наварскую, продалъ регентшѣ Шартръ, Блуа, Сансерръ и Шатоденъ. Моклеркъ, уступивъ сыну своему графство Бретанское, отправился въ крестовой походъ.

Въ такомъ благопріятномъ положеніи находилось королевство въ эпоху совершеннолѣтія Св. Людовика (1236). Ему суждено было получить наслѣдство Албигойцевъ и другихъ враговъ церкви. Невинная, чистая совѣсть его говорила ему, какъ сомнительны права его на эти новыя владѣнія; чтобы успокоить себя, онъ рѣшился предпринять крестовой походъ.

Никогда священная война не казалась такъ необходимою и законною, какъ теперь. Сѣверъ непрестанно высылалъ новыя толпы Монголовъ, которые, мало по малу, распространились по всей Азіи. Эти пастушескія племена, увлекая въ своемъ шествіи народы, и гоня предъ собою людей, какъ стада, хотѣли, казалось, не оставить на землѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ городовъ и промышленности человѣческой, и весь земной шаръ обратить въ обширную пустыню, на которой бы послѣ можно было вездѣ кочевать свободно. Весь Востокъ при ихъ грозномъ нашествіи на-

чалъ соединяться. Магометанскіе государи послали просить помощи у короля Французскаго; одинъ изъ ихъ пословъ былъ и въ Англіи. Съ другой стороны, Константинопольскій Латинскій императоръ, въ сильныхъ выраженіяхъ, представлялъ Св. Людовику свое опасное положеніе и нищету. Не имѣя денегъ даже на покупку дровъ, онъ принужденъ былъ ломать свои дворцы. Онъ предлагалъ дешево уступить Людовику безцѣнное сокровище — терновый венецъ, бывшій на челѣ Спасителя.

Походъ 1235 года не могъ обѣщать большихъ успѣховъ. Юный Людовикъ не могъ еще оставить своего королевства; противъ него составился сильный союзъ; но къ счастію, союзники дѣйствовали раздѣльно. Походъ Англичанъ во Францію былъ рѣшительно неудаченъ. Людовикъ могъ бы ихъ обойти и принудить всю армію положить оружіе, еслибы не согласился на предложенное Генрихомъ III перемиріе. Генрихъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и отступилъ къ Сенту. Людовикъ пошелъ за нимъ; возгорѣлся жаркій бой въ виноградникахъ; король Англійскій, потерявъ сраженіе, убѣжалъ въ Бордо (1241). Открывшаяся въ войскѣ зараза остановила дальнѣйшіе успѣхи Людовика.

Между тѣмъ на Востокѣ совершалось давно предвидѣнное несчастіе; Монголы взяли Іерусалимъ. Когда эти печальныя извѣстія пришли въ Европу, Св. Людовикъ почти лежалъ на одрѣ смерти; онъ велѣлъ нашить красный крестъ на своей постели и платьѣ. Мать его сильно возставала противъ даннаго имъ обѣта.

Тогда не безъ основанія думали, что для прочнаго завоеванія святой земли, нужно было бы первоначально утвердиться въ Египтѣ. Св. Людовикъ

отправился на островъ Кипръ, гдѣ пробылъ довольно долгое время, въ ожиданіи брата своего Альфонса съ резервной арміей. Туда стеклось множество пословъ отъ Восточныхъ государей, желавшихъ наблюдать за великимъ царемъ Франковъ.

Наконецъ его флотъ направилъ путь къ Египту. Крѣпкій городъ Даміетта, могшій долго сопротивляться, сдался въ испугѣ; Отсюда король выступилъ къ Каиру. Очутившись въ этой странѣ, прорѣзанной множествомъ каналовъ, онъ, къ несчастью, избралъ ту самую дорогу, которая была столько гибельна для Іоанна Бріенскаго. Христіане шли такъ медленно, что на переходъ отъ Даміеты до Мансуры, заключающій не болѣе десяти миль, употребили цѣлый мѣсяцъ. Робертъ д'Артуа кинулся въ городъ съ авангардомъ, и погибъ. Король, еще не зная о его участи, также подошелъ, и, окруженный со всѣхъ сторонъ мамелюками, до заката солнца храбро защищался въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ. Наконецъ нужно было возвратиться въ Даміетту; въ войскѣ оказались смертоносныя болѣзни, самъ король былъ опасно боленъ, но ни на что не смотря, не хотѣлъ оставить своего народа. Отступающая армія была остановлена Сарацинами: началась страшная рѣзня. Король, взятый вмѣстѣ со многими баронами въ плѣнъ, удивилъ невѣрныхъ своимъ геройскимъ самоотверженіемъ; возвративъ Даміету и заплативъ четыреста тысячь золотыхъ безановъ, онъ получилъ свободу. Между тѣмъ, собираясь защищать Палестину отъ нападеній Мамелюковъ, въ случаѣ если бы имъ вздумалось внести туда свое оружіе, онъ оставался еще цѣлый годъ въ этомъ краѣ; исправилъ стѣны многихъ городовъ, укрѣпилъ Кесарію, Яффу, Сидонъ и Сенъ-Жанъ д'Акръ.

Въ его отсутствіе во Франціи произошло возстаніе *пастуховъ* (des Pastoureaux). Самые бѣдные сельскіе жители, особенно пастухи, услышавъ о плѣнѣ короля, вооружились, и, составивъ большую армію, рѣшились итти освободить его. Правительство успѣло наконецъ разсѣять ихъ. Св. Людовикъ, по своемъ возвращеніи, вопреки волѣ своихъ братьевъ, дѣтей, бароновъ и подданныхъ, возвратилъ Англійскому королю Перигоръ, Лимузинъ, Аженуа и всѣ свои владѣнія въ Керси и Сентонжѣ, съ тѣмъ, чтобы король Англіи съ своей стороны отказался отъ правъ своихъ на Нормандію, Туренъ, Анжу, Менъ и Пуату (1258).

Эта чрезмѣрная заботливость о дѣлахъ совѣсти лишила бы Францію внѣшняго ея вліянія. Но Франція повиновалась волѣ короля не безусловно.

Съ одной стороны Англія, управляемая домомъ Пуату, освободилась отъ его власти, при помощи сѣвернаго Француза Симона Монфорта, графа Лейчестерскаго, втораго сына знаменитаго Монфорта, начальника Крестоваго похода противъ Албигойцевъ. Съ другой, Провансальцы, подъ предводительствомъ Карла Анжускаго, брата Св. Людовика, завоевали королевство обѣихъ Сицилій и довершили паденіе Швабскаго дома въ Италіи.

Послѣ шестилѣтней кровопролитной войны, Генрихъ III и его бароны, свои взаимныя распри, перенесли на судъ Св. Людовика. Благочестивый король, равно придерживаясь Библіи и права Римскаго, рѣшилъ, что *должно повиноваться властямъ;* уничтожилъ Оксфордскія постановленія, прежде еще отвергнутыя Папою; король Англійскій

долженъ былъ вступить во всѣ права королевскія; но обязывался не нарушать »Хартій и обычаевъ Англійскаго королевства, существовавшихъ прежде Оксфордскихъ постановленій (1264).« Союзники приняли это рѣшеніе за сигналъ къ войнѣ.

Древній и знаменитый домъ Швабскій былъ низвергнутъ съ престола. Уже Папа продавалъ его владѣнія съ публичнаго торга. Онъ предлагалъ ихъ королямъ Англійскому и Французкому. Людовикъ сначала не соглашался на это предложеніе, но послѣ позволилъ имъ воспользоваться своему брату Карлу. Этотъ братъ Св. Людовика, этотъ Карлъ Анжускій, котораго почитатель его Виллани изобразилъ въ такихъ страшныхъ чертахъ, этотъ *черный человѣкъ*, *мало спавшій*, былъ для Св. Людовика демономъ искусителемъ. Онъ былъ женатъ на Беатраксѣ, послѣдней изъ четырехъ дочерей графа Прованскаго. Три старшія были королевы, и Беатрикса должна была сидѣть у ихъ ногъ на табуретѣ. Эта честолюбивая женщина еще болѣе раздражала жестокую и алчную душу своего мужа; ей также хотѣлось престола.

Фридерикъ II умеръ въ борьбѣ съ Папою (1150). Сынъ его Конрадъ, при первомъ своемъ появленіи въ Италію, скоропостижно скончался. Послѣ его смерти престолъ Имперіи долженъ былъ перейти къ другой династіи; братъ короля Англійскаго и король Кастильскій объявили свои притязанія на императорское достоинство. Малолѣтный Конрадинъ, сынъ Конрада, немогъ защищать своихъ правъ; но королевство Неаполитанское досталось Манфреду, побочному сыну Фридерика II, блестящему, остроумному, развратному подобно отцу, нечестивому, однимъ словомъ человѣку, который прі-

обрѣталъ всю любовь или навлекалъ на себя всю ненависть тѣхъ, которые его знали. Окруживъ себя десятитысячнымъ корпусомъ Сарациновъ, которымъ ввѣрилъ защиту своихъ крѣпостей и сокровищъ своего отца, онъ съ этимъ храбрымъ отрядомъ вступилъ въ роковое для него сраженіе, положившее конецъ его владычеству въ Италіи.

Нѣкоторые полагаютъ, что Карлъ Анжускій своею побѣдою обязанъ данному имъ приказанію *убивать лошадей* (1266). Скоро деспотизмъ Карла началъ тяготѣть надъ всей Италіей. Жалобы народа доходили даже за Альпы. Вся партія Жибелиновъ неаполитанскихъ, Тосканскихъ и Пизскихъ просила помощи у юнаго Конрадина. Конрадинъ съ многочисленною кавалеріею переходитъ Альпы, и вступаетъ въ кровопролитное сраженіе. Сначала побѣда склонялась на его сторону, но Карлъ, по совѣту одного старшаго рыцаря, имѣлъ въ засадѣ пять сотъ человѣкъ отборнаго войска. Въ то самое время, когда Конрадинъ преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля, и Карлъ предавался отчаянію, старый рыцарь сказалъ ему: »теперь настала благопріятная минута; нападай.« Побѣдители, неожиданно атакованные, были смяты. Несчастному Конрадину отсѣкли голову (1268).

Между тѣмъ, какъ вліяніе Франціи распространялось внѣ ея предѣловъ, Св. Людовикъ пытался утвердить въ ней внутреннее благоустройство. Еще въ 1251 г. онъ основалъ подвижной парламентъ. Засѣдавшіе въ немъ совѣтники, духовные и свѣтскіе, познакомившись съ Римскимъ правомъ, составили феодальный кодексъ, въ духѣ Пандектовъ. Они ограничили право частныхъ войнъ; заимствовали формы судопроизводства изъ церковныхъ судовъ, и

судебный поединокъ замѣнили письменными доказательствами; общимъ правиломъ постановлено, чтобы вольные люди, жившіе во владѣніяхъ бароновъ, непосредственно зависѣли отъ власти королевской. Такимъ образомъ легисты ослабили власть феодальную, и въ тоже время папскому могуществу противопоставили новый уставъ церковный (la pragmatique — Sanction) (1269), служившій въ послѣдствіи основаніемъ самостоятельности Галликанской церкви.

Мирныя занятія Св. Людовика прерваны были новымъ Крестовымъ походомъ. Его братъ, Карлъ Анжускій, хотѣлъ завоевать Африку. Употребляя во зло благочестіе своего брата, онъ успѣлъ внушить ему, что завоеваніе Туниса облегчитъ покореніе Египта, и что Султанъ ожидаетъ только появленія христіанъ, чтобы принять ихъ вѣру. Св. Людовикъ, сбиравшійся начать Крестовой походъ на Востокъ, завлеченъ былъ въ Тунисъ, и тамъ отъ чумы скончался (1270).

Вмѣстѣ съ его смертію прекращаются и крестовые походы. Спустя нѣсколько времени (1327. Венеціанецъ Сануто предложилъ Папѣ Крестовый походъ для выгодъ торговыхъ. Недостаточно, говорилъ онъ, завоевать Египетъ, нужно совершенно разорить его. Онъ предлагалъ проложить торговый путь въ Индію опять чрезъ Персію, съ тѣмъ, чтобы товары не провозились болѣе чрезъ Александрію и Даміетту. Можно видѣть въ этомъ проявленіе духа новѣйшихъ временъ. Уже не религія, а торговля влечетъ людей въ дальніе походы.

═

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Легисты. Филиппъ Прекрасный и проч. (1270—1328).

Сынъ Св. Людовика, Филиппъ смѣлый, по возвращеніи изъ Африки, почти разомъ пять гробовъ отнесъ въ пещеры Сенъ-Денискія: онъ въ одно время сдѣлался наслѣдникомъ отца и многихъ изъ братьевъ (получилъ Валуа, Оверпъ, Тулузу). По смерти графа Шампанскаго, короля Наварскаго, король Французскій соединилъ бракомъ съ своимъ сыномъ единственную дочь его и наслѣдницу.

Усилившаяся, татимъ образомъ Франція начала обращать все свое вниманіе на Югъ. Овладѣвъ Наваррою, короли ея хотѣли подчинить себѣ также, послѣ Неаполя, Аррагонію, послѣ Италіи, Испанію. Но въ эту эпоху честолюбію ихъ встрѣтились границы, которыхъ бы оно давно не должно было переступать. Франція дѣлалась предметомъ общей недовѣрчивости и ненависти. Царствованіе брата Св. Людовика навсегда было запятнано казнью юнаго Конрадина. Сицилійскія вечерни, — начало мщенія, которое навлекла на себя Франція, — исторгли Сицилію у Карла Анжускаго. Флотъ его былъ истребленъ въ его глазахъ; сидя на берегу, Карлъ грызъ свой скипетръ, не будучи въ состояніи подать ему помощь. Сынъ его былъ еще несчастнѣе: въ одномъ морскомъ сраженіи онъ взятъ въ плѣнъ и принужденъ былъ отказаться отъ Сициліи. Аррагонія, союзница Сицилійцевъ, папскою буллою уступлена была брату короля Французскаго; но

Филиппъ не имѣлъ столько силъ, чтобы упрочить за собою этотъ даръ Папы (1285). Его походъ въ Кастилію также не имѣлъ никакого успѣха (1276). Онъ поддерживалъ права Инфантовъ де ла Церда (de la Cerda), по женскому колѣну происходившихъ отъ Французской династіи. Они основывали свои пратязанія на волѣ дѣда своего Альфонса X, астронома и законодателя; но народъ устранилъ родственниковъ короля Французскаго. Онъ предпочелъ побѣдителя Мавровъ, дядю ихъ, Санха — Храбраго.

Легисты въ двѣнадцотомъ столѣтіи управлявшіе королями Англійскими, а въ тринадцотомъ, Людовикомъ Св. Альфонсомъ X и Фридерикомъ II, въ царствованіе внука Св. Людовика сдѣлались тиранами Франціи. *Эти рыцари права*, эти желѣзныя души, Плазіаны, Ногареты, Мариньи, съ ужаснымъ хладнокровіемъ, рабски слѣдовали Римскому праву и отяготительной системѣ сборовъ императорской администраціи. Пандекты были ихъ Библіей и Евангеліемъ. Ихъ ничто неостанавливало, когда нужно было, законно или нѣтъ, произнести scripum est... При помощи текстовъ, цитатъ и поддѣлокъ, они разстроивали всѣ общественныя основанія среднихъ вѣковъ: власть Папъ, Феодальныхъ бароновъ и рыцарство. Они смѣло возстали противъ владычества Папъ, въ лицѣ Бонифатія VIII, и, истребленіемъ Тампльеровъ, положили конецъ крестовымъ походамъ.

Должно сознаться однако же, что эти жестокіе разрушители порядка среднихъ вѣковъ, были основателями гражданскаго устройства новѣйшихъ временъ. Они упрочили организацію монархіи; наполнили Францію судьями, сенешалями, старшинами, *аудиторами*, приказными, королевскими прокуро-

рами, монетчиками и лѣсничими. Всѣ эти толпы королевскихъ чиновниковъ должны были замедлять ходъ феодальныхъ судовъ, и наконецъ уничтожить ихъ. Центромъ этой обширной системы былъ совѣтъ Легистовъ, извѣстный подъ именемъ Парижскаго Парламента. (1302). Здѣсь-то начала сосредоточиваться и усиливаться власть королевская, предъ которою съ этого времени все должно преклоняться безусловно. Это новое гражданское устройство было особенно неблагопріятно правамъ духовенства. Въ случаѣ нужды, Легисты могли опираться на средній классъ, къ которому они принадлежали, не смотря на то, что преслѣдуя дворянъ, сами всячески домогались дворянства.

Ввести этотъ образъ правленія, безъ сомнѣнія, стоило большихъ издержекъ. Агенты этой администраціи, столь деспотической въ своемъ началѣ, получали весьма большое содержаніе. Они занимали многочисленныя должности по судебной и административной части. Но тутъ скоро появились наемныя войска. Филиппъ Валуа окружилъ себя многими тысячами Генуэзскихъ стрѣлковъ. Гдѣ же взять огромныя суммы, которыхъ все это требуетъ? Промышленность еще не сущесвуетъ; зло, погубившее древнее общество, уже развивается и въ нѣдрахъ новаго міра. Оно много потребляетъ и ничего не производитъ. Новый порядокъ долженъ былъ наконецъ оживить промышленность и увеличить народное богатство. Но этотъ порядокъ такъ много стоилъ, что долго сомнѣвались, не увеличиваетъ ли онъ бѣдствій народа, вмѣсто исцѣленія ранъ общественныхъ.

Одно обстоятельство еще болѣе усиливало эти бѣдствія. Помѣщикъ среднихъ вѣковъ платилъ сво-

имъ служителямъ землями и произведеніями земли. Большіе и малые изъ нихъ кормились его столомъ. Обѣдъ замѣнялъ жалованье. Обширная машина королевскаго правленія, заступившая мѣсто раздробительныхъ формъ феодальной, посредствомъ однихъ денегъ могла быть приведена въ дѣйствіе. Безъ этого существеннаго элемента общественной жизни, королевская власть должна была погибнуть; монархія распалась бы, и разобщенныя части ея опять погрузились бы въ прежнее феодальное варварство.

Вотъ тайна необычайной хищности правительства тринадцатаго и пятнадцатаго столѣтій. Строгій Филиппъ Прекрасный, какъ и пышный Филиппъ Валуа, бережливый Людовикъ XI и расточительный Іоаннъ, всѣ алчутъ денегъ. Для этаго же употребляютъ всѣ возможныя, постыдныя средства; грабятъ, дѣлаютъ фальшивую монету, конфискуютъ, умерщвляютъ. Прибавьте къ этому, что Италіанскіе художники своими изящными произведеніями распространяютъ роскошь, что государи желаютъ имѣть бриліанты, драгоцѣнныя камни, рѣдкія рукописи. Архитектура гражданская развивается вмѣстѣ съ церковною. Эти прекрасные дворцы четырнадцатаго столѣтія, изящности которыхъ и теперь удивляются, сооружены потомъ и кровію народа. Такимъ образомъ науки и искусства, которымъ суждено было имѣть впослѣдствіи благодѣтельное вліяніе на судьбу бѣдныхъ въ обществѣ, тогда усугубляли ихъ бѣдствія.

Все сказанное выше можетъ служить къ объясненію исторіи царствованія Филиппа Пресраснаго, его дѣтей и дома Валуа. Возрастающія нужны, необычайная жадность, — вотъ всѣ пружины ихъ правленія. Конфискація въ ихъ рукахъ содѣлы-

вается главнымъ орудіемъ дѣйствій административныхъ. Сначала Филиппъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Едуарда I, занятаго дѣлами Шотландіи, покупаетъ у него Кіерси (1296); потомъ отказывается отъ условленнаго платежа, ссорится съ нимъ, и, подъ предлогомъ мщенія, за оскорбленіе Норманскихъ жителей Англійскими матросами, конфискуетъ Гвіенну (1293). Онъ въ одно время обираетъ иностранныхъ купцовъ, Ломбардовъ и своихъ подданныхъ Евреевъ; тѣхъ и другихъ, лишивъ имущества, онъ высылаетъ изъ государства. Между тѣмъ опасаясь, чтобы графъ Фландрскій не выдалъ своей дочери за сына короля Англійскаго, онъ приглашаетъ молодую Графиню въ Парижъ, и, вопреки правилъ рыцарской чести, запираетъ ее въ Луврскую башню. Самъ графъ, тѣснимый Французскою арміею, приходитъ въ Парижъ для заключенія міра, но находитъ тамъ тюрьму. Филиппъ, съ сильнымъ войскомъ, занимаетъ богатую Фландрію, и королева досадуетъ на Брюжскихъ купчихъ, которыя, своими уборами, перещеголяли ее. »Здѣсь, говоритъ она съ досадою, я вижу однихъ королевъ.«

Эти слова обличали ненависть знатныхъ противъ промышленныхъ классовъ; зависть дворянъ и воиновъ противъ купцовъ; зависть, породившая въ древнія времена крововыя войны, слѣдствіемъ которыхъ было истребленіе самыхъ промышленныхъ и трудолюбивыхъ народовъ, эта самая зависть, а не фантанизмъ, въ тринадцатомъ столѣтіи, погубила общины Юга; теперь настала очередь общинъ сѣверной Франціи; но онѣ умѣли отстоять свою свободу: Англія успѣшнѣе поддерживала ихъ усилія, чѣмъ Арагонія жителей Лангедока.

Притѣсненія Французскаго правительства заставили Фламандцевъ возмутиться противъ власти королевской: они избираютъ своимъ предводителемъ Петра Конига, консула Брюжскихъ ткачей. Все рыцарство Франціи идетъ наказать этихъ мужиковъ, и при Куртре претерпѣваетъ сильное пораженіе. Принцы крови, Конетабль, множество дворянъ, затиаты къ одному каналу, гдѣ Фламандцы, безъ всякаго сопротивленія, убиваютъ ихъ. Собравъ на полѣ битвы четыре тысячи паръ золотыхъ шпоръ, они украсили ими свои церкви (1309). Униженный Филиппъ помирился съ Эдуардомъ, который самъ былъ побѣжденъ Шотландцами, и возвратилъ ему Віенну. Этотъ постыдный миръ укрѣпленъ былъ несчастымъ бракомъ Изабеллы Французской съ молодымъ Эдуардомъ. Дочь Филиппа Прекраснаго принесла въ приданое смерть и разореніе.

Между тѣмъ, война Фландрская принудила короля прибѣгнуть къ самымъ притѣснительнымъ мѣрамъ. Кого грабить? Евреи и Ломбарды выгнаны; но есть мѣщане и мелкіе дворяне; Филиппъ отнялъ у нихъ серебряную посуду; началъ измѣнять внутреннее достоинство монеты; запретилъ вельможамъ чеканить серебряную монету. Недовольствуясь этимъ безчестнымъ доходомъ, онъ первый обложилъ своихъ подданныхъ формальною податью, извѣстною подъ именемъ *mal-tote* (лихоимственной).

Одно только духовенство имѣло большія помѣстья. Филиппъ Прекрасный осмѣлился и на нихъ поднять руку: онъ началъ собирать съ нихъ десятины. Между тѣмъ, Бонифатій VIII, безъ соизволенія короля, учредилъ епископство въ Паміерѣ (Pamiers); Филиппъ запретилъ вывозъ денегъ изъ

королевства. Бонифатій отправилъ къ нему Легата; онъ его посадилъ въ тюрьму; Папа обнародовалъ противъ него буллу; она была сожжена. Филиппъ, опираясь на Парижскій университетъ, предаетъ Папу суду. Онъ созываетъ общее собраніе, въ которомъ, вмѣстѣ съ баронами и епископами, засѣдаютъ депутаты городовъ (первое собраніе государственныхъ чиновъ, 1302). Вильгельмъ Ногаретъ, прокуроръ короля Французскаго, вноситъ туда формальное обвиненіе на духовнаго главу христіанскаго міра, и беретъ на себя исполненіе состоявшагося противъ него приговора. Смѣлый прокуроръ отправляется въ Ананьи для арестованія Папы. Говорятъ, что одинъ изъ личныхъ непріятелей Бонифатія VIII, Сціара Колонна, сопровождавшій Ногарета, ударилъ старца своею желѣзною перчаткою. Освобожденный жителями Ананьи Бонифатій, съ досады и отчаянія, скоро умеръ (1303).

»Я вижу его, восклицаетъ Дантъ; онъ въѣзжаетъ въ украшенную лиліями Ананьи. Въ лицѣ намѣстника Іисуса Христа, я вижу плѣнникомъ самаго Спасителя; вижу его въ другой разъ посмѣяннымъ, напоеннымъ желчью и оцтомъ; его опять распинаютъ между разбойниками?« Все Христіанство ужаснулось; казалось, что государь, совершившій этотъ дерзкій поступокъ, вооружается противъ самаго Бога и цѣлаго міра. Филиппъ покупаетъ флотъ у Генуезцевъ, и истребляетъ Фламандскій. Онъ выступаетъ противъ нихъ самъ и выигрываетъ сраженіе при Монъ-анъ-Пюеллѣ (Mons-en-Puelle) (1304). Замѣтивъ, что они на другой день опять возвращаются къ бою, онъ вступаетъ съ ними въ переговоры, и въ залогъ прочности мира, получаетъ отъ нихъ Французскую Фландрію.

Но скоро онъ получилъ въ свои руки другой, гораздо важнѣйшій, залогъ, — самаго Папу. Первосвященники, по ненависти къ императорамъ, возводили многихъ Французскихъ подданныхъ въ Кардинальское достоинство; это самое обстоятельство было причиною важнаго переворота. Въ 1305 г. Филиппъ отправляется въ Сентонжскій лѣсъ, для тайнаго свиданія съ Архіепископомъ Бордосскимъ, Бертрандомъ Готомъ. Король обѣщаетъ сдѣлать его Папою, если онъ согласится исполнить его волю — перенести папскій престолъ въ Авиньонъ, и осудить папскую власть въ лицѣ Бонифатія VIII; послѣднее условіе король скрылъ, требуя, чтобы Бертрандъ обѣщалъ согласиться, не зная въ чемъ оно состоитъ. Это условіе было уничтоженіе ордена Тампльеровъ и гибель пятнадцати тысячь рыцарей христіанскихъ. Бертрандъ поклялся все исполнить и получилъ папское достоинство.

Съ этого-то времени начался періодъ, названный Италіанцами *плѣненіемъ Вавилонскимъ*. Первосвященникъ поселился въ маленькомъ городѣ Авиньонѣ. Его красивыя укрѣпленія, съ небольшими башнями, не могли его защищать, ни отъ деспотизма короля, ни отъ хищничества наемныхъ шаекъ, которыя, подъ предводительствомъ какого нибудь Дюгесклена, или другаго начальника, иногда обирали его. Это униженіе произвело другое важнѣйшее зло: Римъ захотѣлъ также имѣть своего Папу; и съ этой минуты начался на Западѣ великій расколъ.

Въ 1307 г. Филиппъ потребовалъ отъ Папы исполненія послѣдняго условія. Знаменитый орденъ Тампльеровъ, котораго основателемъ былъ Св. Бернардъ, и который давно уже одинъ велъ священ-

ную войну, былъ уничтоженъ однимъ ударомъ. Правда, что съ тѣхъ поръ, какъ крестоносцы потеряли послѣднія свои заморскія завоеванія (1291), Тампльеры были страшны для одн ихъ христіанъ. Эти жестокіе люди, привыкшіе къ кровожадному образу войны Сирійскихъ разбойниковъ, если вѣрить нѣкоторымъ писателямъ, приняли также ихъ нравы и вѣрованія. Все впрочемъ заставляетъ предполагать, что взведенныя на нихъ обвиненія, относились только къ нѣкоторымъ изъ нихъ, а не ко всѣмъ. Можетъ быть судьи ихъ слишкомъ поспѣшно приняли за истину внѣшніе признаки, обличавшіе Тампльеровъ въ сходствѣ съ самыми ненавистными сектами Мусульманскими. Судъ производился съ необычайною жестокостію. Судьи церковные извлекали признаніе пытками, а тѣхъ, которые осмѣливались послѣ отрекаться отъ своихъ словъ, сожигали, какъ отступниковъ. Гросмейстеръ Іаковъ Молей (Iacques Molay), сожженный въ Парижѣ съ шестьюдесятью и болѣе рыцарями, до послѣдней минуты защищалъ невинность свою, и торжественно объявилъ королю и Папѣ, что не позже года, они, за эту несправедливость, предстанутъ предъ судъ Божій. Его предсказаніе исполнилось (1314).

Царствованіе трехъ сыновей Филиппа Прекраснаго было кратковременно (1314—1328). При первомъ изъ нихъ Людовикѣ Вѣтреномъ (l'Etourdi, le Hutin) дворянство возвратило большую часть своихъ привилегій, отнятыхъ у него Филиппомъ. Великое зданіе, воздвигнутое политикою и хитростію, готово было разрушиться въ рукахъ этого молодаго человѣка. Еще въ послѣдніе годы царствованія его отца начались первыя домогательства бароновъ. Правительство принуждено было отказаться отъ Римска-

го судопроизводства, введеннаго послѣдними королями, и дозволить судебные поединки. Первыя притязанія объявлены были Шампаніею и Вермандуа. Дворянство, представляя предлогомъ права своихъ провинцій, вездѣ возставало противъ новаго порядка вещей. Составились конфедераціи, и каждая получила хартію (Бургундія, Оксерръ и Тонерръ, Бовуази, Понтьё, Шампань, Артуа, Форезъ, Нормандія). Бароны желали возвратиться къ добрымъ обычамъ временъ Св. Людовика, т. е. къ той эпохѣ, когда они пользовались нѣкоторою независимостію. Людовикъ Вѣтреный уступилъ сѣвернымъ баронамъ права, прежде принадлежавшія королямъ, и увеличилъ привиллегіи южныхъ. Вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать замысламъ дворянъ, онъ принялъ ихъ сторону противъ совѣтниковъ своего отца. Ангеррандъ де Мариньи, имѣвшій при Филиппѣ Прекрасномъ почти власть *дворцоваго Мера*, и канцлеръ Рауль де Прель (de Presles), преданы были суду и приговорены къ смерти. Мариньи былъ повѣшенъ въ Монфоконѣ; имѣніе обоихъ было конфисковано; но конфискація не долго могла служить источникомъ доходовъ. Король продаетъ Евреямъ позволеніе возвратиться во Францію, а крѣпостнымъ своихъ владѣній свободу. Онъ насильно заставляетъ ихъ выкупаться, объявляя, что *въ Королевствѣ Франковъ* (вольныхъ) *не можетъ быть рабовъ*. Эта надутая игра словъ, которою король—торгашъ старался дать большую цѣну своему товару, не произвела никакого дѣйствія на бѣдныхъ крестьянъ: въ насильственномъ пріобрѣтеніи мечтательной свободы, они видѣли только новое притѣсненіе.

Подъ конецъ своего царствованія Людовикъ

опять возвратился къ легистамъ, друзьямъ своего отца; два преемника его послѣдовали его примѣру. Вельможи въ свою очередь подверглись гоненіямъ. Обѣ партіи другъ друга обвиняли въ колдовствѣ и отравленіи. Это одна изъ самыхъ мрачныхъ и кровавыхъ эпохъ, эпоха ужасныхъ процессовъ и отвратительныхъ казней. Варварство среднихъ вѣковъ проявляется даже въ первыхъ попыткахъ — основать порядокъ административный и судебный. Между тѣмъ, какъ Парламентъ получаетъ окончательное устройство, образуются камера счетовъ (la chambre des comptes) и администрація рѣкъ и лѣсовъ; Евреи и одержимые проказою подвергаются страшнымъ гоненіямъ; Французскія королевы умираютъ насильственною смертію. Напротивъ въ Англіи королева низлагаетъ и умерщвляетъ своего супруга. Дочь Филиппа Прекраснаго, королева Изабо презирала изнѣженнаго Эдуарда II, управляемаго любимцами. Вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ Мортимеромъ, она переправляется на твердую землю, набираетъ во Франціи и Фландріи войска, и, при помощи своего брата, Карла Красиваго, низвергаетъ съ престола и умерщвляетъ Эдуарда. Чтобы не оставить на его тѣлѣ никакихъ признаковъ насильственной смерти, она раскаленнымъ желѣзомъ выжгла его внутренность (1327). За это преступленіе она получила впослѣдствіи достойное наказаніе. Сынъ его Эдуардъ III заперъ ее на всю жизнь въ одну изъ крѣпостей.

Казалось, что скорая смерть трехъ сыновей Филиппа Прекраснаго, приближала къ Французскому престолу внука его Эдуарда III. Но еще по кончинѣ старшаго изъ нихъ, Людовика Вѣтренаго, оставившаго одну только дочь, легисты, при-

нужденнымъ толкованіемъ салическаго закона, постановили, что только мущины могутъ царствовать во Франціи. Филиппъ Длинный, на этомъ основаніи, устранилъ отъ престола дочь своего брата Людовика Вѣтренаго (1316), а Карлъ Красивый дочь Филиппа Длиннаго (1322). По смерти Карла, (1328) двоюродный братъ его Филиппъ Валуа, слѣдуя ихъ примѣру не допустилъ до престола дочерей своихъ предшественниковъ и дочь Филиппа Красиваго Изабо и ея сына Эдуарда III. Изабо, управлявшая въ то время Англіею, отъ имени своего сына, озабоченная мятежами, волновавшими государство, не думала объявлять притязаній на Французскую корону; а Эдуардъ, освободившись изъ подъ опеки матери, долженъ былъ обратить все свое вниманіе на Шотландію.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Домъ Валуа. Первый періодъ войны съ Англіею. (1328—1380).

Устраненіемъ женщинъ отъ верховной власти Франція объявила себя военною монархіею. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ Филиппа Валуа, наступаетъ эпоха преобладанія духа военнаго и феодальнаго (1328). Новый король, честолюбивый и воинственный, имѣетъ нужду въ дворянствѣ. Его естественные враги суть купцы Фламандскіе, которымъ дворянство Фран-

цузское, не смотря на побѣду свою при Монъ-анъ-Пюеллѣ, не можетъ простить пораженіе при Куртре. Всѣ бароны вооружаются противъ Фламандцевъ, дерзнувшихъ выгнать своего графа, Людовика Неверскаго. Граждане Ипра и Брюжа, не смотря на то, что оставлены жителями Гента, храбро сражаясь, доходятъ до Касселя. Спѣша возвратиться къ своимъ торговымъ занятіямъ, они рѣшились дать здѣсь сраженіе. Какъ при Монъ-анъ-Пюеллѣ они атаковали Французовъ во время самаго обѣда, которые однакожъ успѣли устроить ряды свои. Облекши свою пѣхоту въ тяжелое вооруженіе дворянства, сражавшагося на коняхъ, Фламандцы лишили ее возможности дѣйствовать съ успѣхомъ.

Въ это время, король Французскій былъ государемъ истинно великимъ. Онъ возвратилъ Фландрію подъ владычество Франціи. Король Англійскій, по областямъ, бывшимъ у него во Франціи, призналъ себя его вассаломъ; его двоюродныя братья царствовали въ Неаполѣ и Венгріи; онъ былъ покровителемъ Шотландіи. Его дворъ украшался присутствіемъ трехъ королей, Наварскаго, Маіоркскаго и Богемскаго. Послѣдній изъ нихъ, знаменитый Іоаннъ Богемскій, изъ дома Люксамбургскаго, котораго сынъ, подъ именемъ Карла IV, былъ впослѣдствіи императоромъ, находилъ Парижъ *самымъ пріятнымъ и рыцарскимъ городомъ*. Онъ ѣздилъ по всей Европѣ, но опять возвращался ко двору великаго короля Французскаго. Тамъ происходили вѣчные праздники, блистательные турниры; тамъ былъ дѣйствительный міръ рыцарскихъ романовъ, король Артуръ и круглый столъ.

Впрочемъ политика Филиппа Валуа вовсе не была рыцарская. Первымъ его дѣйствіемъ было освобожденіе вельможъ отъ обязанности платить долги. Онъ искалъ случая захватить Бретань, и, въ замѣнъ ея, уступить герцогу Орлеанъ; но Бретанцы не согласились на этотъ обмѣнъ. Филиппъ успѣлъ однакоже, племянника своего Карла Блуаскаго, женить на юной наслѣдницѣ Бретани. Онъ питалъ еще другіе замыслы; хотѣлъ лишить Эдуарда его Французскихъ владѣній, свергнуть его съ Англійскаго престола и возложить на себя корону императорскую. Поступки его съ императоромъ были особенно коварны. Ведя съ нимъ переговоры, онъ запрещалъ Папѣ разрѣшать его. Папа былъ его подданный, его рабъ; Филиппъ дѣйствовалъ на него страхомъ. Онъ грозилъ Іоанну XXII предать его, какъ еретика, суду Парижскаго университета. Венедиктъ XII со слезами признался посламъ императора, что если онъ помирится съ ихъ государемъ, то король Французскій подвергнетъ его тѣмъ самымъ оскорбленіямъ, какія испыталъ Бонифатій VIII. Этотъ же Папа съ трудомъ могъ отказать Филиппу въ одномъ новомъ требованіи, клонившемся къ усиленію его могущества и униженію Папской власти. Онъ хотѣлъ, чтобы Папа на три года предоставилъ въ его пользу доходы съ Французскаго духовенства, и на десять лѣтъ десятинные сборы во всѣхъ христіанскихъ земляхъ, назначавшіеся на поддержаніе священной войны. Достигнувъ своей цѣли, онъ сталъ бы всюду посылать своихъ агентовъ, и, можетъ быть, всю Европу запуталъ бы въ сѣти Французской администраціи.

Городъ Гентъ первый возсталъ противъ грознаго могущества Филиппа. Его граждане, раскаявшись, что стказали въ помощи жителямъ Ипра и Брюжа, во время Кассельской битвы, возстали и избрали предводителемъ своимъ одного Пивовара, по имени Жакемара Артевельда. Поддерживаемый ремесленниками, Артевельдъ основалъ въ Фландріи деспотическое правленіе. Естественнымъ союзникомъ его былъ Эдуардъ III; но Фламанцы не рѣшались соединиться съ врагомъ королевства и объявить войну своему государю. Они даже обязались заплатить Папѣ два милліона флориновъ, если нападутъ на короля Французскаго. Артевельдъ, чтобы вывести ихъ изъ этого затруднительнаго положенія, склонилъ Эдуарда объявить себя королемъ Франціи (1336).

Выгоды короля Англійскаго требовали скорой развязки войны; напротивъ король Французскій старался продлить ее. Будучи богаче и могущественнѣе своего противника онъ хотѣлъ ослабить, изнурить его. Предводительствуя сильною арміею, въ которой находилось четыре короля, шесть герцоговъ, тридцать шесть графовъ, четыре тысячи рыцарей, онъ, въ продолженіе шести лѣтъ, не только уклонялся отъ сраженія съ Эдуардомъ, но даже избѣгалъ боя и съ начальниками малѣйшихъ его отрядовъ. Эта постыдная война, разорившая области, и покрывшая стыдомъ Францію, ознаменовалась двумя только важными событіями, истребленіемъ Французскаго флота при Эклюзѣ и сопротивленіемъ города Турне, упорно защищавшагося противъ всѣхъ силъ Эдуарда.

Бретань была театромъ гораздо важнѣйшей борьбы между двумя соперниками. Подобно Шот-

ландіи, постоянно противоборствовавшей Эдуарду, Бретань была для Филиппа источникомъ непрестанныхъ войнъ. Онъ хотѣлъ возвести на тамошній престолъ своего племянника Карла Блуаскаго, соединившагося бракомъ съ дочерью послѣдняго герцога, Іоанною. Но Бретанцы желали имѣть своимъ государемъ дядю Іоанны, Іоанна Монфорта, происходившаго, по женской линіи, отъ тѣхъ Монфортовъ, которые истребили Албигойцевъ и ввели Англійскія общины въ Парламентъ. Эта война тѣмъ примѣчательна, что оба соперника, Іоаннъ и Карлъ, попались въ плѣнъ, а жены ихъ, Іоанна Монфортъ и Іоанна Блуа, начальствовали за нихъ надъ арміями. Французская партія была весьма ослаблена неумѣстною жестокостію Филиппа Валуа, который пригласивъ въ Парижъ главнѣйшихъ вельможъ Бретани, обвинилъ ихъ въ измѣнѣ, и умертвилъ.

Продолжительность войны и постоянно возраставшіе налоги въ 1346 г. возбудили всеобщій ропотъ. Государственные штаты заставили короля исправить нѣкоторыя злоупотребленія: неудачи на войнѣ дѣлали его гораздо снисходительнѣе. Въ этомъ самомъ году Эдуардъ, отправясь съ сильнымъ флотомъ въ Гвіенну, отброшенъ былъ бурею къ Нормандіи. Не находя тамъ никакого сопротивленія, онъ взялъ Каэнъ, Лувіерсъ, простеръ опустошенія свои до Иль-де-Франса, Сенъ-Клу и даже до Булонскаго лѣса, въ виду самаго Парижа.

Филиппу не возможно было долѣе откладывать сраженіе. Онъ скоро собралъ восемъ тысячь всадниковъ и шестдесятъ тысячь пѣхоты, въ числѣ которой было шесть тысячь Генуезскихъ стрѣлковъ; каждый день являлись къ нему новыя подкрѣпле-

нія. Эдуардъ съ трудомъ отступалъ внутри непріятельскаго края, перерѣзаннаго рѣками, на которыхъ мосты или были сняты, или находились подъ защитою сильныхъ отрядовъ. Французская армія слѣдовала за нимъ съ такою быстротою, что онъ, достигнувъ Креси, принужденъ былъ остановиться и принять сраженіе. Король Французскій, раздраженный этою дерзостію, лично ведетъ противъ него атаку, хотя и знаетъ, что луки его воиновъ, намоченные дождемъ, не могутъ дѣйствовать. Генуэзскіе стрѣлки, не надѣясь на свое оружіе, отказываются начать сраженіе; но король приказываетъ своей кавалеріи, по ихъ трупамъ, итти на непріятеля.

Напротивъ, **Король Англійскій** не полагался на свою конницу. У него была почти одна пѣхота: двѣнадцать тысячь Валійцевъ, шесть тысячь Ирландцевъ и десять тысячь Англійскихъ стрѣлковъ. Слѣдовательно эта тридцатидвухтысячная армія состояла изъ побѣжденныхъ Норманами народовъ. Битву при Креси не должно считать сраженіемъ Англіи съ Франціею, но сраженіемъ Англійскаго народа съ Французскимъ дворянствомъ. Народъ побѣдилъ. Французы оставили на полѣ битвы одиннадцать князей, восемдесятъ бароновъ, имѣвшихъ свои знамена, и тысячу двѣсти рыцарей. Въ слѣдующемъ году Эдуардъ взялъ Кале; Филиппъ спѣшилъ къ нему на помощь съ сильною арміею, но успѣлъ только быть свидѣтелемъ его сдачи (1347). Эдуардъ хотѣлъ наказать городъ за оказанное имъ сопротивленіе; но его спасло самоотверженіе Евстаѳія Сен-Пьерра, и граждане, которые вышли на встрѣчу побѣдителя, съ веревками на шеѣ, въ знакъ совершенной преданности своей его волѣ. Кале, вновь населенный Англичанами, въ продолженіе

трехъ вѣковъ, служилъ воротами для враговъ Франціи; онъ былъ точкою соприкосновенія Англіи съ твердою землею. Потери столь важнаго города не могло вознаградить пріобрѣтеніе Монпелье и Дофине. Страшная язва, свирѣпствовавшая въ 1348 г. остановила на время военныя дѣйствія. Фруассаръ упоминаетъ объ ней въ немногихъ словахъ: »въ то время, говоритъ онъ, свирѣпствовала болѣзнь, называемая эпидеміею, отъ которой вѣрно погибла третья часть жителей нашей планеты.«

Сынъ Филиппа Валуа, Іоаннъ Добрый (1350), подобно отцу своему искалъ для себя опоры въ одномъ дворянствѣ, и подобно ему былъ побѣжденъ. Чѣмъ болѣе проходилъ духъ рыцарства, тѣмъ болѣе дворянство привязывалось къ его внѣшнимъ обрядамъ. Іоаннъ взялъ себѣ въ образецъ самаго вѣтренаго, самаго расточительнаго государя своего времени, Богемскаго короля Іоанна, который, по крайней мѣрѣ, имѣлъ славу умереть за Францію въ битвѣ при Креси. Этотъ восьмидесятилѣтній, слѣпой старецъ, услышавъ, что сраженіе проиграно, приказалъ привязать лошадь свою къ лошадямъ двухъ рыцарей, и всѣ трое, бросившись въ средину Англичанъ, были убиты. Его-то безразсудному героизму слѣдовалъ Іоаннъ Добрый; онъ установилъ орденъ звѣзды, котораго кавалеры клялись никогда не отступать ни на четыре шага.

Новый король, руководствуясь внушеніями своего любимца, Карла Испанскаго, по однимъ подозрѣніямъ, приказалъ умертвить главнаго совѣтника своего отца, Коннетабля д'Е (d'Eu). Любимецъ получилъ это достоинство, и сверхъ того графство, отнятое у Наварскаго короля Карла Злаго, котораго Іоаннъ

лишилъ также Шампаніи. Раздраженный Карлъ, происходившій отъ одной изъ дочерей Людовика Безразсуднаго, поспѣшилъ пристать къ Эдуарду III, объявившему себя защитникомъ правъ женщинъ на Французскій престолъ. Онъ умертвилъ Карла Испанскаго и даже посягалъ на жизнь самаго Іоанна; но Іоаннъ успѣлъ задержать его, заключилъ въ тюрьму и наказалъ его соумышленниковъ.

Желая имѣть постоянную армію, Іоаннъ назначилъ всѣмъ дворянамъ жалованье; этою мѣрою онъ унизилъ гордыхъ бароновъ до степени наемныхъ воиновъ. Но издержки, которыхъ требовало ея исполненіе, были неимовѣрны; для нихъ было недостаточно обыкновенныхъ, прежде употреблявшихся способовъ добывать деньги: измѣненія цѣнности монеты, продажи монополій, гоненія на Ломбардцевъ. Нужно было прибѣгнуть къ государственнымъ чинамъ (1356). Изъ числа восьми сотъ человѣкъ, созванныхъ по этому случаю, четыреста принадлежали къ среднему состоянію; они установили налогъ на соль, и положили пошлину на всѣ прочіе товары. Но возникшія, въ различныхъ мѣстахъ, возмущенія заставили правительство замѣнить эти сборы поголовною податью. Она должна была поступать въ казначейство штатовъ, которымъ, въ слѣдующемъ году, назначено было опять собраться, для повѣрки ея употребленія. Посредствомъ этихъ доходовъ правительство надѣялось вооружить полтораста тысячь человѣкъ, для скорѣйшаго окончанія войны.

Она кончилась, но самымъ несчастнымъ образомъ. Черный принцъ, сынъ короля Англійскаго, также дерзко вторгнулся во Францію чрезъ Гвіену, какъ его отецъ въ 1346 г. и вышелъ изъ нея

съ такимъ же успѣхомъ. Достигши Пуатье съ восемью тысячами человѣкъ, онъ встрѣтился съ Іоанномъ, который предводительствовалъ пятидесятитысячною арміею. Онъ предлагаетъ Іоанну возвратить ему всѣ занятыя имъ области; но Іоаннъ хочетъ взять его въ плѣнъ, и самъ дѣлается его плѣнникомъ. На этотъ разъ поле битвы небыло, какъ при Куртре и Креси, покрыто трупами Французскаго дворянства; оно позволило взять себя въ плѣнъ, и выкупъ его разорилъ Францію (1356).

Послѣ этого униженія дворянства, власть перешла въ руки средняго сословія. Парижскій верховный судья, Стефанъ Марсель, укрѣпилъ городъ и вооружилъ народъ. Дофинъ Карлъ, назначенный регентомъ королевства, во время плѣна своего отца, собираетъ чины сѣверной Франціи (Langue d'oil). Эти чины совершенно захватываютъ въ свои руки администрацію. Они приказываютъ всѣмъ гражданамъ быть вооруженными; требуютъ, чтобы старшины и виконты избираемы были народомъ, и чтобы всѣ королевскіе сановники подчинялись совѣту, составленному изъ именитѣйшихъ гражданъ. Дофинъ старается отклонить эти требованія; но граждане осаждаютъ его дворецъ, и Марсель, въ его глазахъ умерщвляетъ его любимцевъ. Все дворянство оставляетъ собраніе; остается одно среднее сословіе. Марсель, какъ нѣкоторые утверждаютъ, уже готовился возложить корону на главу короля Наварскаго, и отворить ему ворота Парижа; но, въ минуту исполненія своего замысла, онъ былъ убитъ приверженцами Дофина (1358). Въ это самое время Артевельдъ погибъ въ Гентѣ (1345) а Ріенци въ Римѣ (1354).

Такимъ образомъ попытка средняго класса,

управлять Франціей, не имѣла успѣха. Во Фландріи города находились въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи; но во Франціи они были разсѣяны на большомъ пространствѣ и не имѣли одного общаго духа. Это было причиною, что Марсель, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ сблизить провинціальныя общины съ Парижемъ. Въ то время, привязанность къ родинѣ перевѣшивала любовъ къ отечеству; не для Франціи, а для города Кале, рѣшился жертвовать собою Евстафій Сен-Піерръ. Это видно изъ того, что онъ просилъ у Эдуарда позволенія возвратиться въ городъ, гдѣ онъ спокойно провелъ остатокъ своей жизни, подъ владычествомъ Англичанъ.

Въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ XIV столѣтія участвовали не всѣ сословія королевства. Города имѣли тамъ своихъ представителей, но сельскіе жители были лишены этого права. Въ то время, какъ въ Парижѣ происходилъ мятежъ, они также возстали; но эти два возмущенія не имѣли ничего общаго. Городскіе жители заботились столь же мало, какъ и дворяне, объ улучшеніи быта поселянъ, которыхъ дворянство называло: *простякъ —Яковъ* (Jacques bon-homme) *); эти простяки, возстали противъ нихъ, надѣлали ужаснѣйшихъ безпорядковъ, но наконецъ были усмирены. Дворянская конница вездѣ преслѣдовала несчастныхъ; самые горожане принуждены были покориться дворянству, вмѣстѣ съ поселянами. Города сдѣлали первую попытку къ своему освобожденію; даже поселяне, дотолѣ безмолвные, дали знать о себѣ, по крайней мѣрѣ, страшными воплями.

---

*) *Примѣч. Переводч.* Прозваніе Французскихъ поселянъ.

Имѣя въ своей власти короля и вельможъ Французскихъ, Англія уже считала себя обладательницею Франціи; но скоро увидѣла свое заблюжденіе. Англичане были слишкомъ малочисленны для того, чтобы покорить обширное государство. Убѣдившись въ своемъ безсиліи, они рѣшились раздробить его; сначала они требовали уступить имъ половину, потомъ третью часть королевства (Кале и всю Аквитанію); и, кромѣ того, за выкупъ короля, три милліона золотыхъ ефимковъ. Регентъ, скоро потомъ взошедшій на престолъ, согласился на всѣ требованія, далъ клятву, и все заплатилъ (1360, Трактатъ Бретиньскій; 1364, Воцареніе Карла V). Этотъ молодой человѣкъ былъ отъ природы слабаго здоровья, не имѣлъ воинственнаго духа; но былъ весьма ученъ. Онъ основалъ королевскую библіотеку, и первый убѣжалъ съ поля битвы при Пуатье. Въ Германіи, Іоанну Богемскому, отличавшемуся рыцарскими доблестями, наслѣдовалъ миролюбивый и искусный въ политикѣ Карлъ IV. Нашъ Карлъ V водворилъ во Франціи спокойствіе, въ которомъ она весьма нуждалась, послѣ описанныхъ выше переворотовъ. Онъ замѣнилъ государственные чины собраніями нотаблей, а правленіе общинъ, королевскою администраціею. Полагаясь мало на дворянъ и на феодальныя войска, онъ предпочиталъ имъ наемныхъ воиновъ, которые были и храбрѣе ихъ и искуснѣе. Отечествомъ самыхъ лучшихъ изъ этихъ дружинъ, и славнаго ихъ вождя Дюгесклена, была Бретань. Такъ какъ смерть Карла Блуаскаго, убитаго въ сраженіи при Openѣ, и торжество Монфорта (1365) прекратили войну за престолъ Бретанскій: то Бретанцы охотно поступали на службу къ другимъ державамъ.

Между тѣмъ Карлъ V искалъ удобнаго случая къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Наконецъ въ 1368 г., когда Англичане, ослабленные самыми успѣхами своими, безпечно предавались удовольствіямъ въ Южной Франціи, когда старый Эдуардъ дремалъ среди чувственныхъ наслажденій, когда одинъ изъ его сыновей, Ліонель, умеръ въ Италіи отъ неумѣренности въ пищѣ, а другой, принцъ Черный, томился, по словамъ нѣкоторыхъ, въ Бордо, отъ тѣхъ же излишествъ, король Французскій въ насмѣшку послалъ одного поваренка объявить имъ войну. Принцъ Черный занятъ былъ тогда утвержденіемъ на Кастильскомъ престолѣ Дона Педро, жестокаго убійцы своихъ родственниковъ, и покровителя Евреевъ и Мавровъ. Дюгескленъ, чтобы, съ одной стороны, избавить Францію отъ своевольства наемныхъ войскъ, разорявшихъ ее, съ другой, противодѣйствовать замысламъ Англичанъ, поспѣшилъ съ своими дружинами въ Кастилію, возвелъ на престолъ Дона Педро, побочнаго брата его Генриха Транстамарскаго (1370) и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ Франціи новаго и самаго вѣрнаго союзника противъ общаго непріятеля. Въ рукахъ Англичанъ, поражаемыхъ вездѣ королевскими войсками, оставались тогда только Бордо, Баіона и Кале. Два раза они съ сильнымъ войскомъ проходили отъ Кале чрезъ Бургундію до самой Гвіены. Карлъ строго запрещалъ своимъ генераламъ вступать съ ними въ сраженіе. Англичане вездѣ находили города, хорошо укрѣпленные и съ сильными гарнизонами; но нигдѣ не встрѣчали, ни людей, ни припасовъ, и умирали съ голоду въ своемъ тріумфальномъ шествіи. Такимъ образомъ, приходили они въ Бордо безъ лошадей, безъ платья, блѣдные и изнемо-

женные. Правда, всѣ деревни, чрезъ которыя они слѣдовали, предаваемы были пламени. Пожарный дымъ доходилъ до самаго дворца, гдѣ король запертъ былъ съ своими книгами, монахами и легистами. Когда ему показывали пламя пожара, онъ спокойно говорилъ: »пусть ихъ жгутъ; не смотря на весь этотъ дымъ, они не успѣютъ лишить меня наслѣдства.«

Это хладнокровно — жестокое правительство наконецъ вооружило противъ себя народъ. Послѣдніе годы царствованія Карла V (1379—1380) ознаменованы были тремя большими возмущеніями въ Лангедокѣ, Фландріи и Бретани. Король отнялъ эту провинцію у Іоанна Монфорта, и установилъ въ ней соляную пошлину (la gabelle). Его констабль всѣ дома обложилъ податью, возстановилъ крѣпостное состояніе, и запретилъ помѣщикамъ отпускать на волю своихъ подданныхъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Второй періодъ войны съ Англичанами. Орлеанская дѣва. (1380—1453).

Мнимое возстановленіе Франціи Карломъ V не могло уничтожить ни одного изъ золъ, подъ тяжестію коихъ она томилась. Правда, Англія устремила теперь всю свою дѣятельность на Испанію; но за всѣмъ тѣмъ война была неминуема. Способы государства по прежнему не соотвѣтствовали обще-

ственнымъ потребностямъ. Правительство не столь часто уже измѣняло цѣнность монеты; потому что эта мѣра не приносила большихъ выгодъ; но за то налагало самыя отяготительныя подати, отнимавшія у народа насущный хлѣбъ; одинъ день голода доставлялъ издержки на празднества слѣдующаго дня. Вотъ причина кровавыхъ возмущеній и ужасныхъ убійствъ, совершенныхъ бѣднымъ классомъ.

Между тѣмъ, не смотря на эту ужасную драму, Франція мало по малу начинала сознавать свои силы. Война, производившаяся на обширномъ пространствѣ, смѣшивала между собою жителей всѣхъ областей. Нація не составляла еще одной сплошной массы, но уже раздѣлялась только на двѣ огромныя половины, отдѣляемыя Лоарою. Духъ непріязни, который питала всегда сѣверная Франція къ южной, и который такъ обнаружился въ тринадцатомъ столѣтіи, во время религіозной войны противъ Албигойцевъ, теперь проявляется въ политической борьбѣ Арманьяковъ съ герцогами Бургундскими.

Въ эпоху этого новаго переворота, народъ не дѣлаетъ болѣе безполезныхъ покушеній для обращенія общинъ въ республики; не было штатовъ, называвшихъ себя генеральными. Народный духъ начиналъ преобладать надъ привязанностію къ мѣстности; ненависть къ иностранному игу пробудила національное чувство. Жизнь общественная перестала быть исключительнымъ удѣломъ городовъ. Поселяне поняли, что они Французы, и освободили Францію. То, чего не могли сдѣлать ни дворяне, ни городскіе жители, ни наемныя войска, съ успѣхомъ исполнили крестьяне. Жители селъ (Jacquerie), являвшіеся во время прежнихъ мятежей кровожадными животными, теперь сдѣлались

людьми, преобразовались; духъ простаго народа олицетворился въ дѣвѣ Орлеанской. Однажды сказала она слѣдующія, проникнутыя глубокимъ чувствомъ, слова, бывшія, можетъ быть, первымъ выраженіемъ народнаго чувства: »мое сердце обливается кровію, когда я вижу кровь Француза.«

Англія первая открыла Франціи тайну силъ ея; за то тяжки были испытанія, которыми она должна была купить эту благодѣтельную тайну. Какъ въ рукахъ демона искусителя, она проходила страшные круги Дантова ада, называемаго исторіей четырнадцатаго столѣтія; но искушеніе не кончилось еще и въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Ей нужно было погрузиться до дна, и потомъ уже всплыть. Когда несправедливость достигла крайней степени, когда Англичанинъ сдѣлался королемъ Французскимъ; тогда Франція почувствовала себя Франціей; призвала Бога въ свидѣтели, что она незаслужила погибели. Не король, не дворянство и не города вступились за правое дѣло: они были къ этому неспособны; гласъ свободы и спасенія отечества раздался въ народѣ, и притомъ въ самомъ низшемъ классѣ народа, и органомъ его была женщина—дѣва.

По смерти Карла V Франція находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Именемъ малолѣтнаго наслѣдника начали управлять королевствомъ братья умершаго короля: герцоги Анжуській, Беррійскій и Бургундскій. Бургундскій былъ почти независимъ; Анжускій домогался независимости, и, для завоеванія Италіи, грабилъ Францію. Между тѣмъ, какъ Карлъ V лежалъ на одрѣ смерти, герцогъ Анжускій обкрадывалъ его казну. Начало царствованія Карла VI (1380) ознаменовано

было новыми налогами; никто не рѣшался объявить объ этомъ приведенному въ отчаяніе народу. Наконецъ явился на площади всадникъ; звукъ трубы собралъ къ нему толпы любопытныхъ. Онъ произнесъ роковое слово, и принужденъ былъ во весь опоръ скакать назадъ, среди града полетѣвшихъ на него камней и проклятій народныхъ.

Между тѣмъ жители Парижа возмущаются и грабятъ арсеналъ. Правительство принуждено уступить бунтовщикамъ, въ ожиданіи удобнаго случая для ихъ наказанія. Въ это самое время вспыхнулъ опасный мятежъ во Фландріи. Подозрѣвали, что бунтовщики Гента имѣли тайныя сношенія съ Парижемъ. Реймсъ, Шалонъ, Орлеанъ, Блуа и Бове, ожидали только успѣха Фламандцевъ, чтобы перерѣзать дворянство. Литтихъ и Голландія пристали къ Генту. Фландрія Французская оставалась спокойною: потому что Брюжъ завидовалъ могуществу Гента; Ипръ, въ минуту опасности, измѣнилъ ему. За всѣмъ тѣмъ граждане Гента выставили въ поле тридцать тысячь войска. Оно вооружено было алебардами, пиками; носило желѣзныя каски и перчатки изъ китовой кожи. Имъ предводительствовалъ Филиппъ Артевельдъ, болѣе своего отца любимый народомъ за свою аккуратность въ счетахъ, и за то, что допустилъ въ Правительственный Совѣтъ людей низшихъ классовъ. Сограждане принудили его дать сраженіе при Розебекѣ (1382). Тяжелый отрядъ Фламанской пѣхоты отброшенъ былъ Французскою конницею на остальное ихъ войско. Множество Фламандцевъ было при этомъ задавлено, и почти ни одинъ изъ нихъ не могъ дѣйствовать своимъ тяжелымъ оружіемъ. При Розебекѣ, вмѣстѣ съ Гентомъ, былъ побѣжденъ и

Парижъ. По возвращеніи въ столицу, дяди королевскіе лишили ее всѣхъ ея привиллегій, уничтожили цѣпи, которыми запирались улицы, объявили все имущество гражданъ конфискованнымъ и заставили ихъ смириться.

Не смотря на всѣ эти безпорядки, Франція представлялась первымъ государствомъ въ Европѣ. Въ ней одной замѣтно было нѣкоторое единство. Церковь съ 1377 г. волновалъ великій расколъ; Германія находилась подъ управленіемъ императора, преданнаго пьянству (Венцеслава); Неаполитанское королевство переходило отъ одного претендента къ другому; Англія, при Ричардѣ II, (1377) истощала себя безразсудною войною въ Испаніи. Подобно своему дѣду Эдуарду II, онъ женился на Французской принцессѣ (1395), и, подобно ему, погибъ (1400). Двоюродный братъ его, Генрихъ Ланкастерскій, изгнанный имъ изъ Англіи, лишилъ его престола и жизни.

За этимъ переворотомъ, рано или поздно, должна была опять послѣдовать война; а между тѣмъ король съ нѣкотораго времени впалъ въ безуміе.

Этотъ юный государь, при всей своей необычайной расточительности и страсти къ удовольствіямъ, отличался кротостію характера и человѣколюбіемъ. Онъ устранилъ дядей своихъ отъ правленія королевствомъ, и, по совѣту брата своего, герцога Орлеанскаго, вызвалъ изъ ссылки министровъ Карла V, Бюро де ла Ривіера, Іоанна де Новіанта, Клиссона и проч. Дяди его, и вообще вельможи, презирали ихъ за низкое происхожденіе, и ненавидѣли за вліяніе, которое они имѣли на дѣла королевства. Герцогъ Бретанскій посягнулъ на жизнь Коннетабля, и потомъ отказался выдать

подосланнаго имъ убійцу. Раздраженный король выступилъ противъ него; но испуганный въ Манскомъ лѣсу какимъ-то видѣніемъ, онъ впалъ въ безуміе. Съ этой поры верховная власть поочередно переходила къ тому, въ чьи руки случай передавалъ короля. Всякой, кто успѣвалъ овладѣть имъ, смѣло управлялъ царственною рукою, которой подпись, уже въ продолженіе цѣлаго вѣка, была столь страшнымъ оружіемъ. Приходя въ себя, король оплакивалъ свое унизительное положеніе и свои невольныя приказанія; но эти свѣтлые промежутки въ его несчастной жизни были непродолжительны; онъ скоро опять впадалъ въ состояніе безумія и опять дѣлался орудіемъ чужой воли.

Въ это время соперничествовали между собою герцогъ Бургундскій и братъ короля, герцогъ Орлеанскій. Первый изъ нихъ считался богатѣйшимъ изъ всѣхъ христіанскихъ государей; онъ владѣлъ Фландріей. Впослѣдствіи времени онъ присоединилъ къ ней Брабантъ, а сынъ его, Іоаннъ Безстрашный, женился на наслѣдницѣ Ганау и Голландіи. Іоаннъ къ могуществу присовокупилъ и славу. Хотя предпринятый имъ, послѣдній крестовый походъ, не имѣлъ успѣха, однако онъ сдѣлалъ имя его знаменитымъ. Турки, подъ предводительствомъ Баязета *Молніеноснаго*, внесли свое оружіе въ Европу. Говорятъ, что Султанъ клялся кормить свою лошадь въ Римѣ, на самомъ жертвенникѣ Св. Петра. Императоръ и король Венгріи, Сигизмундъ, просилъ у христіанъ помощи. Дворяне Французскіе выступили въ походъ, подъ предводительствомъ Іоанна Безстрашнаго; но въ сраженіи при Никополѣ, всѣ они были побиты или взяты въ плѣнъ (1396); выкупъ плѣнныхъ стоилъ

большихъ суммъ. Это пораженіе дѣлало честь побѣжденнымъ, которыхъ можно было упрекнуть только въ излишней храбрости и самонадѣянности. Вскорѣ послѣ этого Іоаннъ Безстрашный наслѣдовалъ своему отцу.

Соперникъ его, Людовикъ Орлеанскій, отличался красивою наружностію, былъ любимъ женщинами, покровительствовалъ ученымъ и наукамъ, и все это на счетъ государственной казны. Корысть заставила его жениться на дочери богатаго герцога Миланскаго, Валентинѣ Висконти; эта милая, добродѣтельная женщина, любезностью своего нрава укрощала бѣшенство Карла VI, и покаряла его волѣ герцога Орлеанскаго. Народъ обвинялъ бѣдную Италіанку въ волшебствѣ; а мужъ измѣнялъ ей. Кроткая и терпѣливая, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, воспитывала и побочнаго сына его, Дюнуа. Людовикъ Орлеанскій, преданный однимъ удовольствіямъ и праздникамъ, имѣлъ одну только заботу— какъ доставать деньги. Однажды онъ установилъ новый налогъ; потомъ ночью, напалъ, съ вооруженными людьми, на казначейство, и похитилъ поступившія въ него суммы. Онъ завелъ связи съ дѣлателями фальшивой монеты, и дѣлилъ съ ними ихъ прибытки.

Іоаннъ Безстрашный имѣлъ болѣе честолюбія; онъ видѣлъ себя гораздо сильнѣе своего отца. Одинъ изъ его братьевъ былъ герцогомъ Лимбургскимъ и Брабантскимъ, другой графомъ Неверскимъ; изъ трехъ сестеръ его, первая была въ замужствѣ за графомъ Ганавскимъ, вторая за Фридерикомъ Австрійскимъ, третья за герцогомъ Савойскимъ. Это могущество внушило ему смѣлую въ то время, великую мысль, возвратить Франціи Кале. Это самое

предпріятіе обезсмертило Гюпза. Герцогъ Орлеанскій удержалъ суммы, опредѣленныя на издержки похода, и походъ не имѣлъ успѣха (1406). Покрытый стыдомъ и пылая яростію, Іоаннъ возвратился въ Парижъ. Тамъ нашелъ онъ своего соперника, хваставшаго благосклонностію герцогини Бургундской. Въ ту же минуту Іоаннъ рѣшился погубить его. Однажды вечеромъ, когда онъ, въ веселомъ расположеніи духа, возвращался отъ ужина королевы, нѣсколько вооруженныхъ людей напали на него и изрубили въ куски (1407).

Іоаннъ сначала оставилъ Парижъ, но потомъ возвратился съ сильнымъ войскомъ; онъ не только не скрывалъ своего преступленія, но еще домогался благодарности народа, и, въ присутствіи всего двора, Сорбонскій докторъ Іоаннъ Пети, читалъ, по его приказанію, длинную, высокопарную апологію совершеннаго убійства; но народъ смотрѣлъ на него съ ужасомъ, и простилъ вину его только послѣ знаменитой побѣды, одержанной имъ надъ гражданами Ліежа, потерявшими двадцать пять тысячъ человѣкъ въ битвѣ. Это сраженіе считается самымъ кровопролитнымъ въ пятнадцатомъ столѣтіи (1408).

Не смотря на побѣду свою надъ Ліежомъ, Герцогъ Бургундскій былъ любимъ общинами сѣверной Франціи. Однажды отецъ его отказался исполнить королевское приказаніе—обложить своихъ подданныхъ новымъ налогомъ,—и это самое пріобрѣло ему и потомству его привязанность народа. Приверженцы юнаго Карла Орлеанскаго большею частію были дворяне. Онъ женился на дочери графа Арманьяка, самаго могущественнаго изъ владѣтелей Пиренейскихъ; а герцогъ Бургундскій со-

единилъ свое отечество родственными узами съ домами Анжускимъ и Пантіеврскимъ. Орлеанская партія, вся почти принадлежавшая къ южной Франціи, была одушевляема старинною ненавистію къ поколѣніямъ сѣвернымъ. Южные жители отомстили теперь за войну, веденную противъ Албигойцевъ. Гасконскіе солдаты грабили и пытали поселянъ въ окрестностяхъ Парижа; имъ отрѣзывали носы и уши, и отпускали съ насмѣшкою: »подите, »жалуйтесь своему тунеядцу — королю; ступайте къ »своему безумному плѣннику.«

Впрочемъ однѣхъ силъ Юга было недостаточно для обезпеченія успѣховъ партіи Арманьяка (это названіе приличнѣе, чѣмъ имя Орлеанской). Она прибѣгла къ помощи Англіи (1411), и обѣ партіи наперерывъ старались угодить врагамъ Франціи. Арманьяки предлагали имъ раздѣлить между собою королевство. Но герцогъ Бургундскій, прежде, чѣмъ обратился къ Англичанамъ, рѣшился искать опоры въ народѣ, особенно въ низшихъ классахъ жителей городовъ. Въ Парижѣ его поддерживали богатые мясники, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи множество работниковъ, людей грубыхъ, свирѣпыхъ, привычныхъ къ крови. Ихъ вождемъ былъ живодеръ — Кабошъ, ораторомъ — Іоаннъ Троаскій — хирургъ или брадобрѣй, что тогда было одно и тоже (1413).

Эта кровожадная партія, находившаяся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Гентомъ и другими городами, сначала была послушнымъ орудіемъ въ рукахъ герцога Бургундскаго, но потомъ его самаго заставила повиноваться себѣ. Дворяне, окружавшіе герцога, стали помощниками Кабоша; самъ онъ принужденъ былъ однажды подать, въ знакъ дружбы, руку палачу Капелюшу. Но что всего страннѣе,

эти люди проповѣдывали нравственность. Убивъ у самыхъ ногъ Дофина его любимцевъ, они, между тѣмъ, дѣлали ему замѣчанія касательно испорченности его нравовъ.

Всѣ эти насильства произвели сильную реакцію; мясникамъ противопоставлены были плотники. Парижъ отворилъ свои ворота Арміакамъ, но этою измѣною ничего невыигралъ. Правда, онъ избавился буйства народа, но за то испыталъ всю наглость дворянъ южной Франціи, которыхъ даже языкъ былъ ему неизвѣстенъ. Изъ этого видно, что въ эпоху вторженія юнаго Генриха V (1415), обѣ партіи не имѣли уже на народъ никакого вліянія; Франція, подъ управленіемъ безумнаго короля, была разорена, обезоружена.

Генрихъ V, одаренный отъ природы сильными страстями, провелъ свою юность въ самомъ постыдномъ развратѣ; но потомъ отказавшись отъ чувственныхъ наслажденій, онъ сдѣлался необыкновеннымъ честолюбцемъ. Нетерпѣливо желая царствовать, какъ можно скорѣе, онъ взялъ корону съ изголовья своего отца, лежавшаго на одрѣ смерти; но умирающій остановилъ его руку. Тотчасъ, по смерти отца, онъ вознамѣрился присоединить къ ней корону Французскую. Получивъ отъ Парламента небольшое денежное вспоможеніе, онъ набираетъ нѣсколько отрядовъ войска и переправляется на твердую землю (1415). Въ продолженіе осады города Гарфлёра (Harfleurs), стоившей ему болѣе пяти недѣль, множество солдатъ его умерло отъ неумѣренности въ пищѣ, особенно—отъ неосторожнаго употребленія плодовъ; нѣкоторые изъ благородныхъ сподвижниковъ его принуждены были болѣзнью возвратиться въ Англію. Оставшееся при

немъ войско должно было неминуемо погибнуть, если бы въ совѣтахъ Франціи нашелся хоть одинъ умный человѣкъ. Дворянство всѣхъ партій стало въ дружные ряды подъ предводительствомъ Коннетабля д'Албре, одного изъ начальниковъ партіи Арманьяка. Самъ герцогъ Бургундскій позволилъ обоимъ своимъ братьямъ участвовать въ походѣ. Генрихъ пошелъ отъ Гарфлёра къ Кале, и, когда Французы перерѣзали ему путь при Азенкурѣ, онъ нашелся въ такомъ точно положеніи, въ какомъ былъ Эдуардъ III при Креси, и Принцъ Черный при Пуатье. Англичане предлагали возвратить Гарфлёръ и отказаться отъ всѣхъ своихъ притязаній на Францію. Благоразумный Коннетабль вздумалъ расположить свое войско, состоявшее большею частію изъ кавалеріи, на узкомъ, недавно вспаханномъ полѣ, напитанномъ дождемъ, и лошади, завязши въ грязь, не могли тронуться съ мѣста. Англійскимъ стрѣлкамъ оставалось только искусно прицѣливаться въ эти неподвижныя массы. Всѣ вельможи Франціи сдавались побѣдителямъ безъ малѣйшаго сопротивленія, и съ обнаженною головою проходили за ихъ ряды. Въ продолженіе этого маневра, на поле битвы является новый Французскій корпусъ; Генрихъ, опасаясь плѣнныхъ, бывшихъ въ тылу, приказываетъ тотчасъ перерѣзать ихъ, не смотря на то, что они были безоружны, и что онъ обѣщалъ имъ жизнь. Въ числѣ пощаженныхъ находился молодой герцогъ Орлеанскій, который до самой старости содержался въ плѣну въ Англіи.

Графъ Арманьякъ, оставшись одинъ начальникомъ своей партіи, облекся въ достоинство Коннетабля и министра финансовъ. Но народъ ненавидѣлъ эту партію, такъ худо защищавшую честь

Франціи. Между тѣмъ, какъ Арманьякъ царствовалъ въ Парижѣ, Генрихъ V продолжалъ свои завоеванія. Онъ велъ войну съ неслыханною жестокостію, необычайною даже въ томъ варварскомъ вѣкѣ. При сдачѣ каждой крѣпости, нѣсколько гражданъ должны были являться къ нему съ веревкою на шеѣ, для испрошенія пощады. Но это не было для Генриха пустою церемоніею; ему нужна была кровь. Ненависть къ Арманьякамъ возрастала вмѣстѣ съ неудачами войны; наконецъ партія герцога Бургундскаго опять восторжествовала. Всѣ его приверженцы, изгнанные прежде изъ Парижа, возвратились туда, пылая мщеніемъ. Народъ, вмѣстѣ съ ними, бросился въ тюрьмы и произвелъ ужасную рѣзню. Кровь заключенныхъ въ нихъ Арманьяковъ была проливаема безъ пощады (1418). Коннетабль, канцлеръ, шесть епископовъ и многіе другіе важные чиновники погибли при этомъ случаѣ. Въ слѣдующемъ году тѣ же самыя убійства возобновлялись въ глазахъ королевы; преслѣдуемая Арманьяками за свое распутство, она пристала къ партіи Бургундской, и оставалась приверженною къ ней, даже вопреки выгодамъ своего сына.

Эти убійства исполнили ужасомъ герцога Бургундскаго; онъ видѣлъ себя во власти черни, надъ которою надѣялся господствовать. Онъ желалъ мира; но Арманьяки, располагавшіе Дофиномъ, не находили для себя выгодъ въ этомъ примиреніи. Назначивъ герцогу Бургундскому свиданіе у Монтероскаго моста, они умертвили его въ глазахъ наслѣдника престола (1419).

Сынъ Іоанна Безстрашнаго, Филиппъ добрый, желая отмстить за смерть отца своего, соединился съ Англичанами. Генрихъ V, подчинивъ себѣ

герцога Бургундскаго и Карла VI, принудилъ безумнаго короля дать ему въ супружество дочь свою, и формальнымъ актомъ завѣщать ему королевство (1420). После этого, король Англійскій спокойно управлялъ Франціею. Смерть его, случившаяся двумя мѣсяцами прежде смерти Карла VI (1422), по видимому, не произвела никакой перемѣны въ дѣлахъ. Два брата его, Бедфордъ и Глочестеръ, именемъ Генриха VI, управляли государствомъ. Бедфордъ былъ надѣленъ отъ природы великими качествами. Не смотря на пособіе, оказанное новому Французскому королю, Карлу VII, Шотландіей, онъ умѣлъ поддержать славу Англійскаго оружія (сраженія при Кревантѣ и Вернейлѣ). Англичане, утвердившись на Сѣверѣ, собирались распространить свои завоеванія за Лоарою. Они хотѣли внести свое оружіе въ самыя владѣнія Карла. Удаленный, по совѣту своихъ министровъ, отъ театра войны, юный *Буржскій король*, казалось, соглашался на раздѣлъ королевства. У него были въ Пуатье свой Парламентъ и университетъ. Коннетабль Ришемонъ успѣлъ возвратить ему Бретань; онъ имѣлъ храбрыхъ вождей: Дюнуа, Ла-Гира, Ксентрайля, Барбазана и, при всемъ томъ, Англичане осадили Орлеанъ. Покоривъ этотъ городъ, они готовы были занять весь Югъ. Самые лучшіе вожди Карла VII безуспѣшно пытались провезти туда припасы: они были разбиты; это постыдное пораженіе извѣстно подъ именемъ *bataille des Herengs* (сраженіе сельдей). Никогда Франція не была въ такомъ ужасномъ положеніи. Нищета, безлюдство были неописанны; неистовства солдатъ превосходили всякую мѣру. Вспомнимъ только о Борусскомъ вязѣ, на вѣтвяхъ котораго, на подобіе плодовъ, висѣли трупы, и о беремен-

ной женщинѣ, привязанной ими, въ одну зимнюю ночь, на съѣденіе волкамъ. Внѣ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстечекъ, отъ самато Лана до Германіи, не было ни одного человѣческаго жилища. Вся страна наполнена была волками.

Но еще хуже было то, что общество тогдашнее повсюду представляло признаки нравственнаго изнеможенія, унынія. Четырнадцатый вѣкъ начался Дантомъ, Бокаччіо и Петраркою, а конецъ пятнадцатаго ознаменовался изобрѣтеніемъ книгопечатанія и открытіемъ Америки. Но описываемая нами эпоха (1248) не представляла никакой будущности, никакой перспективы, никакой великой идеи, которая бы, среди всеобщихъ бѣдствій, могла утѣшить человѣчество. Наука и искусство, казалось, поражены были преждевременною дряхлостію. Рыцарская литература была уже истощена. Героическіе поэты уступили мѣсто сказочникамъ. Готическая архитектура пришла въ упадокъ и жертвовала красотою цѣлаго изящности частей. Діалектика убила Богословіе и Литературу. Побѣда университетовъ надъ папскою властію не принесла никакой пользы. Соборъ Констанскій ничего не преоброзовалъ къ лучшему. Безнадежная Франція томилась въ печальномъ уныніи, которое такъ мрачно отразилось въ сочиненіяхъ Іоанна Жерсона. Этотъ писатель, въ своемъ *подражаніи Іисусу Христу*, предсказалъ, что ни ученые, ни знатные не въ состояніи будутъ обновить міръ, дать ему движеніе. Для произведенія подобнаго переворота нужна чистота сердца, героизмъ простыхъ душъ: единственный способъ для спасенія отечества и міра, общества и науки.

Въ 1429 г., когда паденіе Орлеана казалось

неизбѣжнымъ, одна молодая дѣвушка, по имени Іоанна д'Аркъ, изъ Домреми (на границѣ Шампаніи и Лотарингіи) является къ королю въ Шинонѣ и увѣряетъ его, что она можетъ освободить Орлеанъ. Не смотря на господствовавшій тогда при Французскомъ дворѣ развратъ, она внушаетъ къ себѣ довѣренность и уваженіе. Ее вооружаютъ, но ея вѣрнѣйшее оружіе есть знаменіе Іисуса Христа. Она входитъ, при пѣніи священниковъ, въ Орлеанъ; Англичане не смѣютъ ее остановить. Она выгоняетъ ихъ изъ укрѣпленій и заставляетъ снять осаду (8 Мая 1429). Послѣ этого, отнявъ у нихъ Божанси, взявъ въ плѣнъ Суффолька и Тальбота, она ведетъ короля, чрезъ всю Англійскую Францію, въ Реймсъ, гдѣ совершается обрядъ его коронованія.

Бывъ внушренно убѣждена, что по взятіи Орлеана и коронованіи короля, ея посольство исполнено, она хотѣла возвратиться въ свою деревню, но ее не пустили. При защитѣ Компіеня, Бургундцы взяли ее въ плѣнъ и предали Англичанамъ. Послѣдніе, приписывая пораженіе свое ея чародѣйству, рѣшились ее сжечь. Церковное судилище, въ руки котораго она предана, при всемъ желаніи умертвить мнимую волшебницу, ни какъ не могло найти въ ея словахъ причины къ обвиненію. Всѣ удивлялись ея благоразумнымъ отвѣтамъ и кротости нрава. Судьи спросили ее, не увѣряла ли она рыцарей, сражавшихся подъ ея знаменами, что они будутъ счастливы на войнѣ; »нѣтъ, отвѣчала она; я имъ говорила: нападайте смѣло на Англичанъ, и я послѣдую за вами.« Этотъ чудовищный судъ, въ которомъ нарушены какъ формы, такъ и самая сущность правосудія, кончился тѣмъ, что ее приговорили къ тюремному заключенію на всю жизнь; но

не того хотѣли Англичане. Употребивъ самыя подлыя хитрости, они нашли средство довести ее до костра (1431).

Но и по сожженіи мнимой ворожеи, дѣла Англичанъ не шли лучше. Глочестеръ, бракомъ своимъ съ наслѣдницею Ганау и Голландіи, вооружилъ противъ себя могущественнаго Герцога Бургундскаго. Дерзость Англичанъ доходила до того, что одинъ изъ нихъ однажды сказалъ: » мы скоро отправимъ герцога пить пиво въ Англію. « Случилось однакоже противное. Онъ примирился съ королемъ Французскимъ, который уступилъ ему округи Оксерскій, Булонскій и всѣ города, лежащіе на Соммѣ, и составлявшіе оплотъ сѣверной Франціи (1435). Война продолжалась еще двадцать лѣтъ. Съ одной стороны дядья Генриха спорили между собою о власти; Англичане, какъ часто случается съ побѣжденными, обвиняли другъ друга въ неудачахъ; съ другой, Французское дворянство, прежде еще освобожденія Франціи отъ ига чужеземнаго, возставало противъ власти королевской (1440). Дофинъ, приставшій сначала къ недовольнымъ, оказалъ впослѣдствіи болѣе пользы для королевства тѣмъ, что повелъ противъ Швейцарцевъ наемныя шайки, производившія во Франціи множество безпорядковъ; большая часть ихъ погибла въ Сенъ-Жакскомъ сраженіи. Около этого самаго времени, война съ Англіею кончилась бракомъ Генриха VI съ Маргаритою Анжускою (1445). Миролюбивый Генрихъ, совершенно покорившись вліянію своей блистательной супруги, воевалъ не охотно. Нормандія была завоевана (1449—1450). Бордо, попеременно пристававшій то къ той, то къ другой партіи, освободился отъ владычества Англичанъ послѣ

всѣхъ другихъ городовъ (1451—1453). Герой этихъ войнъ, старый Тальбо, въ этомъ самомъ году былъ убитъ во время Кастильонскаго сраженія, и вмѣстѣ съ его жизнію прекратилась столѣтняя борьба.

У Англичанъ оставался только одинъ Кале. Карлъ VII не думалъ отнимать его. Вслѣдствіе несчастнаго трактата, заключеннаго имъ съ герцогомъ Бургундскимъ, онъ возвратилъ этотъ городъ, но долженъ былъ отдать его своему союзнику. Герцогъ Бургундскій, пріобрѣтеніемъ Пикардіи, по Аррасскому трактату, и потомъ Голландіи, Ганау, Немура и Брабанта, сдѣлался опаснымъ соперникомъ для короля Французскаго.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Людовикъ XI, паденіе домовъ: Бургундскаго, Анжускаго и Бретанскаго (1453—1494).

Когда удаленіе Англичанъ позволило Франціи опомниться, земледѣльцы, вышедшіе изъ замковъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ они скрывались въ продолженіе войны, находили свои поля опустошенными; деревни въ развалинахъ. Распущенныя наемныя войска продолжали грабить на большихъ дорогахъ. Феодальные бароны, содѣйствовавшіе Карлу VII къ изгнанію Англичанъ, присвоивъ себѣ, въ своихъ помѣстьяхъ, неограниченную власть, не хотѣли подчиняться ни церковнымъ, ни гражданскимъ законамъ. Одинъ изъ графовъ Арманья-

ковъ давалъ себѣ титулъ *графа Божіею милостію*, вѣшалъ людей, принадлежавшихъ къ вѣдомству Парламента, вступилъ въ бракъ съ родною своею сестрою, и *билъ своего духовника, когда тотъ не хотѣлъ отпустить ему грѣховъ*. Братъ герцога Бретанскаго, заключенный въ тюрьму, въ продолженіи трехъ лѣтъ, сквозь оконную рѣшетку, просилъ у прохожихъ хлѣба, до тѣхъ поръ, пока герцогъ прекратилъ его униженіе насильственною смертію.

Все свое упованіе народъ возлагалъ на короля, отъ котораго ожидалъ облегченія въ своихъ бѣдствіяхъ. Феодальная система, спасшая Европу въ десятомъ вѣкѣ, теперь была источникомъ всѣхъ ея несчастій. Между тѣмъ, со времени войнъ съ Англіею, она начинала опять усиливаться. Не говоря о графахъ Албре, Фуа, Арманьякахъ и о другихъ вельможахъ, дома: Бургундскій, Бретанскій и Анжускій, въ могуществѣ и блескѣ, не уступали королевскому.

Графство Прованское, доставшееся въ наслѣдство дому Анжускому, служило, такъ сказать, центромъ дѣятельности для народовъ южныхъ, подобно какъ Фландрія для народовъ сѣверныхъ. Сверхъ богатыхъ Анжускихъ областей, этотъ домъ владѣлъ Мепомъ и Лотарингіею, и такимъ образомъ границами своими обхватывалъ со всѣхъ сторонъ королевскія владѣнія. Духъ древняго рыцарства, казалось, пріютился въ этой фамиліи. Весь міръ гремѣлъ подвигами и несчастіями короля Рене и его дѣтей. Тогда, какъ дочь его, Маргарита Анжуская, храбро отстаивала права партіи красной розы, сынъ его Іоаннъ Калабрскій, то завоевывалъ, то терялъ королевство Неаполитанское, и умеръ

въ ту самую минуту, когда признательность каталонцевъ открывала ему путь къ Арагонскому престолу. Столь обширные замыслы и столь дальнія войны ослабляли во Франціи могущество этого дома. Впрочемъ и самый характеръ главы его дѣлалъ его неспособнымъ вести упорную войну съ королевскою властію. Добрый Рене, въ послѣдніе годы своей жизни, занимался только пастушескою поэзіею, живописью и астрологіею. Онъ рисовалъ сѣрую куропатку въ то время, когда ему сказали, что Людовикъ XI отнялъ у него Анжу, и это извѣстіе ни мало не прервало его занятія.

Настоящимъ представителемъ Феодальныхъ владѣтелей былъ въ то время герцогъ Бургундскій. Ни одинъ государь въ Европѣ не могъ равняться съ нимъ по богатству; онъ повелѣвалъ народами, говорившими и Французскимъ и Германскимъ нарѣчіями; ему подчинялись безчисленное дворянство и самые торговые города Европы. Гентъ и Ліежъ могли выставить по сороку тысячь вооруженнаго войска. Но элементы, изъ которыхъ слагалась эта могущественная держава, были слишкомъ разнородны. Голландцы не хотѣли зависѣть отъ Фламандцевъ, а Фламандцы не хотѣли покоряться Бургундцамъ. Между дворянствомъ и гражданами торговыхъ городовъ существовала непримиримая вражда. Эти гордые и богатые города, съ духомъ промышленности новѣйшихъ временъ, соединяли всю грубость Феодальныхъ нравовъ. Едва малѣйшая опасность угрожала привиллегіямъ Гента, цѣховые старшины тотчасъ ударяли въ колоколъ Роланда и выставляли на торговой площади свои хоругви. Герцогъ выступалъ противъ нихъ съ

дворянствомъ, и неминуемымъ слѣдствіемъ этого было нѣсколько кровопролитныхъ сраженій.

Напротивъ, король Французскій имѣлъ для себя въ городахъ опору. Въ его владѣніяхъ народъ скорѣе находилъ защиту отъ притѣсненій знатныхъ. За то, когда королю нужны были деньги, для завоеванія Нормандіи, онъ обратился къ среднему сословію и получилъ въ займы нужную сумму отъ простаго гражданина, Якова Кёра. Король вездѣ строго наказывалъ своевольство военныхъ. Еще въ 1441 г. онъ избавилъ королевство отъ наемныхъ шаекъ, употребивъ ихъ противъ Швейцарцевъ, которые большую часть ихъ истребили въ Сенъ-Жакскомъ сраженіи. Въ тоже самое время онъ основалъ Тулузскій Парламентъ, распространилъ власть Парижскаго, и не смотря на усилія герцога Бургундскаго, ограничилъ права феодальныхъ судовъ. Знатные, свидѣтели казни Арманьяковъ, Алансоновъ, Бурбоновъ, начали убѣждаться, что никакой санъ не освобождалъ отъ строгости законовъ. Столь счастливый переворотъ весьма благопріятствовалъ утвержденію монархической власти. Карлъ VII устроилъ постоянное войско, завелъ милицію изъ вольныхъ стрѣлковъ, которые, оставаясь въ своихъ домахъ, только по воскреснымъ днямъ упражнялись въ военномъ искусствѣ; не требуя согласія государственныхъ чиновъ, онъ наложилъ на народъ постоянную подать и не возбудилъ противъ себя ни малѣйшаго ропота (1444).

Самые вельможи, находившіе возможность управлять дѣйствіями королевской власти, помогали ей усилиться; а тѣ, которые не могли имѣть никакого вліянія на управленіе королевствомъ, довольствовались интригами, стараясь вооружить Дофина

противъ отца. Но все перемѣнилось съ смертію Карла VII, убитаго горестью, которую причинило ему бѣгство его сына въ Бургундію (1461). При похоронахъ короля, Дюнуа сказалъ всему собравшемуся дворянству: »Государь нашъ умеръ; теперь пусть каждый изъ насъ помышляетъ о своихъ выгодахъ.«

Людовикъ XI не отличался рыцарскими добродѣтелями своего отца, за которыя Французы прощали ему всѣ его недостатки. Онъ болѣе любилъ переговоры, чѣмъ битвы, одѣвался весьма просто и окружалъ себя людьми низкаго происхожденія. Въ должность герольда употреблялъ онъ лакеевъ; обязанности камеръ-юнкера возлагалъ на цирюльника; уголовнаго судью Тристана называлъ *своимъ кумомъ*. Горя нетерпѣніемъ унизить вельможъ, онъ тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, удаляетъ отъ должностей всѣхъ министровъ Карла VII; устраняетъ знатныхъ отъ участія въ церковныхъ выборахъ, попыткою своею — лишить герцога Бретанскаго нѣкоторыхъ правъ верховной власти, дѣлаетъ его врагомъ своимъ; откупивъ у герцога Бургундскаго города, лежащіе на Соммѣ, и обнаруживъ намѣреніе свое отнять у него Нормандію, онъ вооружаетъ противъ себя сына его, графа Шароле. Наконецъ возбуждаетъ на себя общее негодованіе дворянства, стѣсненіемъ нѣкоторыхъ правъ охоты, что для тогдашняго дворянина составляло, можетъ быть, величайшее изъ всѣхъ оскорбленій.

Герцогъ Бургундскій, чувствуя ослабленіе силъ своихъ, передалъ управленіе обширными своими владѣніями сыну своему графу Шароле, извѣстному въ исторіи подъ именемъ Карла Смѣлаго; вельмо-

жи, пользуясь этимъ обстоятелствомъ, возстали на короля. Герцоги: Іоаннъ Калабрскій, Бурбонскій и Немурскій, графъ Арманьякъ, Сиръ д'Альбре, графъ Дюнуа и многіе другіе владѣтели, *для общественнаго блага*, соединились съ герцогомъ Бретанскимъ и графомъ Шароле. Этому, почти всеобщему союзу дворянства, король рѣшился противопоставить города, особенно Парижъ. Онъ уничтожилъ почти всѣ налоги, наполнилъ свой Совѣтъ гражданами, членами Парламента и Университета; ввѣрилъ королеву защитѣ Парижанъ, и изъявилъ желаніе, чтобы она родила въ Парижѣ, который, по его словамъ, онъ *любилъ больше всѣхъ городовъ въ мірѣ.* Въ нападеніи союзниковъ почти вовсе небыло единства дѣйствія. Людовику XI дали время поразить Герцога Бурбонскаго. Герцогъ Бретанскій уже послѣ сраженія при Монлери примкнулъ къ главной арміи. Въ этомъ дѣлѣ, обѣ непріятельскія арміи, отвыкшія отъ войны, послѣ изгнанія Англичанъ, обратились въ бѣгство. Наконецъ король прибѣгнулъ къ другому оружію, къ подкупамъ, и союзники, предвидя скорое разрушеніе союза, принуждены были вступить въ переговоры (при Конфланѣ и Сенъ-Морѣ, 1456). Король согласился на всѣ ихъ требованія; брату своему уступилъ Нормандію, доходы которой составляли третью часть всѣхъ королевскихъ доходовъ; графу Шароле отдалъ города на Соммѣ; всѣхъ прочихъ одарилъ крѣпостями, помѣстьями и пенсіями. Дабы цѣль войны, т. е. защита *общественнаго блага*, неказалась забытою, условились для формы созвать штаты. Это условіе столь же было худо выполнено, какъ и прочія статьи договора. Король, пользуясь возмущеніемъ городовъ Ліежа и Динанта,

отнялъ у Бургундскаго герцога Нормандію, заставилъ государственные чины (въ Турѣ 1449) объявить недѣйствительными главнѣйшія статьи Конфланскаго трактата, и принудилъ герцога Бретанскаго отказаться отъ союза съ графомъ Шароле, только что вступившимъ на престолъ отцовскій.

Надѣясь еще успокоить послѣдняго льстивыми обѣщаніями, Людовикъ самъ отправился къ нему въ Перону (1468). Въ то самое время, какъ онъ пріѣхалъ туда, герцогъ узналъ о мятежѣ Ліежанъ, возмущенныхъ агентами короля Французскаго. Они заключили подъ стражу епископа своего, Людовика Бурбона, умертвили іеродіакона и бросали другъ къ другу его разтерзанные члены. Герцогъ Бургундскій пришелъ въ такое бѣшенство, что король началъ опасаться за свою жизнь. Въ стѣнахъ Перонскаго замка онъ видѣлъ башню, въ которой нѣкогда графъ Вермандуа умертвилъ Карла Простаго; однакожъ ему удалось легче отдѣлаться. Герцогъ заставилъ его подтвердить только трактатъ Конфланскій и принудилъ быть свидѣтелемъ разоренія Ліежа. Возвратившись во Францію, Король опять приказалъ объявить недѣйствительными его клятвенныя обѣщанія.

Въ это время противъ него составился новый союзъ, гораздо опаснѣе перваго. Его братъ, которому онъ уступилъ Гвіену, и герцоги, Бретанскій и Бургундскій, привлекли на свою сторону всѣхъ владѣльцевъ, оставшихся до того времени королю вѣрными. Они просили также содѣйствія короля Арагонскаго Іоанна II, имѣвшаго притязанія на Руссиліонъ, и короля Англійскаго Эдуарда IV, шурина герцога Бургундскаго, чувствовавшаго необходимость занять чѣмъ нибудь безпокойный духъ

Англичанъ. Герцогъ Бретанскій не скрывалъ намѣренія союзниковъ. »Я такъ люблю королевство Французское, говорилъ онъ, что вмѣсто одного короля, желалъ бы дать ему шестерыхъ.« Людовикъ XI не могъ теперь надѣяться на помощь городовъ, разоренныхъ налогами. Только смерть его брата могла разстроить союзъ, и онъ дѣйствительно умеръ. король, получавшій извѣстія о ходѣ его болѣзни, приказывалъ молиться и въ церквахъ о его выздоровленіи, и въ тоже время посылалъ войско для занятія его удѣла. Онъ велѣлъ задушить монаха, котораго подозрѣвали въ отравленіи принца, и распространилъ слухъ, что діаволъ умертвилъ его въ тюрьмѣ.

Слѣдствіе о смерти герцога Гвіенскаго тѣмъ и кончилось. Отдѣлавшись отъ брата, Людовикъ XI обратилъ свое оружіе противъ Іоанна II и Карла Смѣлаго; перваго онъ вытѣснилъ изъ Руссиліона, а втораго изъ Пикардіи. Но въ то время, какъ онъ управлялся съ внутренними врагами, ему угрожала новая опасность. Король Англійскій вторгнулся во Францію, объявивъ, по обыкновенію, притязанія свои на Французскій престолъ. Англичане сдѣлали большія приготовленія къ этой войнѣ. *Король*, говоритъ Коминъ, *имѣлъ въ своей арміи десять или двѣнадцать человѣкъ, жирныхъ и толстыхъ, частію изъ Лондона, а частію изъ другихъ городовъ; это были важнѣйшія лица въ Англійскихъ общинахъ, и они-то набрали такое сильное войско, и надзирали за военными дѣйствіями.* Герцогъ Бургундскій вмѣсто того, чтобы, при вступленіи Англичанъ во Францію, соединиться съ ними, пошелъ воевать въ Германію. Между тѣмъ погода была самая дурная, и не смотря

на то, что Эдуардъ *озаботился помѣстить* въ хорошей палаткѣ *слѣдовавшихъ за нимъ членовъ общинъ; подобная жизнь, съ непривычки, скоро имъ наскучила до крайности; они воображали, что стоило только переплыть море, а тамъ, не больше какъ чрезъ три дня, будетъ и битва.* Людовикъ нашелъ средство поднести дары королю, далъ пансіоны его любимцамъ, угостилъ солдатъ, и такимъ образомъ, при помощи денежнаго пожертвованія, сбылъ съ рукъ армію, готовившуюся завоевать Францію.

Съ этого времени могущество Карла Смѣлаго уже не внушало ему опасеній. Карлъ, замысливъ возстановить въ обширныхъ размѣрахъ древнее королевство Бургундское, рѣшился къ прочимъ владѣніямъ своимъ присоединить Лотарингію, Провансъ, Дофине и Швейцарію. Людовикъ XI не думалъ его безпокоить; онъ продлилъ перемиріе, и *позволилъ ему сразиться съ Германіей.* Въ самомъ дѣлѣ, когда герцогъ осадилъ и хотѣлъ принудить городъ Нейссъ принять одного изъ двухъ претендентовъ на Кельнское архіепископство, всѣ государи Нѣмецкіе рѣшились наблюдать за его дѣйствіями, и собрали для этого стотысячную армію. Цѣлый годъ Карлъ не прекращалъ этой несчастной осады, и только война съ Швейцарцами принудила его оставить городъ въ покоѣ.

Этотъ народъ, состоявшій изъ мѣщанъ и поселянъ, и за два вѣка предъ тѣмъ свергнувшій иго Австрійскаго дома, постоянно стремился къ политической самобытности. Людовикъ XI, бывши еще Дофиномъ, имѣлъ случай въ Сенъ-Жакскомъ сраженіи испытать храбрость Швейцарцевъ; здѣсь-то одинъ ихъ отрядъ, въ числѣ тысячи шести сотъ

человѣкъ, предпочелъ лучше умереть, чѣмъ отступить предъ двадцати-тысячною арміею. Въ описываемую нами эпоху, правитель графства Ферретскаго, Гагенбахъ, назначенный въ эту должность герцогомъ Бургундскимъ, началъ притѣснять ихъ союзниковъ, и осмѣлился даже ихъ самихъ оскорбить. *Мы снимемъ кожу съ Бернскаго медвѣдя*, говорилъ онъ, *и сдѣлаемъ себѣ изъ нея шубу*. Швейцарцы, потерявъ терпѣніе, соединились съ своими старинными врагами — Австрійцами, умертвили Гагенбаха, и разбили Бургундцевъ при Нерикуртѣ. Послѣ этого успѣха они старались успокоить герцога Бургундскаго, представляя ему, что война съ ними не принесетъ ему никакой пользы. *Вы болѣе золота найдете*, говорили они, *на шпорахъ рыцарей вашихъ, чѣмъ во всѣхъ нашихъ кантонахъ*. Герцогъ былъ непреклоненъ. Вступивъ въ Лотарингію и Швейцарію, онъ взялъ Грансонъ и велѣлъ потопить весь гарнизонъ, сдавшійся на его честное слово. Швейцарцы, видя его упорство, принуждены были выступить въ походъ. Герцогъ имѣлъ неосторожность итти къ нимъ на встрѣчу, и этимъ движеніемъ потерялъ преимущество, которое представляла его многочисленной кавалеріи обширная равнина. Ставъ на холмѣ, и теперь носящемъ его имя, онъ увидѣлъ Швейцарцевъ, быстро спускавшихся съ горъ, съ восклицаніемъ: *Грансонъ, Грансонъ!* Въ это самое время по всей долинѣ раздавались звуки двухъ огромныхъ охотничьихъ роговъ, которые, по преданію, были подарены Швейцарцамъ Карломъ Великимъ и назывались, одинъ — быкомъ Ури, другой — коровой Унтервальдена. Ничто не могло остановить стремительнаго нападенія союзниковъ. Тщетны были всѣ усилія Бургундцевъ — кор-

ваться въ этотъ подвижный лѣсъ копій; пораженіе было совершенное. Обозъ герцога, его артиллерія и казна, все досталось въ руки побѣдителей. Но они не понимали цѣнности взятыхъ ими сокровищъ. Одинъ изъ нихъ продалъ за ефимокъ огромый алмазъ герцога Бургундскаго; деньги, найденныя въ его лагерѣ, дѣлили безъ счета, мѣряли шляпами. Но это несчастіе не сдѣлало Карла Смѣлаго благоразумнѣе. Спустя три мѣсяца, онъ опять напалъ на Швейцарцевъ при Моратѣ, и понесъ гораздо сильнѣйшее пораженіе. Побѣдители никому не давали пощады, и соорудили памятникъ изъ костей убитыхъ Бургундцевъ (1476). У Швейцарцевъ долго существовала поговорка: *жестокъ, какъ при Моратѣ*

Это пораженіе было гибельно для могущества Карла Смѣлаго, истощившаго богатства и уменьшившаго населеніе своихъ городовъ; дворяне его два года сряду непокидали оружія. Онъ впалъ въ мрачную маланхолію, отростилъ себѣ бороду и не перемѣнялъ платья. Пришедши въ себя, онъ немедленно предпринялъ новый походъ въ Лотарингію, съ тѣмъ, чтобы вытѣснить оттуда юнаго Рене. Швейцары поспѣшили на помощь къ этому государю, сражавшемуся за ихъ независимость, любившему говорить ихъ языкомъ и носить ихъ одежду. Герцогъ Бургундскій, оставшись только съ тремя тысячами человѣкъ, не хотѣлъ отступить *предъ ребенкомъ*, но и самъ мало надѣялся на успѣхъ. Италіанецъ Кампо-Бассо, у котораго давно уже Людовикъ XI торговалъ жизнь Карла Смѣлаго, предъ самымъ сраженіемъ вырвалъ у него красный крестъ, и это служило сигналомъ къ нападенію на Бургундцевъ, и началомъ ихъ пораженія (1477). Чрезъ нѣ-

сколько дней найдено было тѣло Карла; его привезли съ великими почестями въ Нанси; Рене окропилъ его святою водою, и, взявъ за руку, сказалъ: *братъ, да проститъ тебя Богъ! ты причинилъ намъ много зла и безпокойствъ.* Но народъ не хотѣлъ вѣрить смерти государя, такъ давно гремѣвшаго своею славою. Увѣряли, что онъ скоро возвратится; и даже, спустя десять лѣтъ, купцы даромъ отдавали свои товары, подъ условіемъ только получить за нихъ двойную плату, по возвращеніи знаменитаго герцога Бургундскаго.

Паденіе дома Бургундскаго навсегда упрочило владычество Французской династіи. Такъ какъ владѣтели трехъ обширныхъ леновъ, Бургундіи, Прованса и Бретани, умерли, не оставивъ наслѣдниковъ мужескаго пола: то наши короли, получивъ часть изъ перваго наслѣдства (1477), присоединили къ своимъ обширнымъ владѣніямъ второе, вслѣдствіе завѣщанія (1481), и пріобрѣли третье посредствомъ брачнаго союза (1491).

Сначала Людовикъ XI надѣялся получить всѣ владѣнія Карла Смѣлаго посредствомъ брака Дофина съ его дочерью, Маріею Бургундскою. Но чины Фландрскіе, тяготясь владычествомъ Французовъ, выдали наслѣдницу престола за Максимиліана Австрійскаго, бывшаго въ послѣдствіи Императоромъ и дѣдомъ Карла V. Вотъ начало соперничества между домами Австрійскимъ и Французскимъ. Не смотря на пораженіе Французовъ при Гинегатѣ, Людовикъ XI присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Артуа и Франшъ-Конте, которые, по Аррасскому трактату (1481), должны были составлять приданое Маргариты, дочери Эрцгерцога Максимиліана, обрученной съ Дофиномъ (Карломъ VIII).

По смерти Людовика XI, оставившаго престолъ малолѣтному сыну своему (1483), Франція, до того времени терпѣвшая безмолвно, возвысила голосъ. Чины, созванные въ 1484 г. регентшею Анною де Боже, хотѣли избраннымъ ими лицамъ доставить главнѣйшее вліяніе въ совѣтѣ правительницы; требовали, чтобы подати назначаемы были только на два года, по истеченіи которыхъ чинамъ опять надлежало собираться. Депутаты, принадлежавшіе къ шести особымъ *народамъ*, начинали сближаться между собою, и, увлекаясь примѣромъ Лангедока и Нормандіи, замышляли ввести въ своихъ областяхъ представительный образъ правленія; но вдругъ было объявлено, что собраніе распускается. Правленіе регентши, по духу твердости и даже строгости, не уступало предшествовавшему царствованію. Она восторжествовала надъ герцогомъ Орлеанскимъ, оспаривавшимъ у ней регентство, и посредствомъ брака сына своего съ наслѣдницею Бретани, присоединила это герцогство къ Франціи (1491). Такимъ образомъ, обширный планъ, предпринятый для униженія знатныхъ, приведенъ былъ въ исполненіе. Франція достигла того единства, которое содѣлывало ее страшною для всей Европы. Молодое, пылкое поколѣніе заступило при дворѣ мѣста старыхъ служителей Людовика XI. Карлъ VIII, горя нетерпѣніемъ вступить въ права, переданныя ему домомъ Анжускимъ на Неаполитанское королевство, успокоиваетъ, посредствомъ денежныхъ пожертвованій, короля Англійскаго, возвращаетъ Фердинанду Католическому Руссильонъ, а Максимиліану Артуа и Франшъ-Конте: его вовсе не безпокоило то, что онъ жертвовалъ въ этомъ случаѣ тремя крѣпчайшими оплотами Франціи. По-

теря нѣсколькихъ областей мало смущаетъ будущаго завоевателя Королевства Неаполитанскаго и Восточной Имперіи.

ГЛАВА ШЕСНАДЦАТАЯ.

Первыя Италійскія войны (1491—1516).

Проѣзжая теперь по Италіи и видя столько слѣдовъ, оставленныхъ войнами шеснадцатаго вѣка, нельзя не чувствовать въ душѣ тоски, нельзя не проклинать варваровъ, начавшихъ эти опустошенія. Кто превратилъ Мареммы въ пустыню? полководецъ Карла Пятаго; кѣмъ сожжены эти великолѣпные дворцы, которыхъ печальныя развалины поражаютъ взоръ путника? ландс-кнехтами Франциска I. Испорченная живопись Юлія Романо еще и теперь свидѣтельствуетъ, что Ватиканъ былъ нѣкогда обращенъ въ конюшни солдатами Коннетабля Бурбонскаго. Не станемъ однакожъ слишкомъ опрометчиво обвинять нашихъ предковъ. Не прихоть королей или народовъ была причиною войнъ Италійскихъ. Въ продолженіе болѣе полувѣка, народы западные стремились за Альпы, потому же непреодолимому побужденію, какое нѣкогда влекло туда варваровъ Сѣвера. Въ ту и другую эпоху одинаковы были бѣдствія, постигшія эту страну; за то и результаты были тѣ же самые: побѣдители усвоили себѣ цивилизацію побѣжденныхъ.

Людовикъ Моръ, безпокоимый угрозами короля Неаполитанскаго, внука котораго была за Іоанномъ

Галеасомъ, чтобы удержаться на похищенномъ престолѣ, рѣшился просить помощи у Франціи: но онъ вовсе не предвидѣлъ, какую страшную державу звалъ на Италію. Онъ самъ былъ пораженъ изумленіемъ и ужасомъ, когда увидѣлъ многочисленные отряды Французской арміи, спускавшейся съ горы Женеврской (въ Сентябрѣ 1494) и, по разнообразію одежды, оружія и языковъ, представлявшейся ополченіемъ всѣхъ народовъ Европейскихъ: ее составляли Французы, Баски, Бретанцы, Швейцары, Германцы и даже Шотландцы; за ними слѣдовала отлично вооруженная конница и бронзовыя пушки, приспособленныя къ быстрымъ движеніямъ Французскаго войска. Теперь начинался новый образъ войны. Старинная тактика, по правиламъ которой эскадроны были выводимы на битву одинъ за другимъ, оказалась безполезною противъ стремительности Французовъ и хладнокровной ярости Швейцарцевъ. Война уже не была дѣломъ тактики; она должна была сдѣлаться ужасною, неумолимою; побѣдитель не разумѣлъ даже просьбы побѣжденнаго. Воины Карла VIII, исполненные недовѣрчивости и ненависти къ странѣ, въ которой они на каждомъ шагу боялись быть отравленными, безъ разбора умерщвляли всѣхъ плѣнныхъ.

Когда Французы вступили въ Италію, древнія правительства ея рушились сами собою. Пиза свергла иго Флорентійцевъ. Флоренція освободилась отъ власти Медичисовъ. Савонароль смотрѣлъ на Карла VIII, какъ на *гнѣвъ Божій*, посланный для наказанія Италіи за ея грѣхи. Александръ VI, который до сихъ поръ, въ одно и то же время, велъ переговоры съ Французами, Арагонцами и Турками, узнавъ о намѣреніи побѣдителя свергнуть его

съ престола, заперся въ замкѣ Св. Ангела. Онъ выдалъ ему брата Баязета II, при содѣйствіи котораго Карлъ VIII надѣялся завоевать Восточную Имперію; но выдалъ его отравленнаго. Между тѣмъ новый Неаполитанскій Король, Алфонсъ II, возложивъ защиту королевства на восемнадцати-лѣтняго Фердинанда II, самъ ушелъ въ какой-то Сицилійскій монастырь. Войска измѣнили Фердинанду при Санъ-Жермано, а Неаполитанская чернь, всегда храбрая противъ побѣжденныхъ, разграбила его дворецъ. Французскіе отряды, сбросивъ съ себя тяжелыя латы, въ легкой утренней одеждѣ продолжали свои завоеванія. Скоро Турки увидѣли Французское знамя, развѣвающимся въ Отрантѣ.

Приверженцы Анжускаго дома, болѣе шестидесяти лѣтъ лишенные своихъ помѣстій, воображали, что успѣхи Карла должны и имъ доставить выгоду. Но этотъ государь, весьма мало заботясь о заслугахъ, оказанныхъ ими его предкамъ, не думалъ вознаграждать ихъ потерю на счетъ побѣжденной партіи. Обнаруживъ намѣреніе свое ограничить, по примѣру Франціи, феодальныя привиллегіи Неаполитанскихъ бароновъ, онъ вооружилъ противъ себя все дворянство. Во всѣ города и крѣпости онъ назначилъ губернаторовъ изъ Французовъ, и этимъ поступкомъ заставилъ многихъ опять пристать къ партіи Арагонской. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, и уже Неаполитанцы начинали скучать Французами, а Французы Неаполитанцами. Побѣдители позабыли обширные свои замыслы касательно Востока, и съ нетерпѣніемъ ожидали счастливой минуты, когда возвратятся на родину расказывать красавицамъ о своихъ блистательныхъ подвигахъ.

Между тѣмъ противъ Карла VIII составился почти всеобщій союзъ. Ему нужно было поспѣшно возвратиться во Францію, пока еще не успѣли запереть для него входъ въ нее. Спустившись съ Апеннинновъ, онъ встрѣтилъ при Форново союзную армію, простиравшуюся до сорока тысячь человѣкъ, тогда какъ Французовъ было только девять тысячь. Они требовали пропуска, но получили отказъ, и рѣшились пробиться насильно; нѣсколько нападеній кавалеріи обратили непріятеля въ бѣгство. Такимъ образомъ Карлъ со славою вступилъ въ предѣлы Франціи, оправдавшись во всѣхъ своихъ ошибкахъ побѣдою.

Италіанцы, считая уже себя внѣ опасности, требовали отъ Савонароля отчета въ его мрачныхъ предсказаніяхъ. Его партія *Piagnoni* (кающіеся), освободившая и преобразовавшая Флоренцію, потеряла все свое вліяніе. Гонимые приверженцы фамиліи Медичи и Папа Александръ VI, на безпорядки котораго Савонароль смѣло нападалъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы погубить, какъ его самаго, такъ и его друзей. Одинъ Францисканскій монахъ, желая доказать, что Савонароль былъ обманщикъ, и что онъ никогда не обладалъ даромъ совершать чудеса и предсказывать будущее, вызвался пройти вмѣстѣ съ нимъ чрезъ пылающій костеръ. Въ назначенный день, когда уже костеръ былъ зажженъ, и народъ находился въ нетерпѣливомъ ожиданіи, обѣ партіи стали дѣлать нѣкоторыя затрудненія; случившійся къ этому проливной дождь, остановившій вовсе представленіе кровавой драмы, еще болѣе раздражилъ зрителей. Савонароль былъ задержанъ, преданъ суду папскихъ комисаровъ, и публично сожженъ (1498).

Италія слишкомъ убѣдилась въ истинѣ его предсказаній.

Въ тотъ самый день, въ который назначено было испытаніе посредствомъ костра, Карлъ VIII умеръ въ Амбуазѣ, и оставилъ престолъ Людовику XII, бывшему герцогу Орлеанскому; Людовикъ, къ притязаніямъ предшественника своего на Неаполитанское королевство, присоединилъ собственныя свои притязанія на Миланъ, переданный ему бабкою его Валентиною Висконти. Упрочивъ, посредствомъ брака съ вдовою Карла VIII, соединеніе Бретани съ Франціею, онъ вторгнулся въ Миланскую область въ то самое время, какъ Венеціяне, по условію съ нимъ, сдѣлали на нее нападеніе съ другой стороны. Въ обѣихъ непріятельскихъ арміяхъ служили отряды Швейцарцевъ. Тѣ изъ нихъ, которые находились въ рядахъ герцога Миланскаго, не хотѣли вступать въ битву съ своими земляками, стоявшими подъ знаменами короля Французскаго, и выдали герцога. Но возвращаясь въ горы свои, они заняли Беллинцону, которую Людовикъ XII принужденъ былъ оставить за ними, и которая сдѣлалась для нихъ ключемъ къ завоеванію Ломбардіи. По занятіи Милана, Людовикъ XII, не надѣясь безъ пособія Испанцевъ завладѣть Неаполемъ, заключилъ съ ними тайный трактатъ, по которому уступалъ имъ часть этого королевства. Царствовавшій въ немъ въ то время несчастный Донъ Фридерикъ самъ просилъ у Испанцевъ помощи, и тогда только узналъ о существованіи трактата (1510), когда Гонзалву Кордуанскому позволилъ занять свои важнѣйшія крѣпости. Это несправедливое пріобрѣтеніе было поводомъ къ новой войнѣ. Французы поссорились съ Испанцами за пошлину, которая была платима

со стадъ, пригоняемыхъ весною изъ Апуліи (Pouille) въ Аббруццо, и составляла самый вѣрный доходъ королевства. Фердинандъ до тѣхъ поръ занималъ вниманіе Людовика XII трактатомъ, пока успѣлъ отрядить къ Гонзалву, осажденному въ Барлетѣ, достаточныя силы. Искусство великаго полководца и дисциплина Испанской пѣхоты восторжествовали надъ блестящею храбростію Французскихъ войскъ. Не смотря на мужество Людовика Арса и Обиньи, и на подвиги Баярда, который, по словамъ нѣкоторыхъ, одинъ защищалъ мостъ противъ цѣлой арміи, Французы были разбиты при Семинарѣ и Чериньолѣ, и послѣ битвы при Гарпліано (въ Декабрѣ 1505) въ другой разъ вытѣснены изъ Неаполитанскаго королевства.

Между тѣмъ Людовикъ XII властвовалъ еще надъ большею частію Италіи, обладалъ Миланомъ и Генуею; былъ союзникомъ Флоренціи и Папы Александра VI, которые въ немъ только и находили для себя опору, и имѣлъ большое вліяніе на Тоскану, Романію и Римъ. Смерть Александра VI и неудачи сына его были для Людовика столько же бѣдственны, какъ Гарильянское пораженіе. Владѣнія Борджіевъ, примыкавшія къ Французскимъ и Испанскимъ областямъ, были какъ бы аванъпостомъ Милана.

Цезарь Борджіа заслужилъ быть идеаломъ Макіавеля, не потому, чтобы онъ былъ вѣроломнѣе другихъ современныхъ ему государей: Фердинандъ Католическій не уступалъ ему въ этомъ отношеніи; не потому, что онъ убилъ брата своего и незаконно жилъ съ родною сестрою: онъ не могъ превзойти отца своего въ развратѣ и жестокостяхъ; но право на эту незавидную честь пріобрѣлъ онъ тѣмъ,

что пороку хотѣлъ сообщить нѣкоторымъ образомъ видъ науки; дворъ его былъ школою, а самъ онъ учителемъ преступленія. Впрочемъ герой Макіавелевой системы, худымъ успѣхомъ въ своихъ предпріятіяхъ, на опытѣ доказалъ, какъ не прочны ея основанія. Будучи союзникомъ Людовика XII и знаменоносцемъ церкви, онъ въ продолженіи шести лѣтъ употреблялъ всѣ средства, какія только можетъ придумать хитрость, и воображалъ, что дѣйствуетъ для собственныхъ своихъ выгодъ. Все было имъ предъусмотрѣно, говорилъ Макіавель; по смерти отца своего онъ надѣялся сдѣлаться Папою, при содѣйствіи восьмнадцати Испанскихъ Кардиналовъ, получившихъ это достоинство отъ Александра VI; мелкое дворянство въ Римскихъ владѣніяхъ было ему предано, а высшее унижено; онъ истребилъ тирановъ Романіи, и твердымъ, искуснымъ правленіемъ привязалъ къ себѣ ея жителей. Словомъ, онъ все сообразилъ; одно только обстоятельство выпустилъ изъ виду: болѣзнь свою въ минуту смерти Александра VI; но это именно и случилось. Отецъ и сынъ, пригласивъ, какъ говорятъ, къ обѣду одного Кардинала, съ намѣреніемъ отравить его, по ошибкѣ сами выпили приготовленный для него ядъ. »Этотъ, столь благоразумный человѣкъ, писалъ Макіавель (14 Ноября 1503), въ рѣшительную минуту, кажется, лишился ума.« Онъ согласился на уступку новому Папѣ Юлію II всѣхъ занимаемыхъ имъ крѣпостей, и потомъ предалъ себя въ руки Гонзалва Кордуанскаго, воображая, *что на слова другихъ можно положиться лучше, нежели на его собственное* (письмо отъ 4 Ноября). Но полководецъ Фердинанда Католическаго, говорившій, что ткань, изъ которой дѣлается честь,

должна быть очень слаба, отправилъ его въ Испанію, гдѣ онъ посаженъ былъ въ крѣпость Медина дель Кампо.

Юлій II рѣшился привести въ исполненіе обширные замыслы Борджіевъ; но его виды были безкорыстнѣе. Онъ хотѣлъ возвести церковную область на степень первенствующей державы въ Италіи; освободить полуостровъ отъ варваровъ, и ввѣрить Швейцарцамъ защиту Италіи. Употребляя поперемѣнно, то перуны Ватикана, то матеріяльную силу, неустрашимый Юлій всю свою жизнь провелъ въ осуществленіи этого несбыточнаго плана. Только Венеція могла прогнать варваровъ, но чтобы сдѣлать церковную область первенствующею державою въ Италіи, надобно было унизить Венецію.

Сначала онъ хотѣлъ освободить своихъ земляковъ Генуезцевъ, и потому помогалъ имъ противъ Людовика XII. Дворяне, пользовавшіеся покровительствомъ Французскаго правительства, безпрестанно оскорбляли народъ; они всѣ вооружены были кинжалами, на которыхъ вырѣзаны были слова: Castiga villano. Народъ возмутился и провозгласилъ Дожемъ одного красильщика; для усмиренія этого мятежа, Людовикъ XII, съ сильною арміею, явился предъ городомъ; рыцарь Баярдъ взобрался на гору, опоясывающую Геную, и кричалъ жителямъ: *купцы, защищайтесь аршинами, и оставьте въ покоѣ пики и копья, къ которымъ вы не привыкли.* Не желая разорять столь богатаго города, король велѣлъ только повѣсить Дожа и нѣсколькихъ изъ главныхъ зачинщиковъ, уничтожилъ городскія привиллегіи и построилъ въ Лантернѣ крѣпость, господствовавшую надъ входомъ въ гавань (1507).

Та самая зависть, которую питаютъ бѣдныя націи къ богатымъ, вооружила и теперь большую часть народовъ Запада противъ древней соперницы Генуи. Венеціанское правительство употребляло въ свою пользу ошибки и несчастія всѣхъ прочихъ державъ; паденіе Людовика Мора, изгнаніе Французовъ изъ Неаполя и паденіе Цезаря Борджіа доставили ему большія выгоды. Такіе успѣхи возбуждали опасеніе и зависть прочихъ Италійскихъ державъ, долженствовавшихъ напротивъ желать величія Венеціи. »Высокопочтенные вельможи, писалъ Макіавель къ Флорентинцамъ, вы всегда увѣряли меня, что Венеціане угрожаютъ независимости Италіи.« Въ 1503 г. Шомонъ, намѣстникъ королевскій въ Миланѣ, говорилъ тому же послу: »мы употребимъ всѣ мѣры, чтобы заставить Венеціанъ ограничиться одною только рыбною ловлею; а что касается до Швейцарцевъ, то мы увѣрены въ ихъ преданности.« Этотъ заговоръ противъ Венеціи, которому положено начало еще въ 1504 г. (трактатомъ Блуаскимъ) возобновленъ былъ въ 1508 г. (Камбрейскій союзъ) неблагоразуміемъ Юлія II, который рѣшился, не смотря ни на какія затрудненія, возвратить себѣ нѣсколько городовъ Романіи. Папа, императоръ и король Французскій предложили Венгерскому королю вступить въ общій союзъ для завоеванія Далмаціи и Славоніи. Къ нему пристали даже герцоги Савойскій и Феррарскій и Маркизъ Мантуанскій. Венеціане были разбиты Людовикомъ XII въ кровопролитномъ сраженіи при Аньяделѣ (1509); ядра Французскихъ батарей долѣтали до самыхъ Венеціанскихъ лагунъ, но и въ этой опасности мудрая предъусмотрительность управляла всѣми дѣйствіями Венеціанскаго сената. Онъ объявилъ,

что, желая избавить провинціи отъ бѣдствій войны, освобождаетъ ихъ отъ присяги, и при заключеніи мира обязывается вознаградить всѣ ихъ потери. Поселяне Веронской области, по привязанности-ли къ республикѣ или по ненависти къ Германцамъ, лучше соглашались итти на висѣлицу, чѣмъ измѣнить Св. Марку и признать власть императора. Венеціане разбили Маркиза Мантуанскаго, возвратили себѣ Падую, и отстояли ее противъ Максимиліана, осаждавшаго эту крѣпость съ сто-тысячнымъ войскомъ. Папа и король Неаполитанскій, получивъ удовлетвореніе въ своихъ требованіяхъ, примирились съ Венеціею, и Юлій II, помышляя только объ изгнаніи *варваровъ* изъ Италіи, всю свою дѣятельную политику устремилъ противъ Французовъ.

Замысламъ Папы всего болѣе благопріятствовала неумѣстная бережливость Людовика XII, который убавилъ жалованье Швейцарцевъ и непозволялъ имъ вывозить нужныхъ припасовъ изъ Бургундіи и Миланской области. Ошибка Людовика XI, замѣнившаго вольныхъ стрѣлковъ наемной Швейцарской пѣхотою, сдѣлалась теперь очевидною: онъ отдалъ Францію на произволъ иностранцамъ; на мѣсто Швейцарцевъ, отказавшихся отъ службы, надобно было нанять Нѣмецкихъ ландскнехтовъ; но наканунѣ Равенскаго сраженія императоръ отозвалъ ихъ изъ рядовъ Французскихъ. Между тѣмъ Папа началъ войну; онъ призвалъ въ Италію Швейцарцевъ, и, составивъ противъ Франціи священный союзъ, вооружилъ противъ нее Фердинанда, Венецію, Генриха VIII и Максимиліана (1511—1512). Тогда какъ Людовикъ XII сзывалъ въ Пизу соборъ и спрашивалъ его мнѣнія о томъ, можно ли ему

безъ грѣха защищаться отъ нападенія Папы, Юлій II лично осадилъ Мирандолу, подвергался среди трепетавшихъ отъ страха Кардиналовъ всѣмъ опасностямъ упорной осады, и наконецъ чрезъ проломъ вошелъ въ городъ.

Появленіе въ Италію съ Французскою арміею Гастона де Фуа, племянника Людовика XII, на нѣкоторое время разстроило обширные замыслы Юлія II и политику союзниковъ. Этотъ двадцати-двухлѣтній герой вторгся въ Ломбардію, въ три мѣсяца одержалъ три побѣды, и умеръ, оставивъ по себѣ память дѣятельнаго полководца, какого когда либо видѣла Италія. Сначала онъ, частію страхомъ, частію подкупомъ, заставилъ Швейцарцевъ возвратиться въ свои горы; потомъ освободилъ осажденную Болонію, и, пользуясь выпавшимъ снѣгомъ и случившимся ураганомъ, вторгся въ нее 7 Февраля; 18-го того же мѣсяца онъ былъ уже предъ Бресчіею, взятою опять Венеціанами, а 19 вступилъ въ нее. 11 Апрѣля онъ одержалъ побѣду и палъ въ сраженіи подъ Равенной. Столь быстрые успѣхи не позволяли ему щадить ни своихъ, ни побѣжденныхъ. Бресчіа въ продолженіе семи дней предана была разграбленію; побѣдители перерѣзали пятнадцать тысячь человѣкъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Примѣру Баярда слѣдовали не многіе.

Возвратившись изъ Романіи, Гастонъ подступилъ къ Равеннѣ для того, чтобы принудить Испанскую и папскую арміи къ сраженію. Когда битва началась, Педро Наварскій, образовавшій Испанскую пѣхоту и возлагавшій на нее всю свою надежду, приказалъ ей лечь на землю и выжидать хладнокровно той минуты, когда ядра приведутъ въ разстройство конницу обѣихъ армій. Италіан-

ская пѣхота скоро была смята Французами. Испанская храбро выдерживала всѣ нападенія непріятеля, но наконецъ и она начала медленно отступать. Раздраженный этимъ сопротивленіемъ Гастонъ кинулся на нее съ отрядомъ изъ двадцати человѣкъ, прорвался въ ея ряды и нашелъ въ нихъ смерть (1512).

Съ этой эпохи счастье оставило Людовика XII. Въ Миланѣ опять усилилась фамилія Сфорцовъ, а во Флоренціи домъ Медичи. Швейцарцы разбили королевскую армію при Новаррѣ, Англичане при Гинегатѣ. Въ одно время на Францію напали Испанцы, Швейцарцы и Англичане; союзники ея, Шотландцы и Наварцы, были побѣждены. Швейцарцы, подъ именемъ Максимиліана Сфорцы, управляли Миланомъ; Франція и Венеція были унижены; императоръ разстроенъ; а Фердинандъ, завоеваніемъ Наварры, открылъ для себя границы Франціи. Людовикъ XII заключилъ перемиріе съ Фердинандомъ; отказался отъ Пизскаго собора; оставилъ за Максимиліаномъ Сфорцою Миланское герцогство и вступилъ въ бракъ съ сестрою Генриха VIII (1514). О правленіи его будетъ сказано ниже.

Между тѣмъ какъ Европа считата Францію подавленною, одряхлѣвшею, вмѣстѣ съ Людовикомъ XII, она нежиданно обнаружила въ себѣ новыя силы при юномъ наслѣдникѣ его Францискѣ I. Онъ взошелъ на престолъ 1-го Января 1515. Швейцарцы, воображавшіе, что всѣ проходы чрезъ Альпы находились въ ихъ рукахъ, съ удивленіемъ узнали, что Французское войско прочистило себѣ дорогу чрезъ долину Аржантіерскую. Двѣ тысячи пять сотъ человѣкъ, вооруженныхъ копьями, десять тысячь Басковъ, двадцать двѣ тысячи ландскнехтовъ

прошли чрезъ такое ущеліе, которое прежде доступно было однимъ только горнымъ охотникамъ. Когда Французская армія пришла къ Мариньяну, Швейцарцы, которыхъ считали подкупленными, напали на нее съ своими длинными пиками и шпагами; не имѣя ни артиллеріи, ни кавалеріи и полагаясь на одну тѣлесную силу, они кинулись на батареи, истреблявшія вдругъ цѣлыя ряды непріятеля, и выдержали болѣе тридцати нападеній страшной конницы, въ которой всадники и лошади казались закованными въ сталь. Подъ вечеръ они успѣли разъединить корпуса Французской арміи. Король, обнаружившій въ этомъ дѣлѣ необыкновенную храбрость, наконецъ увидѣлъ вокругъ себя только небольшое число воиновъ. Но въ продолженіе ночи Французы опять соединились, и на другой день съ большимъ ожесточеніемъ возобновили битву. Швейцарцы, услышавъ военный крикъ Венеціанъ—союзниковъ Франціи: Marco. Marco! и полагая, что вся Италіанская армія подоспѣла на поле битвы, сомкнули ряды свои, и съ такимъ гордымъ видомъ начали отступать, что никто не осмѣлился ихъ преслѣдовать. Получивъ отъ Франциска столько денегъ, сколько не могъ дать имъ Сфорца, они не являлись болѣе въ Италію. Папа также вступилъ въ переговоры съ побѣдителемъ и, уничтоживъ прагматическую санкцію, заключилъ съ нимъ конкордатъ, опредѣлявшій отношенія Галликанской церкви къ главѣ католическаго духовенства. Союзъ Папы и Венеціи долженствовалъ, казалось, облегчить для Франциска I завоеваніе Неаполитанскаго королевства. Юный Карлъ Австрійскій, владѣтель Нидерландовъ, получивъ послѣ дѣда своего, Фердинанда Католическаго, Испанію,

имѣлъ нужду въ мирѣ для того, чтобы упрочить за собою это обширное наслѣдство: Францискъ I спокойно наслаждался своею побѣдою вмѣсто того, чтобы докончить и воспользоваться ея плодами. Трактатъ Ноіонскій даровалъ на время спокойствіе Европѣ и далъ время двумъ соперникамъ приготовиться къ кровопролитной борьбѣ. (1516).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Войны Франциска I и Карла пятаго (1516—1585).

Если о шестнадцатомъ столѣтіи судить по войнамъ и политическимъ событіямъ; то онъ является намъ въ чертахъ кровавыхъ. Его начало ознаменовано разореніемъ Италіи наемными войсками Франциска I и Карла Пятаго, и ужасными опустошеніями, произведенными въ Венгріи Солиманомъ. Потомъ возникаютъ жестокія религіозныя войны, которыя вооружаютъ другъ противъ друга, не только народы и города, но частныхъ людей и даже кровныхъ родственниковъ. Остановившись на этой страницѣ Исторіи, надлежало бы подумать, что Европѣ суждено вновъ погрузиться въ варварство. Между тѣмъ среди ужаснѣйшихъ войнъ, угрожающихъ цивилизаціи неминуемою погибелью, науки и искусства подвигаются впередъ. Въ томъ самомъ году, въ которомъ происходила Равенская битва, кисть Микель-Анджело украсила Сикстову часовню. Юный Тарталіа, изувѣченный при взятіи Бресчіи, возстановилъ математику. Самая блистательная эпоха пра-

вовѣдѣнія новѣйшихъ временъ, эпоха Опиталя и Кюжà (Cujas) сходится съ кровавою эпохою Варѳоломеевской ночи.

Исключительный характеръ шестнадцатаго столѣтія, отличающій его совершенно отъ среднихъ вѣковъ, есть могущество общественнаго мнѣнія; оно становится въ немъ преобладающею силою человѣческихъ дѣяній. Генрихъ VIII не осмѣлился расторгнуть брака своего съ Екатериною Арагонскою, пока не испросилъ совѣта важнѣйшихъ университетовъ въ Европѣ; Карлъ Пятый силится доказать свою ревность къ вѣрѣ гоненіемъ на Мавровъ, между тѣмъ какъ въ то же время арміи его дѣлаютъ плѣнникомъ Папу и потомъ берутъ съ него выкупъ. Францискъ I, чтобы оправдать въ глазахъ подданныхъ связи свои съ Солиманомъ и Германскими лютеранами, первый изъ христіанскихъ государей возводитъ на костры протестантовъ Французскихъ. Самыя эти дѣйствія вѣронетерпимости были данью общественному мнѣнію.

Между тѣмъ какъ Франція внимательно слѣдитъ за умственными успѣхами Италіи, два народа, отличающіеся важнымъ характеромъ, совершенно предоставляютъ имъ науки и искусства, считая ихъ пустыми игрушками, или занятіемъ нечестивымъ. Испанцы, народъ, одаренный духомъ завоеванія и политики, полагаютъ основу могущества своего, какъ нѣкогда Римляне, въ привязанности къ своимъ старинымъ постановленіямъ и древнимъ религіознымъ вѣрованіямъ. Занятые управленіемъ Европою, которую пытаются подчинить своему владычеству, они рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касательно догматовъ вѣры, оставляютъ усмотрѣнію церковной власти. Испанія стремится къ единству по-

литическому и религіозному, а Германія, съ своею анархическою конституціею, предается духу нововведеній. Такимъ образомъ Франціи, по ея географическому положенію между ними, суждено служить обширнымъ полемъ сраженія двухъ противоположныхъ началъ. Борьба будетъ упорна и продолжительна: потому что обѣ партіи равносильны.

Какъ бы строго ни судили Франциска I и Льва X, не должно однако же смѣшивать ихъ съ унизительнымъ для человѣчества поколѣніемъ государей, окончившимъ предъидущее столѣтіе (Александръ VI, Людовикъ XI, Фердинандъ Католическій, Іаковъ III и пр.). Самыя ихъ ошибки носятъ отпечатокъ нѣкоторой славы и величія. Они не создали вѣкъ свой, но показали себя достойными его; они покровительствовали искусствамъ, и искусства краснорѣчиво ходатайствуютъ теперь за ихъ память. Доходы съ индулгенцій, продажа которыхъ возмутила Германію, употреблены были на живопись Ватикана и сооруженіе храма Св. Петра. Притѣснительные поборы Дюпрата уже забыты, а королевская типографія и училища существуютъ и по нынѣ.

Карлъ Пятый является намъ съ характеромъ болѣе суровымъ, окруженный своими государственными людьми и знаменитыми полководцами, каковы: Ланнуа, Пескеръ, Антоній де Лейва и множество другихъ. Онъ безпрестанно разъѣзжаетъ по всей Европѣ для личнаго обозрѣнія разсѣянныхъ частей своей обширной имперіи; съ каждымъ народомъ говоритъ его языкомъ; сражается съ Францискомъ I и Германскими протестантами, съ Солиманомъ и Варварійцами; онъ является настоящимъ наслѣдникомъ Карла Великаго, поборникомъ міра

христіанскаго. Впрочемъ въ немъ видѣнъ болѣе государственный человѣкъ, чѣмъ воинъ. Онъ первый образецъ государей новыхъ временъ; напротивъ Францискъ представляется намъ съ чертами героя среднихъ вѣковъ.

По смерти Максиміліана I-го (1519), короли: Французскій, Испанскій и Англійскій стали домогаться императорской короны; но курфирсты, опасаясь ихъ могущества, предложили императорскій престолъ Фридерику Мудрому, курфирсту Саксонскому. Фридерикъ уступилъ его королю Испанскому, и этою уступкою заслужилъ данное ему современниками прозваніе. Правда, Карлъ Пятый, изъ всѣхъ трехъ кандидатовъ, былъ самымъ опаснымъ для свободы Германіи, но за то онъ лучше другихъ могъ защищать эту страну отъ Турокъ. Завоеванія Селима и Солимана опять возбудили справедливыя опасенія Европы, какъ прежде военные успѣхи Магомета II. Одинъ только государь Испаніи, властитель королевства Неаполитанскаго и Австріи былъ въ состояніи оградить образованный міръ отъ вторженія варваровъ Азіи и Африки.

Соперничество Франциска I и Карла Пятаго въ достиженіи императорскаго престола породило между ними кровавыя войны. Первый требовалъ для себя Неаполитанскаго королевства, а для Генриха Албре Наварры; императоръ домогался уступки Бургундіи и Миланскаго герцогства, бывшаго леннымъ владѣніемъ имперіи. Ихъ военныя средства считались равносильными. Карлова имперія была обширнѣе, за то владѣнія короля Французскаго составляли болѣе соединенную массу; подданные перваго были богаче, но его власть ограниченнѣе. Французская кавалерія пользовалась

столь же хорошею славою, какъ и Испанская пѣхота. Побѣда должна была склониться на сторону того, кто успѣлъ бы пріобрѣсть дружбу короля Англійскаго. Генрихъ VIII справедливо могъ принять своимъ девизомъ: *кого я защищаю, тотъ и господинъ.* Оба соперника старались подкупить пенсіями перваго министра его кардинала Вольсея; оба они просили руки дочери Генриха, Маріи, одинъ для Дофина, другой для себя. Францискъ I выпросилъ у него свиданіе близъ Кале, и забывъ цѣль своего путешествія, которая состояла въ томъ, чтобы посредствомъ разныхъ угожденій заслужить его довѣріе и дружбу, оскорблялъ его самолюбіе своею любезностью и великолѣпіемъ. Карлъ Пятый, будучи гораздо искуснѣе Франциска, отправился лично въ Англію для свиданія съ Генрихомъ VIII. Обѣщаніемъ папскаго престола, онъ привлекъ на свою сторону Вольсея. Впрочемъ ему легче было успѣть, чѣмъ Франциску I: Генрихъ VIII былъ недоволенъ королемъ Французскимъ, который, вопреки правамъ Маргариты, вдовы Іакова IV и сестры короля Англійскаго, управлялъ Шотландіею чрезъ подданнаго и любимца своего герцога Альбани. Сверхъ этого, соединившись съ Карломъ Пятымъ, Генрихъ надѣялся возвратить себѣ часть владѣній, нѣкогда принадлежавшихъ его предкамъ во Франціи.

Все шло по желанію императора. Левъ X содѣйствовалъ его политикѣ; а по смерти Льва, Карлъ успѣлъ доставить папскій престолъ наставнику своему Адріану Утрехтскому. Французы пришли въ Испанію тогда, когда вспыхнувшій въ ней мятежъ былъ уже потушенъ (1521). Миланскій губернаторъ Лотрекъ, выгнавшій, какъ говорятъ, изъ Милана почти половину жителей, въ свою очередь

былъ вытѣсненъ изъ Ломбардіи. То же самое съ нимъ случилось и въ слѣдующемъ году; Швейцарцы, не получивъ полнаго жалованья, требовали увольненія отъ службы или битвы, и дали побѣдить себя. Вдовствующая королева, по ненависти къ полководцу, удерживала деньги, опредѣленныя на содержаніе войска.

Между тѣмъ какъ Франциckъ I готовился къ походу въ Испанію, Франціи угрожала величайшая опасность. Король имѣлъ неосторожность оскорбить Коннетабля Бурбона, того самаго, который всѣхъ больше содѣйствовалъ къ выигрышу Мариніанскаго сраженія. Карлъ, графъ Монпансіерскій и Дофинъ Овернскій, получилъ въ приданое за женою своею, внукою Людовика XI, герцогство Бурбонское, графства Клермонское, Маршское, и многія другія области; всѣ эти новыя пріобрѣтенія дѣлали его самымъ могущественнымъ вельможею Королевства. Между тѣмъ вдовствующая королева, Луиза Савойская, питала къ нему непримиримую вражду за то, что Коннетабль, по смерти жены своей, отказался вступить съ нею въ бракъ. Она начала оспаривать у него это богатое наслѣдство и выпросила у сына позволеніе наложить на владѣнія Коннетабля временный секвестръ. Раздраженный Бурбонъ рѣшился принять сторону императора (1523). Полувѣкомъ прежде, такое возмущеніе не считалось вѣроломствомъ. Самые благородные рыцари Франціи, Дюнуа и Іоаннъ Калабрскій, участвовали въ союзѣ *общественнаго блага*; недавно еще въ Испаніи Донъ Педро де Жиронъ, недовольный Карломъ V, въ его присутствіи отказался ему покорствовать, и принялъ начальство надъ коммунеросами (Communeros). Но теперь дѣло шло не

о возмущеніи противъ короля; въ эту эпоху оно было не возможно. Бурбонъ посягалъ на самую зависимость Франціи. Онъ обѣщалъ Карлу V вторгнуться въ Бургундію, лишь только Францискъ I перйдетъ Альпы, возмутить пять областей, находившихся въ его зависимости, и содѣйствовать къ раздѣленію Франціи между Испаніей и Англіей. Карлъ съ своей стороны обязывался возстановить Прованское королевство въ пользу Коннетабля. Послѣдній скоро имѣлъ случай быть свидѣтелемъ несчастій своего отечества. Императорская армія, подъ его предводительствомъ, разбила Французовъ при Біаграссѣ. Между ранеными онъ увидѣлъ рыцаря Баярда, лежавшаго въ изнеможеніи подъ деревомъ. Лице его было обращено къ непріятелю. »Я очень жалѣю, сказалъ Коннетабль Баярду, что вижу васъ въ такомъ положеніи; вы были самый добродѣтельный рыцарь. Не соболѣзнуйте обо мнѣ, возразилъ ему Баярдъ, потому что я умираю, какъ прилично честному человѣку; но мнѣ жалко васъ, видя, что вы служите противъ своего государя, отечества и присяги.«

Бурбонъ воображалъ, что при первомъ появленіи его во Францію, вассалы стекутся подъ его знамена; но обманулся. Императорскія войска, осаждавшія Марсель, отражены отъ этого города съ урономъ, и были обязаны своимъ спасеніемъ только поспѣшному отступленію, походившему на бѣгство. Вмѣсто того, чтобы истребить непріятеля въ Провансѣ, Францискъ I рѣшился лучше предъупредить его въ Италіи.

Въ эпоху, когда военное искусство и тактика рѣшали судьбу сраженій, Францискъ I воображалъ, что онъ живетъ во времена рыцарства. Онъ счи-

талъ безчестіемъ отступать и тогда, когда слѣдствіемъ отступленія была бы побѣда; упорствовалъ при осадѣ Павіи (1525), и не имѣлъ терпѣнія дождаться, пока императорское войско, которому худо платили жалованье, отказалось бы отъ службы. Отрядивъ 12,000 человѣкъ въ Неаполитанское королевство, онъ значительно ослабилъ свою армію. Сила его состояла преимущественно въ артиллеріи, а онъ рѣшился, какъ при Мариніанѣ, выиграть сраженіе съ кавалеріею, бросился впереди артиллеріи и сдѣлалъ ее вовсе безполезною. Швейцарцы ушли съ поля битвы; ландскнехты были разсѣяны. Старые герои Италійскихъ войнъ Ла Палиссъ и Ла Тремуль были убиты; король Наваррскій, Монморанси и многіе другіе попались въ плѣнъ. Францискъ I защищался пѣшій: подъ нимъ убили лошадь. Броня его, сохранившаяся до сихъ поръ, вся пробита была пулями и пиками. Къ счастію, одинъ изъ Французскихъ дворянъ, послѣдовавшихъ за Бурбономъ, замѣтилъ его и спасъ; но онъ не хотѣлъ сдаться измѣннику, и позвалъ къ себѣ вице-короля Неаполитанскаго, который на колѣнахъ принялъ отъ него шпагу. Вечеромъ, онъ написалъ матери своей слѣдующія слова: *все потеряно, кромѣ чести.*

Карлъ Пятый очень хорошо зналъ, что не все было потеряно; онъ не увеличилъ своего успѣха, и чувствовалъ, что Франція, не смотря на потерю арміи, была еще очень сильна. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы принудить своего плѣнника къ выгодному для себя трактату. Отправленный въ Испанію, Францискъ I ласкалъ себя надеждою, что ему стоитъ только увидѣть *своего шурина*, чтобы получить свободу. Но случилось иначе. Императоръ, чтобы

получить богатый выкупъ, обращался съ Францискомъ весьма худо. Между тѣмъ, Европа принимала живое участіе въ судьбѣ этого *короля — солдата*. Еразмъ, подданный Карла Пятаго, осмѣлился ходатайствовать за него у своего государя. Испанскіе вельможи, предлагая себя въ аманаты, просили Карла даровать ему свободу на честное слово; но Карлъ только тогда рѣшился освободить Франциска, когда увидѣлъ, что жизнь его въ опасности, и узналъ объ отрѣченіи его отъ престола въ пользу Дофина. Король Французскій долженъ былъ согласиться на самыя низкія условія; онъ отказывался отъ притязаній своихъ на Италію, обязывался удовлетворить требованіямъ Бурбона, уступалъ Бургундію, отдавалъ въ аманаты двоихъ сыновей своихъ; наконецъ, соглашался соединить двойнымъ бракомъ свой домъ съ Карловымъ (1526).

На этихъ только условіяхъ онъ получилъ свободу; но выходя изъ своей тюрьмы, онъ оставилъ тамъ свое прямодушіе и ту геройскую довѣренность къ другимъ, которыя до сихъ поръ составляли его славу. Находясь еще въ Мадритѣ, онъ тайно протестовалъ противъ трактата. По возвращеніи во Францію, ему было уже не трудно нарушить его. Генрихъ VIII, безпокоимый успѣхами Карла Пятаго, объявилъ себя союзникомъ Франціи. Папа, Венеціанская республика, Флоренція, Генуя, даже Герцогъ Миланскій, подпавшіе послѣ Павійской битвы подъ власть императорскихъ армій, смотрѣли на Французовъ, какъ на своихъ освободителей. Бургундскіе штаты, по приказанію Франциска, объявили, что онъ не имѣлъ никакого права на уступку нималѣйшей части Французскихъ владѣній, и когда Карлъ Пятый требовалъ выполненія трак-

тата, объвиняя его въ вѣроломствѣ, Францискъ отвѣчалъ, что онъ солгалъ безстыдно, и предлагалъ Карлу поединокъ и выборъ оружія.

Между тѣмъ, какъ Европа ожидала кровопролитной войны, Францискъ I думалъ только о томъ, какъ бы измѣнить нѣкоторыя статьи трактата. Италія была театромъ самой постыдной войны или лучше, не войны, а мучительной пытки, которую безоружный народъ долженъ былъ терпѣть отъ свирѣпыхъ солдатъ. Арміи Карла Пятаго, не получавшія исправно жалованья, не хотѣли покоряться никакой власти. Цѣлые десять мѣсяцевъ Миланъ былъ жертвою своевольства Испанскихъ войскъ. Лишь только въ Германіи узнали, что Италія предана грабежу, тринадцать или четырнадцать тысячь Нѣмцевъ поспѣшили переправиться чрезъ Альпы подъ предводительствомъ Георгія Фрондеберга, изступленнаго лютеранина, носившаго на шеѣ золотую цѣпь для того, чтобы задушить, какъ онъ говорилъ, Папу. Бурбонъ и Лейва вели эту разбойничью шайку или лучше, слѣдовали за нею. Дорогою приставали къ ней многіе Италіянскіе бродяги, которые не имѣя храбрости варваровъ, перенимали только ихъ пороки. Эта армія устремилась къ Феррарѣ и Болоніи; она едва не проникла въ Тоскану, и Испанцы клялись уже *разграбленіемъ Флоренціи*; но какое-то тайное чувство влекло Германцевъ, какъ нѣкогда предковъ ихъ Готовъ, къ Риму. Климентъ VII, вступившій уже въ переговоры съ вице-королемъ Неаполитанскимъ, видя приближеніе Бурбоновой арміи, казалось не замѣчалъ угрожающей опасности. Тогда какъ императорская армія быстрыми переходами шла къ Риму, онъ распустилъ лучшія свои войска,

*

полагая, можетъ быть, что безоружный Римъ возбудитъ къ себѣ нѣкоторое уваженіе. 6-го Мая, поутру, Бурбонъ началъ приступъ (1527). Чтобы свои и непріятели могли лучше узнавать его, онъ надѣлъ сверхъ латъ бѣлую одежду. Одинъ только успѣхъ могъ оправдать его въ этомъ нечестивомъ предпріятіи, — и онъ дрался съ необычайнымъ мужествомъ. Замѣтивъ, что Германская пѣхота слабо ему содѣйствуетъ, онъ самъ приставилъ къ стѣнѣ лѣсницу; но въ ту самую минуту, когда всходилъ по ней, былъ раненъ пулею въ поясницу. Чувствуя приближеніе смерти и чтобы на нѣсколько времени утаить отъ солдатъ потерю военачальника, онъ велѣлъ прикрыть мантіей свое тѣло. Солдаты страшно отмстили за смерть любимаго вождя. Въ первый день перерѣзали семь или восемь тысячь Римлянъ; не щадили ничего, ни монастырей, ни церквей, ни даже храма Св. Петра: всѣ площади покрыты были мощами и церковными одеждами, которыя Нѣмцы бросали, содравъ съ нихъ прежде золото и серебро. Испанцы будучи еще свирѣпѣе и корыстолюбивѣе, впродолженіе почти цѣлаго года, каждый день производили ужаснѣйшіе грабежи; вездѣ слышны были только вопли несчастныхъ, которыхъ пытками заставляли говорить, гдѣ сокрыты были ихъ деньги.

Вся Европа вознегодовала, узнавъ о разграбленіи Рима и плѣненіи Папы. Карлъ Пятый приказалъ молиться во всѣхъ церквахъ объ освобожденіи Первосвященника, бывшаго плѣнникомъ болѣе императорской арміи, чѣмъ императора. Францискъ I призналъ это время благопріятнымъ для вторженія въ Италію, хотя вступленіе его войскъ, нѣсколькими мѣсяцами прежде, могло бы спасти Римъ

и Миланъ. Между тѣмъ, какъ вожди императора убѣждали солдатъ своихъ выступить изъ Рима, Лотрекъ двинулся къ Неаполитанскимъ владѣніямъ; но его опять оставили безъ денегъ, какъ и въ первыя войны; зараза истребила его армію. Пока сообщенія съ Франціею моремъ не были прерваны, еще можно было надѣяться на успѣхъ; но Францискъ I имѣлъ неосторожность раздражить Генуэзца Дорія, перваго моряка того времени. *Казалось*, говоритъ Монлюкъ, *что море боялось этого человѣка.* Ему не заплатили выкупа за принца Оранскаго, не давали содержанія его галерамъ; вопреки ему назначили новаго адмирала. Но болѣе всего раздражило его противъ Франциска нарушеніе привиллегій Генуи, и намѣреніе перенести торговлю этого города въ Савонну. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить жалобамъ Дорія, король велѣлъ его арестовать. Такъ какъ срокъ, до котораго Дорія обязался служить Франціи, минулъ, то онъ перешелъ къ императору съ тѣмъ условіемъ, чтобы его отечество было независимо, и снова получило въ свое владѣніе Лигурію. Карлъ Пятый обѣщалъ признать его Женевскимъ государемъ, но онъ лучше хотѣлъ оставаться первымъ гражданиномъ свободнаго города.

Между тѣмъ оба соперника желали мира. Успѣхи Лютерова ученія и нашествіе страшнаго Солимана, осаждавшаго самую Вѣну, сильно безпокоили Карла Пятаго. Съ другой стороны, Францискъ I, истощенный продолжительною борьбою, помышлялъ только о томъ, какъ бы на счетъ союзниковъ получить для себя выгоднѣйшія условія. Онъ хотѣлъ освободить дѣтей своихъ, не уступая Бургундіи. Даже наканунѣ заключенія мира, онъ

увѣрялъ своихъ Италійскихъ союзниковъ, что никогда не пожертвуетъ ихъ выгодами. Онъ не позволилъ Флорентинцамъ заключить особый миръ съ императоромъ, и подписалъ трактатъ Камбрейскій, которымъ предавалъ мщенію Карла не только ихъ, но Венеціанъ и всѣхъ прочихъ своихъ союзниковъ (1528). Этотъ постыдный трактатъ навсегда отнялъ Италію у Французовъ. Съ того времени главнымъ театромъ войны были Савоія, Пикардія, Нидерланды и Лотарингія.

Тогда какъ спокойствіе начинало водворяться между христіанскими государствами, невѣдомое до толѣ въ Европѣ зло опустошало прибрежья Италіи и Испаніи. Въ эту эпоху Варварійцы начинали торговать бѣлыми. Турки сначала разоряли страны, въ которыя вступали съ оружіемъ; слѣдуя этой системѣ, они обратили въ пустыню южную Венгрію и западныя области Греческой имперіи. Татары и Варварійцы, эти отважные сподвижники Оттоманскаго могущества, распространяли опустошенія на Востокѣ и на Югѣ. Рыцари Родосскіе, поселенные Карломъ Пятымъ на островѣ Мальтѣ, были слишкомъ слабы для того, чтобы очистить моря отъ безчисленныхъ кораблей Тунисскаго Бея и адмирала Солиманова, Барберуссы. Карлъ Пятый рѣшился напасть на самый притонъ разбойниковъ (1535). Пятьсотъ судовъ перевезли въ Африку тридцать тысячъ войска, большею частію ветерановъ, служившихъ въ Италійскіе походы. Къ этому флоту присоединили свои силы Папа, король Португальскій и Дорія; надъ флотомъ начальствовалъ самъ императоръ; знатнѣйшее Испанское дворянство участвовало въ экспедиціи. Барберусса не могъ противиться страшнымъ силамъ, ка-

кихъ христіанство, со временъ крестовыхъ походовъ, еще не выставляло противъ невѣрныхъ. Гулетта взята была приступомъ, Тунисъ сдался, и двадцать тысячь плѣнныхъ христіанъ, освобожденныхъ изъ рабства, на счетъ императора, возвращены въ свое отечество. По всей Европѣ благословляли имя Карла Пятаго.

Поступки Франциска I были совершенно противоположны. Въ это самое время, онъ объявилъ о своемъ союзѣ съ Солиманомъ (1554); велъ переговоры съ Германскими протестантами и съ Генрихомъ VIII, который развелся съ своею женою, теткою Карла Пятаго, и отступилъ отъ догматовъ католической церкви. Ни одинъ изъ новыхъ союзниковъ не былъ ему полезенъ. Солиманъ потерялъ своихъ янычаровъ на обширныхъ равнинахъ Азіи. Генрихъ VIII былъ слишкомъ занятъ религіозною реформою, которую онъ старался ввести въ свое королевство. Смалькальдскіе союзники не могли имѣть довѣренности къ государю, который ласкалъ протестантовъ въ Дрезденѣ и жегъ ихъ въ Парижѣ. За всѣмъ тѣмъ, Францискъ предпринялъ новый походъ въ Савоію и Миланъ (1536). Герцогъ Савойскій, опасаясь притязаній матери Французскаго короля (Луизы Савойской) на его владѣнія, вступилъ въ бракъ съ свояченицею Карла Пятаго. Герцогъ Миланскій, чтобы отклонить отъ себя обвиненія въ тайныхъ сношеніяхъ съ Французами, подъ самымъ неосновательнымъ предлогомъ велѣлъ умертвить посла Франциска I. Карлъ Пятый, находясь въ Римѣ, въ присутствіи посланниковъ всѣхъ христіанскихъ государей, объявилъ, что »еслибы онъ не чувствовалъ себя сильнѣе своего соперника, то въ туже минуту съ свя-

занными руками и съ веревкою на шеѣ бросился бы къ его ногамъ и сталъ просить пощады.« Еще предъ выступленіемъ въ походъ, онъ роздалъ своимъ приближеннымъ помѣстья и высшія должности Французскаго королевства.

Дѣйствительно, всѣ считали Франциска I погибшимъ. Никто не зналъ внутреннихъ силъ Франціи. Въ 1533 году король рѣшился ввѣрить защиту своего государства пѣхотѣ, набранной изъ природныхъ Французовъ. Онъ помнилъ, что Швейцарцы были причиною потери Бикокскаго сраженія, а можетъ быть и Павійскаго; что ландскнехты, наканунѣ Равеннской битвы, отозваны были императоромъ. Но съ другой стороны, онъ опасался дать оружіе народу. Указомъ объ охотѣ, выданнымъ въ 1517 г. Францискъ I строго запретилъ своимъ подданнымъ носить оружіе. Не смотря однакоже на это запрещеніе, обстоятельства принудили его сформировать въ пограничныхъ областяхъ семь легіоновъ, каждый въ шесть тысячь человѣкъ. Еще не успѣлъ онъ вполнѣ образовать это войско, какъ уже арміи Карла Пятаго въ одно время вторглись въ Провансъ, Шампань и Пикардію. Францискъ I, не полагаясь на храбрость своихъ легіоновъ, рѣшился другими средствами остановить движенія непріятелей. Онъ приказалъ Маршалу Монморанси, всю область Прованскую, отъ самыхъ Альповъ до Марсели, и отъ моря до Дофине, обратить въ пустыню; деревни, фермы, мельницы, были преданы пламени, всѣ посѣвы истреблены. Маршалъ расположился лагеремъ въ одномъ неприступномъ мѣстѣ, между Роною и Дюрансою, терпѣливо ждалъ ослабленія императорской арміи, занятой осадою Марсели. Въ самомъ

дѣлѣ Карлъ Пятый принужденъ былъ отступить и согласиться на перемиріе, въ которомъ посредникомъ былъ самъ Папа (Нисское перемиріе, 1538). Чресъ мѣсяцъ послѣ того Карлъ и Францискъ имѣли свиданіе въ Егъ-Мортѣ; эти государи, нанесшіе другъ другу сильныя оскорбленія, и послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ обвинялъ другаго въ отравленіи дофина, клялись въ вѣчной дружбѣ.

По главнѣйшею причиною перемирія должно считать то, что оба соперника истощили свои силы. Карлъ Пятый, желая пріобрѣсть благосклонность кортесовъ Кастиліи, даровалъ этой области право имѣть, по примѣру Аррагоніи, постоянныхъ депутатовъ, и возобновилъ законъ, которымъ всѣ иностранцы устранялись отъ государственныхъ должностей; но не смотря на это, онъ не могъ получить денежнаго вспоможенія ни въ 1527, ни въ 1533, ни въ 1538 годахъ. Гентъ не хотѣлъ платить новыхъ налоговъ, — и возмутился. Управленіе Мексики не было еще устроено; Перу, опустошаемый междоусобною войною, принадлежалъ еще первымъ его завоевателямъ. Императоръ принужденъ былъ продать большую часть королевскихъ помѣстій, вошелъ въ долги на семь милліоновъ червонныхъ, и уже ни въ одномъ банкѣ не могъ занять денегъ, даже по 13 и 14 процент. Это обстоятельство около 1539 года возбудило всеобщій мятежъ въ арміяхъ Карла Пятаго. Онѣ возмутились въ Сициліи, разграбили Лотарингію, даже грозили сдать Барберуссѣ Гулетту. Нужно было непремѣнно уплатить имъ недоданное жалованье, и большую часть изъ нихъ распустить.

Обстоятельства короля Французскаго были не менѣе затруднительны. Со времени возшествія

на престолъ Карла VIII, народное богатство, благодаря внутреннему спокойствію королевства, получило необычайное развитіе; но государственные расходы многимъ превышали доходы. Карлъ VII платилъ жалованье войску, только изъ тысячи семи сотъ человѣкъ состоящему; напротивъ Францискъ I содержалъ почти три тысячи, не считая шести тысячь легкой конницы и двѣнадцати а иногда и пятнадцати тысячь Швейцарцевъ. Количество налоговъ при Карлѣ VII составляло не болѣе двухъ милліоновъ франковъ; Людовикъ XI получалъ пять милліоновъ, а Францискъ около девяти. Для прикрытія этихъ расходовъ, короли, съ 1480 г. не созывали государственныхъ чиновъ; но замѣнили ихъ собраніемъ нотаблей (1536); а всего чаще они сами выдавали о новыхъ налогахъ указы, которые вносимы были для засвидѣтельствованія въ Парижскій Парламентъ. Людовикъ XII, *отецъ народа*, сначала убавилъ подати, и объявилъ продажными только должности по части финансовой (1498); но подъ конецъ своего царствованія принужденъ былъ увеличить налоги и продать часть собственно королевскихъ имуществъ (1511, 1514). Францискъ I установилъ новыя подати (особенно въ 1523), умножилъ судебныя должности, объявилъ ихъ продажными (1515, 1522, 1524), продавалъ королевскія имѣнія (1532, 1544) и установилъ наконецъ королевскую лотерею (1539).

Эта удобность разоряться, нѣкоторымъ образомъ давала ему преимущество надъ Карломъ Пятымъ. Онъ воспользовался имъ въ то время, когда экспедиція Карла противъ Алжира оказалась безуспѣшною (7541—42). Карлъ Пятый, за два года предъ тѣмъ, въ проѣздъ чрезъ Францію для усми-

ренія Гента, обѣщалъ королю доставить второму сыну его, Герцогу Орлеанскому, корону Милана. Герцогиня Этампъ, имѣвшая большое вліяніе на умъ короля, замѣчая, что здоровье его день ото дня становится слабѣе, и опасаясь ненависти дофиновой любовницы, Діаны Пуатіерской, старалась выхлопотать для герцога Орлеанскаго независимое владѣніе, гдѣ бы она, по смерти Франциска I, могла найти себѣ безопасное убѣжище. Къ этой существенной причинѣ войны должно присовокупить убійство двухъ Французскихъ пословъ, проѣзжавшихъ чрез Италію къ Солиману, совершенное въ Миланской области, по приказанію императорскаго правительства, для того, чтобы захватить ихъ бумаги. Францискъ I полагался на союзъ свой съ Турками, на связи съ протестантскими государями Германіи, Даніи и Швеціи; онъ вступилъ въ родство съ Вильгельмомъ, терцогомъ Клевскимъ, за котораго выдалъ племянницу свою Іоанну д'Албре, бывшую въ послѣдствіи матерью Генриха IV. Почти въ одно и тоже время онъ вторгся въ Руссильонъ, Піемонтъ, Люксамбургъ, Брабантъ и Фландрію. Солиманъ присоединилъ свой флотъ къ Французской эскадрѣ; но они безъ успѣха бомбандировали Ниссків замокъ. Между тѣмъ нечестивый союзъ христіанскаго государя съ послѣдователемъ Магомета вооружилъ весь христіанскій міръ. Тѣ самые, которые дослѣ благопріятствовали Франциску, теперь, жертвуя выгодами Европы, пристали къ Карлу Пятому. Имперія объявила войну союзнику Турокъ. Король Англійскій, примирившійся, по смерти Екатерины Аррагонской, съ Карломъ, явился опять противникомъ Франциска I, который, между тѣмъ, выдалъ дочь свою за короля Шотланд-

скаго. Генрихъ VIII разбилъ Іакова V (1543), а Карлъ Пятый одержалъ рѣшительную побѣду надъ герцогомъ Клевскимъ (1543); не опасаясь болѣе нападеній съ тылу, они условились вторгнуться во владѣнія Франциска I. Франція, не смотря на то, что осталась безъ союзниковъ, оказала неожиданное сопротивленіе; она выслала пять армій и изумила союзниковъ блистательною побѣдою при Серизолѣ. Карлъ Пятый, получая слабую помощь отъ Генриха VIII и озабоченный успѣхами Солимана въ Венгріи, принужденъ былъ въ тринадцати льё отъ Парижа заключить миръ, по которому Францискъ отказывался отъ Неаполитанскихъ владѣній, а Карлъ отъ Бургундіи; герцогъ Орлеанскій долженъ былъ получить Миланъ (1545). Вскорѣ потомъ и Англійскій король примирился съ Французскимъ, и оба умерли въ томъ самомъ году, въ которомъ заключенъ былъ миръ.

Это событіе не прекратило продолжительной борьбы между двумя могущественными державами Европы; но къ ней примѣшались и религіозные интересы, которыхъ невозможно понять, не объяснивъ прежде успѣховъ Реформы въ Германіи. Теперь мы должны остановиться и обозрѣть внутреннее положеніе Франціи, въ продолженіе войнъ Франциска I съ Карломъ Пятымъ.

Въ царствованіе Франциска I королевская власть во Франціи достигла высшей точки своего могущества; большую силу она получила въ послѣдствіи при кардиналѣ Ришельё. Прежде всего, заключивъ съ Папою конкордатъ (1515), онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ духовную власть; ограничилъ вѣдомство духовныхъ судовъ (1539); потомъ ввелъ строгій полицейскій порядокъ и за-

ставилъ Парламентъ повиноваться себѣ безусловно. Власть Парижскаго Парламента, еще при Карлѣ VII и Людовикѣ XI, была значительно ослаблена учрежденіемъ Парламентовъ въ Греноблѣ, Бордо и Дижонѣ (1451, 1462, 1477); Людовикъ XII еще болѣе ограничилъ ее, установленіемъ Парламентовъ въ Руанѣ и въ Э (1499, 1501). Въ продолженіе плѣна Франциска I, Парижскій Парламентъ, желая возвратить себѣ прежнюю важность, предалъ суду канцлера Дюпрата. Но по возвращеніи короля, ему запрещено было заниматься впредь политическими дѣлами, а введенная Францискомъ продажа должностей и чрезмѣрное ихъ умноженіе еще болѣе ослабили его вліяніе.

Францискъ I хвалился, что онъ поставилъ королевскую власть выше всѣхъ законовъ; но непрестанно возраставшее въ его царствованіе волненіе умовъ предвѣщало новые мятежи. Духъ свободы примѣшивался къ религіознымъ преніямъ для того, чтобы потомъ, съ новою силою, проникнуть въ постановленія политическія. Сначала преобразователи ограничивались нападеніемъ на нравы духовенства; разговоры Эразма, напечатанные въ числѣ двадцати четырехъ тысячь экземпляровъ, были всѣ раскуплены; псалмы, переведенные Маротомъ, подобно романсамъ, распѣваемы были дворянами и дамами. Въ тоже время повелѣніе, которымъ предписывалось всѣ законы обнародовать на Французскомъ языкѣ, давало всякому возможность разсуждать о дѣлахъ политическихъ (1538). Ко двору Маргариты Наваррской и герцогини Феррарской стекались послѣдователи всѣхъ новыхъ мнѣній. Въ Неракѣ встрѣчались, въ лицѣ Марота и Кальвина, самое вѣтреное легкомысліе съ мрачнымъ фанатиз-

момъ. Сначала это движеніе умовъ не возбуждало въ душѣ Франциска никакихъ опасеній. Онъ защитилъ первыхъ протестантовъ Французскихъ противъ гоненій духовенства (1523, 1524). Въ 1524 г. когда онъ тѣснѣе соединился съ протестантами Германіи, Меланхтонъ получилъ отъ него порученіе составить новый Символъ вѣры; онъ благопріятствовалъ религіозному перевороту въ Женевѣ, которая содѣлалась потомъ пристанищемъ Кальвинизма (1535) Но по возвращеніи изъ Мадрита, онъ сталъ гораздо строже къ протестантамъ. Въ 1527 и 1534 гг., когда приверженцы новаго ученія начали оскорблять св. иконы и прибивать пасквили на самыхъ стѣнахъ Лувра, множество протестантовъ было сожжено въ присутствіи короля и всего двора. Въ 1535, онъ, подъ смертною казнію, запретилъ книгопечатаніе, и въ томъ же году, вслѣдствіе настоятельнаго требованія Парламента, замѣнилъ это запрещеніе цензурою.

Конецъ царствованія Франциска I ознаменованъ былъ ужаснымъ происшествіемъ. Вальденсы, жившіе въ неприступныхъ долинахъ Прованса и Дофине, сохраняли древніе расколы и, казалось, готовы были принять новое ученіе Кальвина. Ихъ положеніе среди Альповъ, въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ самою природою, внушало правительству большія опасенія. Парламентъ города Э приказалъ въ 1540 г. сжечь главные пункты ихъ сходбищъ, Кабріеру и Мериндоль. По отступленіи Карла Пятаго (1545) этотъ приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе, не взирая на представленіе епископа Карпантраскаго, Садолета. Президентъ Оппедскій, королевскій адвокатъ Геренъ и капитанъ Поленъ, бывшій прежде агентомъ короля въ Турціи, про-

никли въ долины, съ неслыханною жестокостію истребили жителей, и всю страну обратили въ пустыню. Это ужасное опустошеніе можетъ, по справедливости, считаться главнѣйшею причиною тогдашнихъ междоусобныхъ войнъ.

Лютеранское ученіе имѣло во Франціи мало успѣховъ; но оно принесло ей пользу тѣмъ, что содѣйствовало къ униженію императора. Между тѣмъ, какъ Маврикій Саксонскій шелъ на Инспрукъ (1552), чтобы захватить тамъ Карла Пятаго, а Генрихъ II провозглашалъ себя покровителемъ имперскихъ князей, императоръ тщетно силился взять Мецъ, защищаемый великимъ Гюизомъ. Оставленный счастіемъ, *которое не любитъ стариковъ*, онъ передалъ имперію брату, а королевства сыну, и остатокъ своей жизни провелъ въ Сенъ-Жюстѣ, въ уединеніи. Похороны, которые онъ велѣлъ совершить еще при жизни своей, служили вѣрнымъ изображеніемъ его померкшей славы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Кальвинъ, Реформа до ночи Св. Варѳоломея (1555 — 1572).

Въ первомъ своемъ возрастѣ реформа только разрушала; во второмъ она пыталась создавать. При появленіи своемъ она дѣйствовала за-одно съ гражданскою властію: Лютеранское ученіе, во многихъ отношеніяхъ, было дѣломъ государей, которымъ оно покоряло церковь. Народы еще ждали

для себя реформы и получили ее отъ Іоанна Кальвина, Французскаго протестанта, укрывшагося въ Женевѣ. Первая покорила сѣверную Германію, вторая взволновала Францію, соединенныя Нидерланды, Англію и Шотландію. Вездѣ встрѣчала она Испанскую державу непреклонною своею противницею, и вездѣ ее побѣждала.

Когда Кальвинъ прибылъ изъ Перака въ Женеву (1535), этотъ городъ былъ уже освобожденъ отъ мѣстнаго епископа и герцоговъ Савойскихъ, но въ немъ происходили ужасныя волненія отъ заговоровъ *Мамелюсовъ* (Serviles) и безпрестанныхъ оскорбленій, наносимыхъ ими дворянамъ, принадлежавшимъ къ обществу, называвшемуся: *confrerie de la cuiller*. Здѣсь Кальвинъ, поставивъ себя судьею между язычествомъ Цвинглія и Папизмомъ Лютера, сдѣлался проповѣдникомъ и законодателемъ (1541—64). Церковь составила демократію и поглотила государство. Кальвинизмъ, по примѣру католической религіи, былъ независимъ отъ всякой временной власти. Союзъ между Берномъ и Фрибургомъ дозволялъ преобразователямъ свободно проповѣдывать подъ защитою Швейцарскихъ копій. Находясь между Италіею, Швейцаріею и Франціею, Кальвинъ поколебалъ весь Западъ. Онъ не имѣлъ ни пылкости, ни добродушія, ни насмѣшливости Лютера. Слогъ его былъ мраченъ и ѣдокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ силенъ, сжатъ и поразителенъ. Болѣе основательный въ своихъ сочиненіяхъ, нежели въ поступкахъ, Кальвинъ началъ тѣмъ, что сталъ требовать у Франциска I вѣротерпимости, а кончилъ приказаніемъ сжечь Сервета.

Вальденсы и вообще жители полуденной Франціи, дѣятельные и безпокойные, прежде всѣхъ по-

кусившіеся свергнуть съ себя иго въ средніе вѣки, приняли новое ученіе. Изъ Женевы и Наварры оно распространилось до торговаго города Ла-Рошели и просвѣщенныхъ въ то время внутреннихъ городовъ: Пуатье, Буржа и Орлеана; проникло въ соединенныя Нидерланды, и принято толпами Редерикеровъ (Rederikers), вопіявшихъ повсюду на злоупотребленія. Оттуда перешло оно за-море, остановило побѣду Генриха VIII надъ Папою и возсѣло на Англійскомъ престолѣ съ Эдуардомъ VI (1547), между тѣмъ, какъ въ тоже время перенесено Кноксомъ въ дикую Шотландію, и остановилось только при входѣ въ горы, которыхъ обитатели (Highlanders) хранили еще вѣру своихъ предковъ и наслѣдственную ненависть къ еретикамъ — Саксонцамъ.

Сходьбища послѣдователей новаго ученія сначала дѣлались тайно. Первыя изъ нихъ, происходившія во Франціи, были въ Парижѣ, въ улицѣ Св. Іакова, около 1550 года; вскорѣ онѣ умножились, такъ что и костеръ не въ состояніи былъ прекратить ихъ; для народа было неизъяснимо сладостно слушать слово Божіе на своемъ природномъ языкѣ. Многіе были привлекаемы любопытствомъ, другіе состраданіемъ, а нѣкоторые самою даже опасностію. Въ 1550 г. во Франціи находилась одна только реформатская церковь, а въ 1561-мъ ихъ было болѣе двухъ тысячь. Иногда реформаты собирались на открытомъ полѣ, въ числѣ, простиравшемся до восьми или десяти тысячь человѣкъ; священникъ становился на повозкѣ или на кучѣ сложенныхъ въ одно мѣсто деревьевъ; народъ располагался по вѣтру, чтобы лучше слышать проповѣдь, а потомъ всѣ вмѣстѣ, мужчины, женщины и дѣти начинали

пѣть псалмы. Тѣ, которые имѣли оружіе стояли кругомъ на стражѣ. Разнощики приходили сюда съ разными книжонками и картинками, писанными противъ епископовъ и Папы.

Впрочемъ кальвинисты не долго ограничивались этими сходьбищами. Столь же чуждые терпимости, какъ и гонители ихъ, они хотѣли истребить такъ называемое ими *идолопоклонство*; начали ниспровергать алтари, жечь иконы и разрушать церкви. Еще въ началѣ 1561 г. они настоятельно требовали отъ Французскаго короля, чтобы онъ истребилъ образа Іисуса Христа и Святыхъ.

Таковы были противники, которыхъ Филиппъ II вознамѣрился покорить и уничтожить. Они вездѣ преграждали ему дорогу. Въ Англіи препятствовали супружеству его съ Елисаветою (1558); во Франціи подрывали могущество преданныхъ ему Гюизовъ (1561); въ Соединенныхъ Нидерландахъ фанатизмомъ своимъ поддерживали дѣло общественной свободы.

Космополиту, каковъ былъ Карлъ V, наслѣдовалъ государь—Кастилецъ, въ полномъ смыслѣ слова; онъ презиралъ всѣ иноземные языки, гнушался всякимъ вѣрованіемъ, чуждымъ его вѣрованію, и желалъ повсюду ввести единообразныя формы правленія, законодательства и религіи. Онъ сначала принудилъ себя вступить въ бракъ съ Англійскою королевою Маріею (1555); но не могъ обмануть этимъ Англичанъ. Выпитый имъ торжественно, при выходѣ на берегъ, стаканъ пива и проповѣди его духовника о вѣротерпимости, нисколько не пріобрѣли ему благосклонности народа. Вѣрили больше кострамъ, возжигаемымъ его супругою. По смерти Маріи (1558) онъ уже не притвор-

ствовалъ; ввелъ Испанскія войска въ Соединенныя Нидерланды, поддержалъ тамъ могущество инквизиціи и при выѣздѣ своемъ объявилъ, нѣкоторымъ образомъ, войну защитникамъ свободы отечества въ лицѣ принца Оранскаго. Наконецъ вступивъ въ бракъ съ дочерью Генриха II, Елисаветою, соединился съ нимъ противъ внутреннихъ враговъ, равно угрожавшихъ имъ обоимъ (миръ Като-Камбрезійскій, 1559). Празднества, по случаю этого грознаго мира, имѣли въ себѣ что-то печальное. На турнирѣ, данномъ у самой Бастиліи, гдѣ протестантъ Дюбургъ ожидалъ смерти, король былъ раненъ; бракъ совершенъ ночью, въ церкви Св. Павла, въ то время, какъ онъ испускалъ послѣдній вздохъ. Возвратившись въ свои владѣнія, Филиппъ II велѣлъ сооружить, въ память побѣды своей при Сенъ-Кентенѣ, Ескуріальскій монастырь, пожертвовавъ на него пятьдесятъ милліоновъ піастровъ. Миль за семь видно это мрачное зданіе, построенное все изъ гранита. Стѣны его не украшены никакою рѣзьбою; одно смѣлое устройство сводовъ составляетъ всю его красоту.

Въ эту эпоху, въ Испаніи умы дошли до последней степени религіознаго изступленія. Быстрые успѣхи еретиковъ во всей Европѣ; побѣда, которую они посредствомъ Аугсбургскаго трактата одержали надъ Карломъ Пятымъ; неистовство ихъ противъ иконъ; оскверненіе Св. Таинъ,— все это, расказываемое проповѣдниками устрашеннымъ Испанцамъ, усугубляло ихъ ревность къ вѣрѣ. Игнатій Лойола основалъ Іезуитскій орденъ, совершенно преданный папскому престолу (1534—1540). Св. Тереза преобразовала орденъ Кармелитокъ и воспламеняла всѣхъ огнемъ мистической любви. Кармелиты, нищен-

ствующія братства скоро подверглись тому же преобразованію. Уставъ инквизиціи былъ изданъ въ 1561 году. За исключеніемъ Маврскихъ племенъ, вся Испанія была единодушна въ порывѣ своей изступленной ненависти къ невѣрнымъ и еретикамъ. Будучи соединена тѣсными связями съ Португаліею, управляемою Іезуитами, располагая войсками, оставшимися еще отъ Карла Пятаго, и сокровищами двухъ полушарій, она вознамѣрилась подчинить Европу своей власти и своей вѣрѣ.

Разсѣянные протестанты соединились во имя королевы Елисаветы, которая предложила имъ и убѣжище и покровительство. Она вездѣ поощряла ихъ къ сопротивленію Филиппу II и католикамъ. Пользуясь неограниченною властію въ своихъ владѣніяхъ, Филиппъ и Елисавета дѣйствовали внѣ своихъ государствъ съ ожесточеніемъ двухъ начальниковъ партій. Тщеславная набожность Филиппа и рыцарскій духъ двора Елисаветы, согласовались съ системою происковъ и развращенія; но побѣда должна была остаться на сторонѣ Елисаветы; ей содѣйствовало время. Деспотизмъ свой она облагороживала энтузіазмомъ, который умѣла возбуждать въ народѣ; за нее стояли даже тѣ, которыхъ она преслѣдовала. Одинъ изъ пуританъ, приговоренный къ отсѣченію руки, по исполненіи приговора, схватилъ свою шляпу другою рукою и, бросая ее на воздухъ, кричалъ: *да здравствуетъ королева!*

Прошло тридцать лѣтъ прежде вступленія противниковъ въ борьбу, которая происходила сперва въ Шотландіи, потомъ во Франціи и въ Соединенныхъ Нидерландахъ.

Въ Шотландіи, она была непродолжительна (1559—1567). Соперница Елисаветы, прелестная Марія Стуартъ, оставшись на 19 году вдовою, по смерти Франциска II, видѣла себя иноземкою среди своихъ подданныхъ, которые ненавидѣли въ ней Гюизовъ, ея дядей, начальниковъ католической партіи во Франціи. Шотландскіе бароны, поддерживаемые Англіею, соединились съ ея мужемъ, лордомъ Дарнлеемъ, и умертвили предъ ея глазами Италіанскаго музыканта Риччіо, ея любимца. Спустя нѣсколько времени, домъ, въ которомъ жилъ Дарнлей, близъ Голируда, взорванъ былъ на воздухъ, и самъ Дарнлей погребенъ подъ его развалинами; а Марія, похищенная главнымъ виновникомъ преступленія, вышла за него замужъ, съ собственнаго-ли согласія или противъ воли, неизвѣстно. Королева и партія бароновъ обвиняли другъ друга. Но Марія была менѣе сильна; ей оставалось одно только убѣжище — владѣнія смертельной ея непріятельницы, которая задержала ее тамъ плѣнницею, поручила, кому хотѣла, попеченіе надъ юнымъ сыномъ Маріи, царствовала ея именемъ въ Шотландіи и могла такимъ образомъ съ большимъ успѣхомъ противоборствовать Филиппу II.

Но тайная вражда между Елисаветою и Филиппомъ обнаруживалась преимущественно во Франціи и въ Соединенныхъ Нидерландахъ. Душею протестантской партіи въ обѣихъ земляхъ были принцъ Оранскій, Вильгельмъ Молчаливый, и тесть его адмиралъ Колиньи; полководцы несчастливые, но политики глубокіе, одаренные геніемъ мрачнымъ и непреклоннымъ, одушевлявшіеся демократическимъ инстинктомъ кальвинистовъ, не смотря на то, что кровь Нассау и Монморанси текла въ ихъ жилахъ.

Будучи полковникомъ пѣхотныхъ войскъ при Генрихѣ II, Колиньи привлекъ къ себѣ все мелкое дворянство и ввелъ въ Ла-Рошели республиканскія учрежденія, тогда какъ принцъ Оранскій ободрялъ составившуюся въ то время особую конфедерацію, извѣстную подъ названіемъ: *la confederation des Gueux*, и полагалъ основаніе республики болѣе прочной.

Великій Гюизъ, и братъ его кардиналъ Лотарингскій, управляли Франціею при Францискѣ II, супругѣ племянницы ихъ, Маріи Стуартъ (1560). Гюизъ сталъ кумиромъ народа съ тѣхъ поръ, какъ въ восемъ дней отнялъ у Англичанъ Кале. По бѣдственное состояніе Франціи заставило его отобрать проданныя прежде королевскія имѣнія и уничтожить налогъ, доставлявшій средства къ содержанію пятидесяти тысячь войска, то есть, обезоружить правительство въ такое время, когда возгаралась революція. Въ Фонтенбло собралось нѣсколько тысячь просителей, и кардиналъ Лотарингскій, не зная что имъ отвѣчать, приказалъ объявить, что кто изъ нихъ въ двадцать четыре часа не оставитъ города, тотъ будетъ повѣшенъ.

Бурбоны (Антонъ, король Наваррскій, и Людовикъ, принцъ Конде), смотрѣвшіе съ неудовольствіемъ на то, что общественныя дѣла были въ рукахъ двухъ младшихъ членовъ Лотарингскаго дома, воспользовались всеобщимъ негодованіемъ, и соединились съ кальвинистами, съ Колиньи и съ Англичанами, прибывшими ночью въ Сенъ-Дени для взаимныхъ соглашеній. Протестанты, съ оружіемъ въ рукахъ, пошли къ Амбоазу, съ намѣреніемъ захватить короля; но были перебиты на дорогѣ: потому что о предпріятіи ихъ дано было знать Гюизамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, оставленные для каз-

ни въ присутствіи короля и всего двора, омочивъ въ крови обезглавленныхъ уже своихъ братій руки, поднимали ихъ къ небу, какъ бы обвиняя своихъ предателей. Это печальное зрѣлище, казалось, предвѣщало нещастіе всѣмъ тѣмъ, которые тутъ присутствовали: Франциску II, Маріи Стуартъ, великому Гюизу и канцлеру Оливье, бывшему въ душѣ протестантомъ. Осудивъ ихъ, онъ умеръ отъ угрызенія совѣсти.

Со вступленіемъ на престолъ юнаго Карла IX (1561), власть могла бы принадлежать его матери, Екатеринѣ Медичи, если бы она умѣла воспользоваться ею; но ограничившись униженіемъ Гюизовъ, которые были главами католиковъ, она произвела только то, что ни та, ни другая партія не могла уже имѣть вліянія на правительство. Не Италіанкѣ, съ обветшалою политикою Борджіевъ, можно было удержать равновѣсіе между храбрыми воинами, которые презирали ее; она была недостойна этой эпохи всеобщаго убѣжденія, да и самая эпоха не возвысилась еще до понятій канцлера л'Опиталя, представлявшаго собою образецъ хладнокровной мудрости, безполезной среди бурныхъ порывовъ страстей. Какъ начальникъ партіи, Гюизъ снова присвоилъ себѣ утраченную власть. Дворъ подалъ ему къ тому поводъ, смягчивъ постановленія, изданныя противъ реформатовъ, и дозволивъ ихъ ученымъ торжественно участвовать въ преніяхъ, происходившихъ въ Пуасси. Въ то время, когда кальвинисты возставали въ Нимѣ, герцогъ Гюизъ перешелъ чрезъ Васси въ Шампань; люди его, поссорившись съ нѣкоторыми гугенотами, бывшими на проповѣди, умертвили ихъ (1562); это бы-

ло поводомъ къ начатію междоусобій. *Кесарь перешелъ Рубиконъ,* говорилъ принцъ Конде.

Съ приближеніемъ столь страшной борьбы, обѣ партіи, не колеблясь, стали искать помощи иноземцевъ. Древняя политическая преграда, раздѣлявшая народы, пала предъ религіозными расчетами. Протестанты обратились къ собратіямъ своимъ въ Германію, и отдали Гавръ Англичанамъ: тогда какъ Гюизы, съ своей стороны, соглашались дѣйствовать по обширному плану, составленному, какъ говорили, королемъ Испанскимъ, и состоявшему въ томъ, чтобы сокрушить Женеву и Наварру, два пристанища еретиковъ; истребить Французскихъ кальвинистовъ, и потомъ укротить лютеранъ въ имперіи. Повсюду партіи собирались съ необузданнымъ энтузіазмомъ. Въ этихъ первыхъ войскахъ небыло ни азартныхъ игоръ, ни богохульства, ни своевольства; утромъ и вечеромъ совершались общія молитвы; но подъ наружною святостію сердца оставались все также жестоки. Монлюкъ, правитель Гвіены разъѣзжалъ съ палачами по своей провинціи: самъ онъ говорилъ, что *можно было узнать, гдѣ онъ проходилъ, потому что на деревьяхъ по дорогѣ видны были указатели.* Въ Дофине, протестантъ баронъ д'Адре низвергалъ своихъ плѣнниковъ съ высоты башни на острія копій.

Сначала Гюизъ одержалъ побѣду въ Дре; онъ взялъ въ плѣнъ принца Конде, спалъ съ нимъ на одной постелѣ, и спокойно предавался сну подлѣ смертельнаго своего непріятеля. Орлеанъ, главный пунктъ послѣдователей новаго ученія, обязанъ былъ своимъ спасеніемъ смерти герцога Гюиза, котораго одинъ протестантъ ранилъ сзади выстрѣломъ изъ пистолета (1563). Каково бы ни было его често-

любіе и связи съ Филиппомъ II-мъ, потомство проститъ многое человѣку, который говорилъ своему убійцѣ: »я хочу показать тебѣ, сколько вѣра, исповѣдуемая мною, преимуществуетъ въ кротости »предъ тою, которой ты слѣдуешь; твоя внушила »тебѣ мысль убить меня, не выслушавъ меня и не »претерпѣвъ отъ меня никакой обиды; моя напро»тивъ повелѣваетъ мнѣ простить тебя, хотя я и »убѣжденъ, что ты рѣшился на убійство безъ вся»кой причины.«

Екатерина Медичи, избавившись отъ человѣка, котораго власти невольно должна была покоряться, вступила въ переговоры съ протестантами въ Амбоазѣ (1563), но негодованіе католиковъ принудило ее, мало по малу, нарушить всѣ статьи заключеннаго съ ними трактата. Конде и Колиньи тщетно покушались захватить юнаго короля; разбитые при Сенъ-Дени, но все еще страшные, они принудили дворъ къ Лонжюмоскому миру (1568), которымъ утвержденъ былъ трактатъ Амбоазскій. Покушеніе двора—схватить обоихъ предводителей, произвело третью войну. Совѣтъ королевскій, по удаленіи отъ дѣлъ л'Опиталя, былъ чуждъ всякаго благоразумія. Протестанты, оставивъ Орлеанъ, избрали для себя военнымъ мѣстомъ Ла-Рошель; они сдѣлали складчину для выплаты денегъ сподвижникамъ своимъ Германцамъ, которыхъ герцогъ Цвейбриккенскій и принцъ Оранскій провели къ нимъ чрезъ всю Францію. Несмотря на пораженіе при Жарнакѣ и Монконтурѣ (1569), несмотря на смерть Конде и рану Колиньи, дворъ принужденъ былъ заключить съ ними третій миръ въ Сенъ-Жерменѣ, (1570). Имъ предоставлена была свобода отправлять свое богослуженіе въ двухъ городахъ каждой про-

винціи; для безопасности ихъ, оставлены были имъ: Ла-Рошель, Монтобанъ, Коньякъ и Ла-Шарите. Юный король Наваррскій долженъ былъ вступить въ бракъ съ сестрою Карла IX (Маргаритою Валуа). Даже адмирала Колиньи обнадеживали, что онъ будетъ предводительствовать вспомогательными войсками, которыя, какъ говорили, король хотѣлъ послать къ протестантамъ Соединенныхъ Нидерландовъ. Католики ужаснулись, узнавъ о столь унизительномъ трактатѣ, заключенномъ послѣ четырехъ побѣдъ; сами протестанты съ трудомъ ему довѣряли, и приняли его только потому, что были уже утомлены походами, а благоразумные люди ожидали отъ этого невыгоднаго мира какого нибудь страшнаго несчастія.

Положеніе Соединенныхъ Нидерландовъ было не менѣе грозно. Филиппъ II не понималъ ни свободы, ни духа, господствовавшаго на Сѣверѣ, ни выгодъ торговли; всѣ его подданные, какъ Белгійцы, такъ и Батавцы, возстали противъ него: кальвинисты, преслѣдуемые инквизиціею; дворяне, лишенные всякой надежды—возстановить свое состояніе, разстроенное въ службѣ Карла Пятаго; монахи, устрашенные преобразованіями, предписанными Тридентинскимъ соборомъ и установленіемъ на ихъ счетъ новыхъ епископствъ; наконецъ всѣ мирные граждане, съ негодованіемъ взиравшіе на вступленіе Испанскихъ войскъ и ниспроверженіе древней свободы ихъ отечества. Сначала сопротивленіе Фламандцевъ принудило короля отозвать стараго своего министра кардинала Гранвеля (1563); знаменитѣйшіе вельможи составляютъ общество нищихъ (Confederation des Gueux), надѣваютъ себѣ на шею деревянныя чашки, и соединяются такимъ обра-

зомъ съ простымъ народомъ (1566). Кальвинисты возстаютъ со всѣхъ сторонъ; издаютъ болѣе пяти тысячь сочиненій противъ древняго исповѣданія, и въ двухъ только провинціяхъ, Брабантѣ и Фландріи, предаютъ грабежу и поруганію 400 церквей.

Эти послѣднія неистовства превзошли всякую мѣру. Жестокая душа Филиппа II питала уже въ себѣ самые грозные помыслы; онъ рѣшился преслѣдовать и истребить страшныхъ враговъ своихъ, которыхъ встрѣчалъ вездѣ, даже въ членахъ собственной фамиліи. Предметомъ ненависти его, въ одно и тоже время, сдѣлались и сопротивленія Фламандцевъ, и неистовства кальвинистовъ, и твердая привязанность несчастныхъ Мавровъ къ вѣрѣ, языку и одеждѣ своихъ предковъ.

Слабое и презрѣнное правительство Французское не хотѣло отстать отъ замысловъ Филиппа. Ожесточеніе католиковъ возрасло до крайности, когда они увидѣли прибывшихъ въ Парижъ, къ празднествамъ, по случаю бракосочетатія Наваррскаго короля съ Маргаритою Валуа, тѣхъ самыхъ мрачныхъ и грозныхъ людей, которыхъ часто встрѣчали на полѣ битвы, и которыхъ присутствіе почитали для себя оскорбленіемъ. Они сочли своихъ единомышленниковъ и начали бросать угрожающіе взоры на непріятелей. Не приписывая чести столь продолжительнаго притворства и столь глубоко обдуманнаго предпріятія, ни вдовствующей королевѣ, ни сыновьямъ ея, можно полагать однакожъ, что возможность исполненія этого замысла была одною изъ побудительныхъ причинъ къ заключенію Сенъ-Жерменскаго мира. Но они не рѣшились бы на столь смѣлое злодѣйство, если бы не страшились власти Колиньи надъ умомъ юнаго Карла

IX. Его мать и братъ, герцогъ Анжускій, испуганные угрозами Колиньи, успѣли привлечь на свою сторону короля страхомъ, и овладѣли совершенно этою слабою и своенравною душею, столь способною къ изступленію; они съ такою же легкостію заставили Карла рѣшиться на избіеніе протестантовъ, съ какою онъ кажется согласился бы и на истребленіе главныхъ католиковъ. 24 Августа 1572 г. въ два или три часа ночи, ударили въ колоколъ Сенъ-Жерменской церкви (Saint-Germain l'Auxerrois) и юный Генрихъ Гюизъ, думая, что мститъ за отца своего, началъ пороженіе умерщвленіемъ Колиньи. Послѣ того слышны были только крики: *убивай! убивай!* большая часть протестантовъ захвачены были въ постеляхъ. Одного дворянина преслѣдовали, съ копьемъ въ рукѣ, до самой спальни и даже до кровати Наваррской королевы. Одинъ изъ Католиковъ хвалился, что выкупилъ у злодѣевъ болѣе тридцати гугенотовъ для того, чтобы наслаждаться ихъ пыткою. Карлъ IX, призвавъ своего шурина и принца Конде, сказалъ имъ: *обѣдня или смерть!* Увѣряютъ, что изъ оконъ Лувра онъ стрѣлялъ въ протестантовъ, спасавшихся бѣгствомъ за рѣку. На другой день, на Инокентинскомъ кладьбищѣ разцвѣлъ боярышникъ, и это мнимое чудо воспламенило фанатизмъ еще болѣе: убійства начались снова. Король, его мать и весь дворъ отправились въ Монфоконъ посмотрѣть, *что осталось отъ тѣла адмирала.* Къ жертвамъ Варѳоломеевской ночи должно причислить л'Опиталя, который, получивъ извѣстіе о гнусномъ событіи, приказалъ отворить всѣ двери своего дома для свободнаго входа убійцамъ, и только шестью мѣсяцами пережилъ

это происшествіе, повторяя постоянно: *Excidat illa dies aevo.*

Всего гнуснѣе была радость, произведенная этимъ событіемъ. Въ Римѣ выбивали въ честь его медали; Филиппъ II прислалъ Французскому двору поздравленіе. Онъ уже мечталъ, что протестантизмъ былъ сокрушенъ, и причислялъ ночь Св. Варѳоломея, равно какъ и убійства, совершенныя по приказанію герцога Альбы въ Голландіи, къ достославнымъ событіямъ Лепантскаго сраженія, въ которомъ флоты Испанскій, папскій и Венеціанскій, подъ предводительствомъ Донъ Жуана Австрійскаго, побочнаго сына Карла Пятаго, уничтожилъ въ предшествовавшемъ году морскія силы Оттомановъ. Морская побѣда надъ Турками, усмиреніе Мавровъ, истребленіе во Франціи и въ Соединенныхъ Нидерландахъ еретиковъ,— все это, казалось, прокладывало Испанскому королю дорогу къ той всемірной монархіи, къ которой тщетно стремился отецъ его.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе войнъ за вѣру. Генрихъ IV. (1572—1610).

»Король Карлъ, вечеромъ того самаго дня и »въ послѣдующій, слушая исчисленіе произведен»ныхъ убійствъ и погибшихъ старцевъ, женъ и дѣ»тей, отозвавъ въ сторону Амвросія Паре, главна»го своего хирурга, котораго любилъ, несмотря »на его вѣру, говорилъ ему: Амвросій, не знаю,

» что сталось со мною въ эти два или три дня, но
» духъ и тѣло мое сильно встревожены; какъ бы
» въ горячкѣ поминутно мнѣ представляются, на яву
» и во снѣ, тѣла умерщвленныхъ, съ отвратитель-
» ными лицами, обагренные кровію; я желалъ бы,
» чтобъ пощажены были по крайней мѣрѣ слабо-
» умные и юродивые.« Съ этихъ поръ онъ сталъ изнемогать и, спустя восемнадцать мѣсяцевъ, умеръ отъ прилива крови.

Злодѣйство, совершенное въ Варѳоломеевскую ночь, было безполезно. Во многихъ городахъ правительство отказалось слѣдовать примѣру столицы. Кальвинисты, заключившись въ Ла-Рошели, Сансерѣ и другихъ южныхъ городахъ, защищались отчаянно. Ужасъ, произведенный убійствомъ, доставилъ имъ помощниковъ въ возродившейся среди католиковъ умѣренной партіи, извѣстной подъ названіемъ *политиковъ*. Новый король, Генрихъ III, возвратившійся изъ Польши для наслѣдованія своему брату, почитался однимъ изъ виновниковъ злодѣйства. Родной братъ его, герцогъ Алансонскій, бѣжалъ отъ двора съ юнымъ королемъ Наваррскимъ, и соединилъ такимъ образомъ политиковъ съ кальвинистами.

Въ Соединенныхъ Нидерландахъ тиранство герцога Альбы имѣло не болѣе успѣха. Пока онъ довольствовался сооруженіемъ эшафотовъ, народъ оставался спокоенъ, и смотрѣлъ, не возмущаясь, какъ падали головы знаменитѣйшихъ дворянъ. Оставалось одно средство—содѣлать неудовольствіе общимъ для католиковъ и протестантовъ, для дворянства и гражданъ, для Белгійцевъ и Батавцевъ, и это средство состояло въ установленіи отяготительныхъ налоговъ и въ допущеніи солдатъ, кото-

рымъ худо платили, грабить жителей: герцогъ Альба сдѣлалъ то и другое. *Нищіе моряки* (такъ называли бѣглецовъ, промышлявшихъ морскими разбоями), изгнанные изъ Англійскихъ портовъ, по требованію Филиппа II, овладѣли Бріельскою крѣпостью въ Голландіи (1572) и начали войну въ этой странѣ, изрѣзанной такимъ множествомъ морскихъ рукавовъ, рѣкъ и каналовъ. Своевольство Испанскихъ войскъ, разграбившихъ Антверпенъ, принудило Фламанскія провинціи соединиться въ общемъ возстаніи съ южными (1576); но этотъ союзъ не могъ быть продолжителенъ. Революція утвердилась Утрехтскимъ миромъ, сосредоточившимъ ее на Сѣверѣ, и положившимъ основаніе республики Соединенныхъ Нидерландовъ (1579). Инсургенты попеременно изъявляли готовность покориться, то Нѣмецкой отрасли Австрійскаго дома, то Франціи, то Англіи. Ерцъ-герцогъ Матіасъ не доставилъ имъ никакой помощи. Донъ Жуанъ, братъ и полководецъ Филиппа II, герцогъ Анжускій, братъ Генриха III, Лейчестеръ, фаворитъ Елисаветы, хотѣвшіе, одинъ за другимъ, сдѣлаться государями Соединенныхъ Нидерландовъ, показали себя всѣ въ равной степени вѣроломными (1577, 1582, 1587). Голландія, на которую смотрѣли какъ на добычу всѣ тѣ, къ кому она обращалась, рѣшилась, не находя повелителя, остаться республикою. Геніемъ этого раждавшагося государства былъ принцъ Оранскій, который, оставивъ полуденныя провинціи непобѣдимому герцогу Пармскому, боролся съ нимъ въ политикѣ до тѣхъ поръ, пока наконецъ одинъ фанатикъ, подосланный Испаніею, умертвилъ его. (1584).

Въ то время, какъ Филиппъ терялъ половину Соединенныхъ Нидерландовъ, съ другой стороны онъ пріобрѣталъ Португаллію (1580). Во Франціи все ему балгопріятствовало. Непостоянство Генриха III и герцога Алансонскаго, бывшаго сперва главою Французскихъ протестантовъ, потомъ протестантовъ Соединенныхъ Нидерландовъ, убѣдили католическую партію избрать себѣ предводителя внѣ королевской фамиліи. По трактату 1576 г., король дозволилъ протестантамъ свободное отправленіе богослуженія во всемъ королевствѣ, исключая Парижа; предоставилъ имѣть половинное число своихъ членовъ въ каждомъ парламентѣ и уступилъ для ихъ безопасности многія города (Ангулемъ, Ніортъ, Ла-Шарите, Буржъ, Сомюръ и Мезіеръ), въ которыхъ они могли содержать гарнизонъ на счетъ суммъ королевскихъ. Этотъ трактатъ былъ причиною образованія Лиги. (1577); члены ея клялись защищать религію, *возстановить въ провинціяхъ тѣ же права, какія имѣли они во времена Кловиса, принимать мѣры противъ утѣснителей Союза, кто бы они нибыли; наконецъ, оказывать неукоснительное повиновеніе и вѣрныя услуги начальнику, которой будетъ избранъ.* Король, въ надеждѣ овладѣть Союзомъ, объявилъ себя его главою. Онъ началъ уже предъугадывать намѣренія Гюиза; въ бумагахъ одного адвоката, умершаго въ Ліонѣ, по возвращеніи изъ Рима, найдена была записка, въ которой онъ объявлялъ, что потомки Гюга-Капета царствовали до того времени не законно, что они похитители, проклятые Богомъ, и что престолъ принадлежалъ принцамъ Лотарингскимъ, какъ истинной отрасти Карла Великаго. Смерть королевскаго брата ободрила эти притязанія

(1584). Такъ какъ Генрихъ не имѣлъ дѣтей, и большая часть католиковъ не желала признать королемъ принца — еретика, которому престолъ слѣдовалъ по праву, то герцогъ Гюизъ и король Испанскій соединились вмѣстѣ, чтобы свергнуть съ престола Генриха III, предоставляя себѣ въ послѣдствіи рѣшить, кому изъ нихъ достанется его наслѣдіе. Имъ очень легко было сдѣлать его ненавистнымъ. Неудачи его войскъ казались измѣнами; разбитый протестантами, онъ въ то же самое время обвиняемъ былъ католиками. Побѣда при Кутра, въ которой Наваррскій король ознаменовалъ себя мужествомъ и кротостію (1587), довела ожесточеніе католиковъ до крайности. Во время составленія Лиги въ столицѣ, Генрихъ III, преданный, съ одной стороны монастырской набожности, а съ другой всѣмъ излишествомъ гнуснаго разврата, представлялъ Парижу зрѣлище постыдной расточительности и дѣтскихъ прихотей. Онъ издерживалъ милліонъ двѣсти тысячь франковъ на сватьбу Жоайёза, своего любимца, и не имѣлъ за что отправить къ герцогу Гюизу нарочнаго съ письмомъ, отъ котораго зависѣла участь государства. Время свое проводилъ онъ занимаясь нарядомъ королевы или собственною своею прическою. Онъ сдѣлался пріоромъ братства бѣлыхъ кающихся.

Переворотъ былъ неизбѣженъ, какъ во Франціи, такъ и на всемъ Западѣ (1585 — 1588). Онъ долженствовалъ благопріятствовать Испаніи; взятіе Антверпена принцемъ Пармскимъ, (достопамятнѣйшее военное событіе въ XII вѣкѣ) довершило покореніе Бельгіи (1585). Французскій король принужденъ былъ отдаться на произволъ герцога Гюиза (тотъже годъ), и Лига избрала для себя центромъ

огромный городъ, гдѣ религіозный фанатизмъ поддерживался фанатизмомъ демократіи (1588). Посверхъ чаянія, Наваррскій король устоялъ противъ соединенныхъ войскъ католическихъ (1586—1587); Елисавета выслала армію въ Соединенные Нидерланды (1585), снабдила деньгами короля Наваррскаго (1585), сдѣлала тщетными всѣ заговоры (1584—1586), и нанесла ударъ Испаніи и Гюизамъ въ лицѣ Маріи Стуартъ.

Долго Елисавета, въ отвѣтъ на представленія своего Совѣта, говорила: *могу ли я умертвить птичку, которая искала убѣжища на груди моей?* Она даже приняла разныя вышитыя вещи и Парижскія наряды, предложенные ей плѣнницею; но усилившееся ожесточеніе великой Европейской борьбы; страхъ, внушаемый безпрестанно Елисаветѣ на счетъ собственной ея жизни, таинственное могущество Іезуита Пирсона, который, будучи на твердой землѣ, тревожилъ Англію, — все это довело королеву до крайности. Не взирая на посредничество королей Французскаго и Шотландскаго, Марія осуждена была особою коммиссіею на смерть, какъ виновная въ заговорѣ съ иноземцами, имѣвшемъ цѣлію произвести нашествіе на Англію, и лишить жизни Елисавету. Одна изъ залъ Фотерингейскаго замка была обита трауромъ; королева Шотландская явилась туда въ богатѣйшемъ нарядѣ; утѣшала плачущихъ своихъ служителей, протестовала о своей невинности и простила врагамъ своимъ. Елисавета усилила ужасъ этого безчеловѣчнаго приговора лицемѣрнымъ соболѣзнованіемъ и притворными отрицательствами (1587).

Смерть Маріи нигдѣ не произвела такого впечатлѣнія, какъ во Франціи; но тамъ нѣкому

было отмстить за нее. Генрихъ III едва держался на престолѣ; родственникъ ея Генрихъ Гюизъ готовился занять его мѣсто. *Франція была безъ ума отъ этого человѣка.* Послѣ успѣховъ его противъ Нѣмцевъ, союзниковъ короля Наваррскаго, народъ называлъ его не иначе, какъ *новымъ Гедеономъ*, *новымъ Маккавеемъ*; дворяне называли его своимъ вельможею (notre grand). Ему стоило только прибыть въ Парижъ, чтобы сдѣлаться его властителемъ; король воспретилъ ему въѣздъ въ столицу; но онъ является — и весь городъ стремится къ нему на встрѣчу, восклицая: *да здравствуетъ герцогъ Гюизъ! Осанна сыну Давидову!* Сопровождаемый четырьмя стами дворянъ, онъ оказываетъ къ королю презрѣніе въ собственномъ его дворцѣ. Лотаринтцы мечтаютъ уже, что дѣло ихъ выиграно; короля думаютъ они заключить въ монастырь; герцогиня Монпансье, сестра герцога Гюиза, показываетъ даже золотые ножницы, которыми она будетъ *стричь Валоа.* Народъ повсюду загромождаетъ улицы, обезоруживаетъ Швейцарцевъ, которыхъ только что король велѣлъ ввести въ Парижъ, и которые были бы всѣ истреблены, безъ герцога Гюиза. Но одна минута нерѣшимости лишила его всѣхъ успѣховъ: въ то время, какъ онъ откладывалъ осаду Лувра, старая Екатерина Медичи забавляла его разными предложеніями, а король спасся между тѣмъ въ Шартръ. Гюизъ тщетно старался привлечь къ себѣ Парламентъ. Президентъ его, Ахиллъ де Гарле, отвѣчаетъ Гюизу: »Весьма горестно, Ваша Свѣтлость, смотрѣть, когда слуга изгоняетъ изъ дома своего господина; впрочемъ душа моя принадлежитъ Богу, сердце королю, а тѣло мое во власти злодѣевъ.«

*

Свободный, но всѣми оставленный король, принужденъ былъ уступить: онъ одобряетъ все, что было сдѣлано, отдаетъ во власть герцога множество городовъ, украшаетъ его титуломъ генералиссимуса королевскихъ войскъ и сзываетъ генеральные штаты въ Блуа. Гюизъ ожидалъ высшаго титула. Оскорбленіямъ, которыя онъ наносилъ королю, не было мѣры, такъ что наконецъ одинъ изъ самыхъ боязливыхъ людей рѣшился на дерзкое предпріятіе — умертвить надменнаго принца.

22 Декабря 1588 г. въ четвертокъ, герцогъ Гюизъ, садясь за столъ обѣдать, находитъ у себя подъ салфеткою записку, въ которой было сказано: »возмите предосторожности; съ вами готовятся сыграть плохую шутку.« Прочитавъ записку и написавъ внизу ея: *недерзнутъ*, онъ бросилъ ее подъ столъ, говоря »вотъ уже девятая сегодня.« Не смотря на эти предувѣдомленія, онъ рѣшился идти въ совѣтъ, и въ то время, какъ проходилъ комнату, въ которой находились *сорокъ пять обыкновенныхъ дворянъ*, былъ умерщвленъ.

Когда разыгрывалась эта трагедія, болѣе благопріятная, нежели противная замысламъ Испаніи, Филиппъ II вознамѣрился завоевать Англію и отметить за смерть Маріи Стуартъ. 3-го Іюня 1588 г. изъ устья Тага выступила самая страшная военная сила, какую только когда либо видѣли христіанскія державы: сто тридцать пять кораблей, величины дотолѣ неслыханной; восемь тысячь матросовъ, цвѣтъ Испанскаго дворянства, и посреди ихъ Лопесъ-де Вега, долженствовавшій воспѣть побѣду. Испанцы, упоенные такимъ зрѣлищемъ, украсили этотъ флотъ именемъ *непобѣдимой армады*. Онъ долженъ былъ соединиться въ Нидер-

ландахъ съ принцомъ Пармскимъ и прикрыть переходъ тридцати двухъ тысячь старыхъ солдатъ. Ваэсскій лѣсъ во Фландріи превратился въ перевозныя суда. Въ Англіи смятеніе было чрезвычайно; при дверяхъ церквей показывали орудія пытки, которыя инквизиторы везли на Испанскомъ флотѣ. Королева явилась верхомъ предъ милиціею, собранною въ Тексбури, и обѣщалась умереть за свой народъ. Но могущество Англіи составляла ея морская сила. Подъ начальствомъ адмирала Говарда служили величайшіе изъ моряковъ того вѣка: Дракъ, Гавкинсъ и Форбишеръ. Небольшіе корабли Англійскіе утомляли Испанскій флотъ, потерпѣвшій уже отъ непогоды, и безпокоили его своими брандерами; герцогъ Пармскій не могъ выйти изъ портовъ Фландріи, и остатки этого страшнаго вооруженія, застигнутые бурею у береговъ Шотландіи и Ирландіи, поспѣшили укрыться въ Испанскихъ гаваняхъ.

Послѣдніе годы жизни Елисаветы были постояннымъ торжествомъ. Она уничтожила предпріятія Филиппа II противъ Ирландіи, и довершила побѣду свою на всѣхъ моряхъ. Восторгъ, произведенный въ Европѣ такими успѣхами, былъ выражаемъ въ замысловатыхъ и лестныхъ для женщины привѣтствіяхъ. Забыли ея лѣта (55-й годъ). Генрихъ IV говорилъ Англійскому посланнику, что находитъ ее прелестнѣе своей Габріеллы. Шекспиръ провозглашалъ ее *прекрасною весталкою, сидящею на тронѣ Запада.*

Филиппъ II, послѣ неудачь въ Голландіи и Англіи, обратилъ всѣ свои силы на Францію; Герцогъ Майенъ, братъ Гюиза, не менѣе его предпріимчивый, но не столько любимый народомъ, не-

могъ почти ничего сдѣлать противъ золота и происковъ Испаніи.

Лишь только вѣсть о смерти Гюиза достигла Парижа, народъ наложилъ на себя трауръ; проповѣдники загремѣли; церкви стали обивать черными тканями, на алтаряхъ выставляли восковыя изображенія короля, и кололи ихъ иглами; герцогъ Майенъ наименованъ былъ главою Лиги; генеральные штаты назначили сорокъ особъ для составленія временнаго правительства. Бюси-Леклеркъ, изъ фехтовальнаго учителя и прокурора сдѣлавшійся начальникомъ бастиліи, заключилъ въ нее половину парламента. Генриху III оставалось только одно средство — сблизиться съ королемъ Наваррскимъ. Соединивъ свои силы, они подступили къ Парижу; но въ то время, какъ лагерь ихъ находился въ Сенъ-Клу, одинъ молодой монахъ, по имени Климентъ, нанесъ Генриху III смертельный ударъ ножемъ въ нижнюю часть живота. Герцогиня Монпансье, ожидавшая извѣстія на дорогѣ, первая привезла его въ столицу, внѣ себя отъ радости. Портретъ Климента выставленъ былъ въ церквахъ для народнаго поклоненія; мать его, бѣдная Бургундская крестьянка, встрѣчена была въ Парижѣ толпами народа, восклицавшими: *блаженно нѣдро, тебя носившее, и сосцы вскормившія тебя* (1589).

Генрихъ, оставленный большею частію католиковъ, былъ вскорѣ стѣсненъ герцогомъ Майенскимъ, который считалъ себя въ состояніи доставить его Парижанамъ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ. Нанимали уже окна, чтобы смотрѣть, какъ поведутъ короля Наваррскаго. Но Майенъ имѣлъ дѣло съ противникомъ, который не дремалъ, и который, какъ говорилъ герцогъ Пармскій, *изнаши-*

валъ больше сапоговъ, нежели башмаковъ. Онъ ожидалъ Майена близъ Арка въ Нормандіи и сразился съ тремя тысячами противъ тридцати. Подкрѣпленный множествомъ дворянъ, Генрихъ наконецъ, въ свою очередь, подступилъ къ Парижу и разорилъ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Въ слѣдующемъ году (1590), онъ одержалъ при Иври на Ерѣ новую побѣду надъ Майеномъ и Испанцами. Всѣмъ извѣстны слова, произнесенныя имъ къ войску предъ сраженіемъ: *товарищи, если вы рѣшились раздѣлять со мною участь мою, то и я не менѣе того раздѣлю вашу. Я хочу побѣдить или умереть вмѣстѣ съ вами. . . . Прошу васъ не оставлять рядовъ вашихъ, и если вы лишитесь вашихъ вожатыхъ, то не теряйте изъ виду бѣлыхъ перьевъ моей шляпы, которыя вы всегда увидите на пути чести и побѣды* (Péréfixe). Отъ Иври онъ обратился блокировать столицу. Этотъ несчастный городъ, добыча своихъ неистовствующихъ правителей и тиранства Испанскихъ солдатъ, доведенъ былъ голодомъ до послѣдней крайности: хлѣбъ тамъ приготовляли изъ костей человѣческихъ; матери ѣли дѣтей своихъ; угнѣтаемые своими защитниками Парижане, находили сострадание въ королѣ, который осаждалъ ихъ. Онъ дозволилъ выйти изъ города многимъ безполезнымъ людямъ. *Неужели мнѣ придется кормить ихъ?* говорилъ онъ; *Но нельзя допустить и того, чтобы Парижъ сдѣлался кладбищемъ; мнѣ не хочется царствовать надъ мертвыми.* Ему приписываютъ также слова: *лучше не имѣть Парижа, нежели имѣть его растерзаннымъ на части.* Парижъ освободился однакожъ не прежде, какъ по прибытіи принца Пармскаго, который своими

умными манёврами принудилъ снять осаду, и самъ возвратился въ Соединенные Нидерланды.

Между тѣмъ партія Лиги со дня на день болѣе и болѣе ослабѣвала. Одна только ненависть къ королю служила связію этой партіи, и потому умерщвленіемъ Генриха III она приготовила собственное свое паденіе. Раздѣленная на двѣ главныя части, изъ которыхъ одна принадлежала Гюизамъ, а другая Испаніи, она поддерживаема была съ одной стороны дворянствомъ и парламентомъ, а съ другой опиралась на демагоговъ. Послѣдняя, не имѣвшая нисколько воинскаго духа, сосредоточившись въ большихъ городахъ, ознаменовала себя преслѣдованіемъ правительственныхъ лицъ (1589—1591); герцогъ Майенскій укротилъ ее (1591), но лишилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Лигу ея демократической энергіи. Гюизы двукратно разбитые и двукратно осажденные въ столицѣ, немогли удержаться безъ помощи тѣхъ же самыхъ Испанцевъ, которыхъ агентовъ они гнали. Между Парижскими штатами возникли несогласія (1593). Герцогъ Майенскій успѣлъ однакожъ уничтожить происки Филиппа II, хотя и не въ свою пользу. Съ отреченіемъ Генриха IV отъ Протестанства, и въ особенности по разрѣшеніи его въ томъ духовною властію, Лига, совершенно уже разстроенная, утратила всякій предлогъ къ продолженію своихъ дѣйствій, а со вступленіемъ короля въ столицу, лишилась и послѣдней своей опоры. Генрихъ, по прибытіи въ Парижъ, объявилъ всеобщее прощеніе и вечеромъ тогоже дня игралъ въ карты у герцогини Монпансье. Королевство свое выкупалъ онъ по лоскуткамъ у вельможъ, раздѣлившихъ его между собою. Лига послѣ того обратилась въ по-

смѣшище, и сатира Менипея нанесла ей послѣдній ударъ.

Въ 1595 году, вмѣсто междоусобной войны, началась иноземная. Король обратилъ геройскій духъ своего народа противъ Испанцевъ. Въ достопамятномъ 1598 году Филиппъ II принужденъ былъ наконецъ уступить; ни одно предположеніе его не имѣло успѣха; сокровища были истощены; морскія силы почти уничтожены. Оставивъ притязанія свои на Францію (2 Мая) онъ передалъ Нидерланды своей дочери (6 Мая). Елисавета и Соединенные Штаты, встревоженные Вервенскимъ миромъ, соединились тѣснѣе. Генрихъ IV видѣлъ лучше ихъ, что уже не было причины страшиться Филиппа II. Сдѣлавшись королемъ Франціи, онъ прекратилъ въ ней внутренніе безпорядки вмѣстѣ съ внѣшнею войною; объявилъ терпимость вѣроисповѣданія и далъ залогъ политической безопасности Протестантамъ (Нантское постановленіе, Апрѣль).

Положеніе воевавшихъ державъ, послѣ столь продолжительныхъ войнъ, представляло разительную противоположность. Разореніе оказалось на сторонѣ повелительницы обѣихъ Индій, которая еще болѣе истощилась подъ управленіемъ кардинала Лермы и графа-герцога Оливареса, любимца Филиппа III и Филиппа IV. Не производя уже ничего такого, на что можно было бы покупать металлы Америки, Испанія лишилась возможности обогащаться ими. Изъ всѣхъ произведеній, ввозимыхъ въ Америку, едвали двадцатая часть принадлежала Испанцамъ. Въ Севиллѣ, изъ тысячи шести сотъ станковъ, на которыхъ выдѣлывались въ 1536 году шерсть и шелкъ, въ 1621 осталось только около четырехъ сотъ. Въ одинъ годъ (1609) Испа-

нія лишилась милліона промышленныхъ подданныхъ (Валенцскихъ Мавровъ) и увидѣла себя въ необходимости согласиться на двѣнадцатилѣтнее перемиріе съ Соединенными Нидерландами.

Напротивъ того, Франція, Англія и Соединенные Нидерландскіе Штаты представляютъ зрѣлище быстраго возрастанія въ народонаселеніи, богатствѣ и величіи.

Съ 1595 г. Филиппъ II, закрывъ для Голландцевъ Лиссабонскій портъ, принудилъ ихъ, для полученія восточныхъ произведеній, обратиться въ Индію, и основать тамъ державу на развалинахъ владѣній Португальскихъ. Внутреннее спокойствіе республики было возмущено распрями между Штатгалтеромъ и Синдикомъ (Маврикіемъ Оранскимъ и Барневельтомъ) и борьбою военной власти съ гражданскою свободою, т. е. борьбою партій, изъ которыхъ одна желала войны, а другая мира (Гомаристы и Арминіане); необходимость въ защитѣ государства доставила побѣду первой. Это стоило жизни почтенному старцу Барневельту, который былъ казненъ на семидесятомъ году своего возраста (1619).

По окончаніи двѣнадцатилѣтняго перемирія, война началась снова, но не междоусобная, а правильная, глубоко обдуманная, которая могла служить школою для всѣхъ военныхъ людей въ Европѣ. Искусство Испанскаго полководца, знаменитаго Спинолы, оспариваемо было искусствомъ принца Фридриха—Генриха, брата и наслѣдника Маврикія.

Между тѣмъ Франція, при Генрихѣ IV, возстала изъ подъ своихъ развалинъ. Не смотря на слабости этого великаго монарха, не смотря даже на ошибки, открывающіяся при внимательномъ

разсматриванiи его царствованiя, онъ вполнѣ заслуживаетъ желанное имъ имя — возстановителя Францiи. Всѣ усилiя его стремились къ тому, чтобы образовать и привести въ цвѣтущее состоянiе покоренное имъ государство: безполезныя войска были распущены; порядокъ въ финансахъ заступилъ мѣсто хищничества, долги государственные мало по малу выплачивались, безъ угнѣтенiя народа. Поселяне и теперь еще говорятъ: онъ хотѣлъ, *чтобы у насъ всякое Воскресенiе была на столѣ курица*. Въ этихъ простыхъ словахъ видно чувство отеческой попечительности. Всего удивительнѣе то, что не взирая на истощенiе Францiи, онъ успѣлъ менѣе чѣмъ въ пятнадцать лѣтъ, уменьшить подати четырьмя миллiонами франковъ тогдашняго времени, сократить въ половину всѣ другiе сборы, уплатить сто миллiоновъ долгу, и прiобрѣсти болѣе нежели на пятьдесятъ миллiоновъ королевскихъ имѣнiй. Всѣ крѣпости были исправлены, магазины и арсеналы наполнены, большiя дороги устроены: вотъ, что составляетъ вѣчную славу Сюлли, и славу короля, который осмѣлился поручить военному человѣку поправленiе финансовъ, и трудился вмѣстѣ съ своимъ министромъ.

Судопроизводство получило преобразованiе, и, трудное дѣло, обѣ религiи стали уживаться мирно, по крайней мѣрѣ по наружности. Земледѣлiе было поощряемо. Сюлли говорилъ: *хлѣбопашество и скотоводство составляютъ два сосца, которыми Францiя питается, и которыя суть истинные рудники и сокровища Перуанскiе.* Торговля и искусства, менѣе покровительствуемыя Сюлли, были однакожъ въ чести, золотыя и серебреныя парчи обогащали Лiонъ и Францiю. Генрихъ завелъ

мануфактуры для выдѣлыванія дорогихъ шерстяныхъ и шелковыхъ обоевъ съ золотомъ: при немъ начали дѣлать небольшія зеркала, въ Венеціянскомъ вкусѣ Ему одному обязана Франція шелковыми червями и разведеніемъ шелковичныхъ деревъ. Онъ приказалъ вырыть Бріарскій каналъ, соединяющій Сену съ Лоарою. Парижъ былъ распространенъ и украшенъ: устроена королевская площадь; возобновлены всѣ мосты. Сенъ-Жерменское предместье не было еще соединено съ городомъ и оставалось невымощеннымъ: король взялъ на себя сдѣлать это. По его повелѣнію выстроенъ былъ тотъ прекрасный мостъ, на которомъ и нынѣ народъ видитъ съ умиленіемъ воздвигнутую ему статую. Сенъ-Жерменъ, Мусо, Фонтенбло, и особенно Луврь, были распространены и почти выстроены снова. Подъ длинною галлереею Лувра онъ приказалъ помѣстить всякаго рода артистовъ, которыхъ весьма часто поощрялъ своимъ вниманіемъ столькоже, какъ и наградами. Его наконецъ должно считать истиннымъ основателемъ королевской библіотеки. Донъ Педро Толедскій, Посланникъ Филиппа III, при дворѣ Генриха IV, не узнавалъ города, который видѣлъ прежде въ столь плачевномъ и бѣдственномъ положеніи. *Это отъ того*, говорилъ ему Генрихъ, *что тогда не было въ немъ отца семейства, а теперь, когда онъ печется о своихъ дѣтяхъ, они благоденствуютъ.* (Вольтеръ).

Франція сдѣлалась посредницею Европы. Благодаря ея могущественному участію, Папа примирился съ Венеціей (1607); Испанія и Соединенные Нидерланды прекратили наконецъ свои долговременныя распри (1609—1621). Генрихъ IV готовился смирить гордость Австрійскаго дома; если

вѣрить его министру, онъ предполагалъ водворить постоянный миръ, и, вмѣсто состоянія природы, существующаго еще между членами великаго Европейскаго семейства, возстановить состояніе законное. Все уже было готово: многочисленная армія, всякаго рода продовольствіе, страшная артиллерія и тридцать милліоновъ въ погребахъ бастиліи. Ударъ кинжала спасъ Австрію. Народъ подозрѣваетъ императора, короля Испанскаго, королеву Французскую, герцога Еперноnскаго и Езуитовъ. Правда, это злодѣйство было имъ всѣмъ полезно; но для объясненія его достаточно одного фанатизма, постоянно преслѣдовавшаго государя, котораго, въ продолженіе всего его царствованія, считали въ душѣ протестантомъ, и который намѣревался будтобы свою религію сдѣлать господствующею во всей Европѣ. Прежде Равальяка было семнадцать покушеній на жизнь Генриха.

» 14-го Мая 1610 г. въ пятницу, въ роковой и горестный для Франціи день, король въ 10 часовъ утра слушалъ литургію въ Фёльянской церкви и, возвратившись во дворецъ, удалился въ кабинетъ: герцогъ Вандомъ, его побочный сынъ, котораго Генрихъ весьма любилъ, пришелъ доложить ему, что нѣкто Ла-Бросъ, занимающійся астрологіею, говорилъ, что созвѣздіе, подъ которымъ Его Величество родился, угрожало ему въ тотъ день великою опасностію, а потому онъ предувѣдомляетъ объ этомъ, чтобы король взялъ предосторожности. Король смѣясь отвѣчалъ Вандому: » Ла-Бросъ старый хитрецъ: онъ хочетъ твоихъ денегъ, а ты, глупенькой, вѣришь ему. Дни наши сочтены предъ Богомъ. « Вандомъ тогда же извѣстилъ объ этомъ королеву, которая просила супруга своего не выѣз-

жать во весь тотъ день изъ Лувра. Но онъ повторилъ ей тотъ же отвѣтъ.

»Послѣ обѣда король легъ почивать: но не могши уснуть, всталъ печальный, безпокойный и задумчивый; походивъ немного по комнатѣ, онъ снова бросился на постель, но сна опять не было; онъ всталъ и спросилъ дежурнаго офицера гвардіи, которой часъ? Тотъ отвѣчалъ, что уже четыре часа, и прибавилъ: »Ваше Величество, кажется, грустны, хорошо было бы вамъ немного подышать свѣжимъ воздухомъ; это бы васъ развеселило.« — Хорошо вздумано, отвѣчалъ король, — ну-такъ вели же приготовить карету; — я поѣду въ арсеналъ навѣстить герцога Сюлли; онъ нездоровъ и беретъ сегодня ванну.«

Карета была готова, король выѣхалъ изъ Лувра въ сопровожденіи герцога Монбазона, герцога Еперноскаго, Маршала Лавардена, Роклора, Ла-Форса, Мирабо и Ліанкура. Въ тоже время онъ поручилъ капитану гвардіи де Витри отправиться во дворецъ и ускорить работы, производившіяся тамъ для принятія королевы, а тѣлохранителямъ своимъ приказалъ остаться въ Луврѣ. Такимъ образомъ, съ королемъ было только не большое число дворянъ на лошадяхъ, и нѣсколько пѣшихъ служителей. Къ несчастію обѣ дверцы кареты были открыты: потому что Генрихъ хотѣлъ видѣть мимоѣздомъ дѣлавшіяся въ городѣ приготовленія. Карета поворачивая изъ улицы Сентъ-Оноре въ улицу Ферронери, встрѣтила съ одной стороны повозку, нагруженную виномъ, а съ другой возъ сѣна, и, какъ улица была очень стѣснена лавками, пристроенными къ стѣнѣ Инокентинскаго кладбища, то карета должна была остановиться.

»Въ этой суматохѣ, большая часть служителей прошла чрезъ кладбище, чтобы опередить карету въ концѣ улицы. Изъ оставшихся двухъ только пѣшихъ слугъ, одинъ пошелъ очищать дорогу, а другой нагнулся укрѣпить свою подвязку. Въ это самое время, злодѣй, по имени Францискъ Равальякъ, уроженецъ Ангулемскій, имѣвшій, по случаю смятенія, довольно времени высмотрѣть, гдѣ сидѣлъ король, взлезаетъ на колесо кареты и острымъ съ обѣихъ сторонъ кинжаломъ наноситъ ему ударъ между вторымъ и третьимъ ребромъ, нѣсколько повыше сердца; король вскричалъ: » я раненъ « но преступникъ, нисколько не устрашившись, наноситъ ему другой ударъ въ сердце. Король испустилъ глубокій вздохъ и умеръ. Убійца такъ былъ озлобленъ противъ своей жертвы, что за вторымъ послѣдовалъ третій ударъ; но этотъ послѣдній попалъ только въ рукавъ герцога Монбазона.

»Удивительное дѣло! ни одинъ изъ вельможъ, бывшихъ въ каретѣ, не видалъ, какъ поразили короля, и еслибы чудовище бросило изъ рукъ кинжалъ. то не зналибы за кого взяться. Но оно стояло тамъ, какъ бы желая нарочно выказать себя и похвалиться ужаснѣйшимъ изъ злодѣяній. «

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Безпокойства въ началѣ царствованія Людовика XIII. Ришилье. (1610 — 1643).

Семнадцатое столѣтіе замѣчательно успѣхами, сдѣланными вообще королевскою властію и среднимъ состояніемъ. Успѣхи первой были пріостановлены только дважды, во время малолѣтства Людовика XIII и Людовика XIV. Успѣхи средняго состоянія останавливаются въ концѣ царствованія Людовика XIV. Въ эту эпоху, король, давно уже не предвидя никакой опасности со стороны дворянства, предоставилъ ему дѣла государственныя; но до того времени всѣ министры: Кончини, Люинъ, Ришельё, Мазаринъ, Колберъ, Лувуа, выходили изъ простаго состоянія, а много если изъ мелкаго дворянства. Нѣкоторые изъ адмираловъ и высшихъ чиновъ арміи Людовика XIV принадлежали къ послѣднему классу народа.

Въ первой половинѣ этого столѣтія политика дѣйствовала, такъ сказать, отрицательно. Дѣло состояло въ томъ, чтобы устранить все, что препятствовало сосредоточенію монархической власти, то есть, устранить вельможъ и протестантовъ; это исполнилъ Ришельё. Во второй половинѣ, подъ управленіемъ Колбера, является опытъ законодательнаго и особенно правительственнаго устройства; показываются успѣхи въ произведеніяхъ промышленности. Франція дѣйствуетъ могущественно вну-

тра и внѣ государства; она производитъ и въ тоже время сражается. Произведенія несоотвѣтствуютъ однакожъ ея потребностямъ; она истощаетъ силы, распространяя свои предѣлы необходимыми и славными завоеваніями. Ходъ внутренняго ея благоденствія замедляется, съ одной стороны продолжительностію войнъ и обширностію завоеваній, а съ другой противодѣйствіемъ аристократіи. Дворянство присвоиваетъ себѣ монархическую власть, вездѣ ставитъ себя между королемъ и народомъ, и сообщаетъ трону собственную свою дряхлость.

Генриху IV стоило большаго труда держать средину между Протестантами и Католиками. Послѣ его смерти, это неопредѣленное положеніе не могло продолжаться. Онъ готовился пристать къ одной изъ двухъ сторонъ, хотя бы даже и къ протестантской. Начинавшаяся въ то время война съ Германіею представляла ему блестящій случай быть главою Европейской оппозиціи противъ Австрійскаго дома; случай, которымъ воспользовался двадцать лѣтъ спустя Густавъ Адольфъ. По смерти Генриха, Людовикъ XIII, еще ребенокъ, правительница — Италіанка — Марія Медичи и ея министръ также Италіанецъ, Кончини, не могли продолжать дѣйствій Генриха IV. Дитя и женщина не могли сѣсть на коней и поражать Австрійцевъ. По невозможности сразиться съ Австріею, нужно было пріобрѣсти ея дружбу; по невозможности вести вельможъ и Протестантовъ въ крестовой протестантскій походъ въ Германію, надобно было какъ нибудь привлечь къ себѣ вельможъ и ослабить Протестантовъ. Въ этомъ состояла политика Кончини, столь охуждаемая историками; она оправдывается однакожъ лучшимъ судьею въ этомъ дѣлѣ, кардиналомъ

Ришельё — въ одномъ изъ его сочиненій. Вельможи, у которыхъ Генрихъ IV не могъ отнять укрѣпленныхъ городовъ, какъ на примѣръ: Конде, Епернопы, Бульоны, Лонгвили, послѣ его смерти, всѣ вооружились; они требовали денегъ и, чтобы избѣжать междоусобной войны, необходимо было открыть предъ ними сокровища Генриха IV. Потомъ они стали требовать собранія Генеральныхъ Штатовъ (1614). Эти Штаты, которые впрочемъ ничего не сдѣлали, мало удовлетворили ожиданія вельможъ; они оказали себя преданными королевской власти; среднее сословіе домогалось независимости трона отъ Папы. Вельможи, не видя для себя никакой пользы отъ Штатовъ, прибѣгли къ силѣ и соединились съ Протестантами (1615); странное соединеніе старой Феодальной партіи съ религіозною реформою шестнадцатаго вѣка! Кончини, утомленный полумѣрами, приказалъ арестовать начальника союза, Принца Конде. Этотъ смѣлый поступокъ возвѣщалъ новую политику, министръ имѣлъ тогда уже при себѣ молодаго Ришельё (1626).

Придворная интрига ниспровергла Кончини и очистила дорогу молодому Люину, любимому служителю малолѣтнаго короля, которому онъ подалъ мысль — освободиться отъ министра и отъ своей матери (1617). Кончини былъ умерщвленъ; а вдова его, Леонора Галиган, казнена за колдовство. Но дѣйствительныя преступленія ихъ были хищничество и корыстолюбіе. Люинъ не умѣлъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ слѣдовать системѣ прежняго министерства. Къ числу враговъ его присоединилась мать короля, которая два раза уже заставляла страшиться междоусобной войны. Протестанты съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе и болѣе грозными. Они,

съ оружіемъ въ рукахъ, требовали исполненія столь опаснаго Нантскаго постановленія, водворявшаго республику въ королевствѣ. Люинъ довелъ ихъ до крайности, присоединивъ Беарнъ къ Франціи, и объявивъ, что церковныя имѣнія въ этой провинціи будутъ отданы Католикамъ. Императоръ тоже самое хотѣлъ сдѣлать въ Германіи, и слѣдствіемъ его покушенія была тридцати-лѣтняя война. Впослѣдствіи Ришельё взялся за это лучше. Онъ не безпокоилъ Протестантовъ на счетъ захваченныхъ имѣній, а коснулся только ихъ укрѣпленныхъ городовъ. Собравшись въ Ла-Рошели въ 1621 г. они обнародовали прокламацію о своей независимости; раздѣлили на восемь округовъ семь-сотъ Реформатскихъ церквей во Франціи, издали правила о наборѣ солдатъ, и сборѣ денегъ, — словомъ, образовали протестантскую республику. Лесдигіеру предлагали сто тысячь экю въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ надъ ними начальство и сформировалъ армію. Но старый восьмидесятилѣтній воинъ не хотѣлъ промѣнять своего маленькаго царства Дофине на управленіе этою необузданною толпою. Люинъ взялся предводительствовать арміею и получилъ титулъ Коннетабля; но, къ стыду своему, проигралъ дѣло при Монтобанѣ, куда привезъ съ собою короля, и умеръ въ туже компанію (1621).

Не прежде, какъ спустя два года, вдовствующая королева успѣла ввести въ совѣтъ свое созданіе — Ришельё (1724). Король имѣлъ отвращеніе отъ этого человѣка, въ которомъ, казалось, предчувствовалъ своего будущаго властелина. Первою мыслью Ришельё было принудить къ неутралитету Англію, единственную союзницу Французскихъ Протестантовъ. Для достиженія этой цѣли, онъ

*

употребилъ два средства: съ одной стороны поддерживалъ Голландію и далъ ей взаймы денегъ для полученія въ замѣнъ кораблей; а съ другой; супружество Англійскаго короля съ прекрасною Генріеттою, дочерью Генриха IV, усилило природную перѣшимость Карла I, и недовѣрчивость Англичанъ къ его управленію. Кардиналъ началъ тѣмъ, что заключилъ союзъ съ Англіею и съ еретиками Голландіи, и въ тоже время объявилъ войну Папѣ: тогда уже можно было видѣть, съ какою свободою располагалъ онъ дѣлами политики. Папа, преданный Испанцамъ, занялъ небольшой Швейцарскій кантонъ Валтелицу, и такимъ образомъ сберегъ для нихъ входъ въ Альпы, чрезъ которыя ихъ Италіанскія владѣнія сообщались съ Австріею. Ришельё нанимаетъ Швейцарскія войска, посылаетъ ихъ противъ Папы и возвращаетъ Вальтелину Гризонцамъ, получивъ предварительно увѣреніе Сорбонны, что это не будетъ противно совѣсти. Разбивши Папу, онъ одолѣваетъ въ слѣдующемъ году (1625) возставшихъ снова Протестантовъ. Но поражая, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и щадитъ ихъ, не имѣя еще возможности нанести имъ *послѣдній ударъ*. Исполненію его великихъ предпріятій препятствуютъ презрѣнныя интриги: женщины возбуждаютъ умы молодыхъ людей; придворные Гастона Орлеанскаго подстрѣкаютъ его лѣнивую гордость. Желая дать ему опору внѣ государства, они убѣдили его вступить въ бракъ съ иностранною принцессою. Ришельё сначала пытается привлечь ихъ на свою сторону милостями, даетъ маршальскій жезлъ Орнано, наставнику Гастона; но это увеличиваетъ только ихъ дерзость, такъ что наконецъ они составляютъ заговоръ — убить его. Ришельё и тутъ еще вхо

дитъ съ ними въ объясненія, призываетъ къ себѣ главнаго ихъ сообщника, молодого Шале, но не получивъ никакого успѣха, рѣшается принять другія мѣры. Онъ предаетъ Шале суду комиссіи Бретанскаго Парламента и заставляетъ произнести надъ нимъ смертный приговоръ (1626). Между тѣмъ Гастонъ, въ то время, какъ лишаютъ жизни его друга, не говоря ни слова, женится на дѣвицѣ Монпансье. Орнано, заключенный въ Бастилію, умеръ тамъ вскорѣ, вѣроятно отравленный. Любимцы Гастона, кажется, обречены были на смерть въ Бастиліи (Пюилоранъ въ 1635 г.). Такова была политика тогдашняго времени; въ такомъ видѣ представлена она въ сочиненіи Макіавеля 17-го вѣка, Гавріила Ноде, библіотекаря Мазарина. Девизъ этихъ политиковъ, по словамъ Ноде, былъ: *Salus populi suprema lex esto*, (самый высшій законъ - благоденствіе народа). Впрочемъ, они согласовались въ выборѣ средствъ. Тоже самое жестокое ученіе одушевляло и нашихъ Террористовъ 93-го г. Оно, кажется, не оставило въ Ришельё ни сомнѣній, ни угрызенія совѣсти. Когда онъ умиралъ, и священникъ спросилъ его: прощаетъ ли онъ враговъ своихъ? Ришельё отвѣчалъ: «у меня не было иныхъ враговъ, кромѣ враговъ государства.» въ другую эпоху произнесены имъ слѣдующія слова: «я ничего не дерзаю предпринять, »не обдумавши напередъ какъ можно лучше; но »однажды рѣшившись, иду прямо къ цѣли, все »ниспровергаю, все уничтожаю и потомъ покры»ваю все своею красною мантіею.« Правило ужасное!

Онъ дѣйствительно слѣдовалъ по прямой линіи съ ужасною непреклонностію. Уничтоживъ зва-

ніе Коннетабля и Адмирала Франціи, замѣнилъ послѣднее званіемъ Генералъ-суперъ-интенданта мореплаванія (Surintendant - général de la navigation) и принялъ его на себя: этотъ титулъ уже предвѣщалъ въ немъ разрушителя Ла-Рошели. Подъ предлогомъ экономіи, онъ далъ повелѣніе уменьшить пенсіоны и срыть нѣкоторыя крѣпости. Высокомѣрный красавецъ Букингамъ, управлявшій королемъ Англійскимъ, торжественно объявилъ себя влюбленнымъ въ королеву Французскую; ему воспрещаютъ въѣздъ въ королевство, а онъ заставляетъ объявить войну Франціи и обѣщаетъ вспомоществованіе Ла-Рошели; но этому городу суждено было пасть подъ оружіемъ Ришельё (1626 - 8). Букингамъ, съ нѣсколькими тысячами, разбитъ на островѣ Ре (Rhe). Карлъ 1-й имѣлъ потомъ несравненно важнѣйшія дѣла. Съ появленіемъ знаменитой *просьбы о правахъ* (1628) началась Англійская революція; нельзя сказать, чтобы Ришельё былъ вовсе чистъ въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ Ла-Рошель, оставленная Англичанами, увидѣла себя отдѣленною отъ моря плотиною въ тысячу пять-сотъ тоазовъ длиною: ея слѣды и теперь еще видны во время морскаго отлива. Работы продолжались болѣе года; море нѣсколько разъ уносило плотину; но Ришельё не останавливался. Амстердамъ Франціи, въ которомъ Колиньи мечталъ сдѣлаться Вильгельмомъ Оранскимъ, не нашелъ спасенія въ своихъ водахъ; онъ остался совершенно на сушѣ; отдѣленный отъ своей стихіи, сталъ онъ приходить въ истощеніе. Вмѣстѣ съ Ла-Рошелью былъ пораженъ и протестантизмъ, по крайней мѣрѣ, какъ партія политическая. Война продолжалась еще кое-какъ на Югѣ,

Самъ знаменитый герцогъ Роганъ кончилъ тѣмъ, что примирился за сто тысячь экю.

Сокрушивъ протестантскую партію во Франціи, Ришельё побѣдилъ католическую въ Европѣ: онъ вытѣснилъ Испанцевъ изъ Италіи, гдѣ они царствовали со временъ Карла Пятаго. Быстрою, непродолжительною войною разрѣшилъ вопросъ о наслѣдствѣ Мантуи и Монферрата, владѣній незначительныхъ, но весьма важныхъ въ военномъ отношеніи. Послѣдній герцогъ завѣщалъ ихъ Французскому принцу, герцогу Неверскому. Савойцы, укрѣпившись въ Сузскомъ проливѣ, считали себя непобѣдимыми; самъ Ришельё былъ тогоже мнѣнія; но король, предводительствуя лично, ниспровергъ эту преграду; герцогъ Неверскій утвердился; Франція пріобрѣла аванъ-постъ въ Италіи, а герцогъ Савойскій узналъ на опытѣ, что Французы могли прійти къ нему, когда хотѣли (1630).

Во время этой славной войны, мать короля, придворные и даже министры вели скрытную и низкую войну противъ Ришельё. Они мечтали уже, что успѣли его ниспровергнуть; но ему стоило только увидѣться съ Людовикомъ и поговорить съ нимъ около четверти часа, чтобы сдѣлаться королемъ по прежнему. День этотъ назвали днемъ обманувшихся (la journée des dupes). Это была настоящая комедія: Кардиналъ собиралъ свои пожитки поутру, а враги его должны были дѣлать тоже вечеромъ. Но комедія имѣла и свою трагическую сторону: Кардиналъ велѣлъ арестовать обоихъ Марильяковъ, Маршала и генералъ-интенданта, которые, бывши его созданіями, противъ него же возстали. Не говоря уже о расхищеніи государственной казны и несправедливыхъ поборахъ

преступленіяхъ столь обыкновенныхъ въ тогдашнюю эпоху, они оказались виновными въ покушеніи — препятствовать успѣхамъ войны въ Италіи, удержаніемъ назначенныхъ для нея суммъ. Одному изъ нихъ отрубили голову. Всего гнуснѣе въ этомъ дѣлѣ было то, что судъ производился коммиссіею, составленною изъ личныхъ враговъ обвиняемаго, и притомъ въ частномъ домѣ, въ самомъ дворцѣ кардинала, въ Рюелѣ.

Вдовствующую королеву, съ которою труднѣе было раздѣлаться, задержали и напугали. Ее убѣдили бѣжать съ сыномъ своимъ Гастономъ въ Брюссель. Гастонъ, съ помощію герцога Лотарингскаго, на дочери котораго былъ женатъ вторымъ бракомъ, набираетъ толпы бродягъ и устремляется на Францію, куда призывали его вельможи и между прочимъ Монморанси, правитель Лангедока. На этотъ разъ вельможи хотѣли дѣйствовать рѣшительно. Дабы соединиться съ Монморанси, надобно было пройти все королевство. Солдаты, худо получавшіе жалованье, вознаграждали себя за это грабежемъ. Повсюду города запирали ворота передъ этими разбойниками. Они соединились въ Кастельнодари, но, не смотря на то, были разбиты. (1632). Гастонъ бросилъ оружіе и снова примирился, предавъ какъ и прежде своихъ приверженцевъ; онъ формально клялся: *любить королевскихъ министровъ и въ особенности кардинала.* Монморанси, раненый и взятый въ плѣнъ, былъ безчеловѣчно казненъ въ Тулузѣ. Объ немъ сожалѣли, какъ о послѣднемъ представителѣ рыцарскаго и феодальнаго міра. Родственникъ его, герцогъ Бутевиль, отецъ знаменитаго Люксамбурга, еще прежде былъ казненъ за поединокъ. Смотря,

какъ падали эти головы, вельможи поняли, что не слѣдовало болѣе шутить государствомъ и законами.

Это происходило во время самаго пыла тридцатилѣтней войны. Ришельё не могъ вмѣшаться въ нее непосредственно до тѣхъ поръ, пока не раздѣлался еще съ вельможами. Императоръ побѣдилъ уже протестантскую партію; Палатинъ былъ разоренъ (1623), а Датскій король удалился изъ отечества. (1629). Католическими войсками предводительствовали тогда величайшіе изъ полководцевъ, знаменитый тактикъ Тилли и Валленштейнъ, настоящій демонъ войны. Чтобы возстановить партію протестантовъ и возбудить тяжелую Германію, необходимо было движеніе извнѣ. Ришельё искалъ орудія на Сѣверѣ, за Даніею, и вызвалъ изъ Швеціи Густава Адольфа. Сначала онъ освободилъ его отъ войны съ Польшею; далъ ему денегъ, доставилъ союзъ съ соединенными Нидерландами и Англіею. Въ тоже время онъ искусно умѣлъ убѣдить Императора положить оружіе. Шведскій герой, зная что ему предстоитъ болѣе выигрыша, чѣмъ проигрыша, устремился на Германію, поражалъ какъ молнія, приводилъ въ недоумѣніе знаменитѣйшихъ тактиковъ, безпрепятственно разбивалъ ихъ, тогда какъ они изучали его маневры; отнялъ у нихъ весь Рейнъ и всю западную Германію. Ришельё не предвидѣлъ столь быстраго полета. Но Густавъ погибъ при Люценѣ, къ счастію своихъ враговъ, къ счастію союзниковъ и къ счастію собственной своей славы. Онъ умеръ чистымъ и непобѣжденнымъ (1632).

Ришельё продолжалъ снабжать Шведовъ деньгами на военныя издержки; конфисковавъ Лотарин-

гію, заградилъ Францію со стороны Германіи и объявилъ войну Испанцамъ (1635). Разстройство Австрійскаго дома позволяло ему надѣяться на участіе въ раздѣлѣ его владѣній; онъ нанялъ въ свою службу лучшаго изъ учениковъ Густава-Адольфа, Бернарда Саксенъ-Веймарскаго; эта война сначала представляла нѣкоторыя затрудненія. Императорскія войска проникли въ Бургундію, а Испанцы въ Пикардію. Они находились уже въ тридцати миляхъ отъ Парижа. Всѣ стали выбираться изъ города; самъ министръ, казалось, потерялъ присутствіе духа. Но Испанцы были прогнаны (1636). Бернардъ Веймарскій одержалъ въ пользу Франціи славныя побѣды при Ренфельдѣ и Бризахѣ; эти неприступныя мѣста были наконецъ покорены. Бернардъ подвергался сильному искушенію: ему хотѣлось, за деньги Франціи, составить себѣ маленькое государство на Рейнѣ. Учителю его, великому Густаву, недостало къ тому времени; Бенардъ также не имѣлъ его; онъ умеръ тридцати шести лѣтъ, весьма кстати для Франціи и для Ришельё (1639).

На слѣдующій годъ (1640), кардиналъ нашелъ способъ сдѣлать войну не столь сложною. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы внести ее въ самую Испанію. Востокъ и Западъ, Каталонія и Португалія возстали въ одно время. Каталонцы отдали себя подъ покровительство Франціи. Испанія хотѣла, по примѣру Ришельё, занять его самаго домашнею войною, и для того вошла въ сношенія съ Гастономъ и съ вельможами. Графъ Суассонскій, сдѣлавшій вспышку прежде времени, принужденъ былъ бѣжать въ Испанію и, сражаясь за нее, убитъ близъ Седана (1641). Заговорщики не потеряли однакожъ бодрости; по соглашенію съ Испаніею, со-

ставился новый заговоръ. Молодой Сенъ-Марсъ великій конюшій и любимецъ Людовика XIII, вступилъ въ этотъ заговоръ съ тѣмъ же легкомысліемъ, которое погубило Шале. Скромный де Ту, сынъ историка, зналъ о заговорѣ, но не говорилъ ни слова. Самому королю не безъ извѣстно было, что замышляли погибель министра. Ришельё будучи въ то время очень боленъ, казалось, долженъ былъ неминуемо погибнуть. Не смотря однакожъ на это, доставъ удачно копію съ трактата, заключеннаго заговорщиками съ иноземною державою, онъ успѣлъ прежде смерти предать суду своихъ непріятелей. Сенъ-Марсу и де Ту отрубили головы, а герцогъ Бульонскій, который видѣлъ уже ножъ у горла, выкупилъ себя уступкою Седана. На другомъ концѣ Франціи Ришельё отнялъ у Испанцевъ Перпиньянъ. Оба эти города оставлены кардиналомъ въ наслѣдство Франціи, какъ защита ея съ Сѣвера и съ Юга. Въ томъ же году пестало великаго человѣка (1642).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Безпокойства во время управленія Мазарина; начало правленія Колбера. Людовикъ XIV. (1643 — 1661).

Смерть Ришельё была всеобщимъ освобожденіемъ. Всѣ стали дышать вольнѣе. Народъ сочинялъ пѣсни, самъ король пѣлъ ихъ, не смотря на то, что находился при послѣднемъ издыханіи. Вдова его, Анна Австрійская, сдѣлалась правительницею

отъ имени новаго короля, шестилѣтняго Людовика XIV. Франція послѣ Ришельё и Людовика XIII очутилась, такъ какъ и послѣ Генриха IV, подъ слабою рукою женщины, не умѣвшей ни противиться ни удерживать. Во Французскомъ языкѣ, говоритъ одинъ изъ современниковъ, было тогда три слова: »королева такъ милостива!» Кончини этой новой Маріи Медичи былъ кардиналъ Мазаринъ — Италіанецъ, одаренный великимъ умомъ. Его управленіе, сколько славное во внѣшнихъ отношеніяхъ, столько жалкое внутри государства, было возмущено смѣшною революціею, извѣстною подъ названіемъ Фронды, и увѣнчалось двумя трактатами, Вестфальскимъ и Пиренейскимъ; первый изъ нихъ составлялъ дипломатическую хартію Европы до временъ Французской революціи. Добро и зло остались въ равной степени послѣ Ришельё. Онъ сообщилъ пружинамъ правительства слишкомъ много упругости, и потому весьма естественно, что онѣ ослабѣли при Мазаринѣ. Ришельё, принужденный постоянно бороться съ обстоятельствами, прибѣгалъ по части финансовъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Уничтоживъ кредитъ, онъ уничтожилъ все, въ настоящемъ и даже въ будущемъ. Мазаринъ, принявъ дѣла въ такомъ положеніи, увеличилъ безпорядокъ; онъ позволялъ пользоваться другимъ, пользовался самъ и оставилъ послѣ своей смерти на двѣсти милліоновъ имѣнія. Будучи слишкомъ уменъ, чтобы нечувствовать цѣны порядка, на смертномъ одрѣ своемъ, онъ говорилъ Людовику XIV, что надѣется совершенно расплатиться съ нимъ, оставляя ему Колбера. Впрочемъ часть этихъ награбленныхъ денегъ употреблена была честнымъ образомъ. ГавріилъНоде отправленъ

имъ былъ во всѣ стороны Европы для покупки, за какую бы-то ни было цѣну, самыхъ драгоцѣнныхъ книгъ; — такимъ образомъ составилась его превосходная библіотека, извѣстная подъ именемъ *Мазариновой*, открытая имъ для всеобщаго употребленія. Это была первая публичная библіотека въ Парижѣ. Въ то-же самое время онъ назначилъ удалившемуся въ Голландію Декарту пенсію въ тысячу экю, которую и велѣлъ выдавать ему совсею исправностію.

Новое царствованіе началось побѣдами; сраженіе при Рокруа подало случай Французской пѣхотѣ занять принадлежащее ей мѣсто (1643). Это происшествіе справедливо можно назвать великимъ общественнымъ событіемъ. Кавалерія составляетъ войско аристократическое, пѣхота есть армія плебеевъ. Когда появляется пѣхота, появляется и народъ, и каковъ народъ, такова и пѣхота. Прошло уже полтора вѣка съ тѣхъ поръ, какъ Испанія сдѣлалась націею; пѣхотный Испанскій солдатъ господствовалъ на полѣ битвы; онъ былъ храбръ подъ огнемъ, всегда сохранялъ къ себя уваженіе, въ какой-бы крайности ни былъ, и заставлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ другихъ уважать въ немъ *Senor Soldado*. Впрочемъ онъ былъ угрюмъ, скупъ и жаденъ къ пріобрѣтеніямъ; худо получая плату, не терялъ терпѣнія, въ надеждѣ на грабежъ какого нибудь добраго города Германіи или Фландріи. Во время Карла Пятаго, солдаты клялись Флорентинскимъ кошелькомъ; они разграбили Римъ, Антверпенъ, потомъ еще нѣсколько городовъ въ соединенныхъ Нидерландахъ. Между Испанцами были люди разныхъ націй, особенно Италіанцы. Народный характеръ изглаживался; но военный духъ и древняя

честь армiи еще поддерживали ихъ въ то время, когда они приведены были на битву при Рокруа. Мѣсто ихъ занялъ солдатъ Французскiй, — образецъ солдата, пылкость, подчиненная военному порядку. Онъ также былъ еще далекъ отъ истиннаго понятiя объ отечествѣ; но въ немъ сохранялось по крайней мѣрѣ живѣйшее чувство привязанности къ своей родинѣ. Эти солдаты были удалое поколѣнiе земледѣльцевъ, которыхъ дѣды участвовали въ послѣднихъ войнахъ за вѣру. Эти партизанскiя войны образовали цѣлую нацiю солдатъ; въ ихъ семействахъ хранились преданiя, питавшiя чувство чести и внушавшiя храбрость. Внуки ихъ, завербованные и предводимые двадцатилѣтнимъ юношею, великимъ Конде, прорвали, при Рокруа, ряды Испанцевъ и опрокинули старыя толпы, съ такоюже веселостiю, съ какою въ новѣйшiя времена ихъ потомки, подъ предводительствомъ другаго юноши, перешли мосты въ Арколѣ и Лоди.

Со времени Густава Адольфа — война одушевилась генiемъ болѣе свободнымъ. Стали меньше вѣрить въ матерiальную силу и болѣе въ нравственную. Тактика, если можно такъ выразиться, начала слѣдовать системѣ спиритуализма. Кто чувствовалъ въ себѣ небесный пламень, тотъ шелъ, не считая непрiятелей. Нужно было только, чтобы впереди находился молодой смѣльчакъ, увѣренный въ успѣхѣ. Конде, подъ Фрибургомъ, бросилъ свою палку въ ряды непрiятелекie и всѣ Французы устремились поднять ее.

Одна побѣда раждаетъ другую. Пораженiемъ при Рокруа сокрушенъ былъ на всегда воинственный духъ Испанскихъ и Императорскихъ полковъ. Въ слѣдующемъ году (1644) искусный и старый

Мерси далъ опрокинуть свои ряды при Тіонвилѣ, а Конде овладѣлъ Филипсбургомъ и Майнцомъ, центральною позиціею Рейна. Мерси снова совершенно разбитъ при Нордлингѣ (1645). Въ 1646 г. Конде взялъ Дюнкирхенъ, ключь Фландріи и пролива. Наконецъ 20 Августа 1648 г. онъ выигралъ въ Артуа сраженіе при Ланѣ (Lens), а 24 Октября подписанъ Вестфальскій миръ. Конде избавилъ переговоры отъ излишней запутанности.

Эти пять лѣтъ неслыханныхъ успѣховъ вскружили голову Конде. Онъ забылъ о народѣ, одержавшемъ всѣ исчисленныя побѣды, и приписывалъ ихъ собственно себѣ. Правда, всѣ тоже думали, и вотъ что заставило его играть во Фрондѣ роль хвастуна, театральнаго героя. Будучи обманутъ, ошибшись въ расчетѣ, чувствуя себя безсильнымъ и сдѣлавшись наконецъ смѣшнымъ, онъ разсердился и перешелъ къ непріятелямъ; но переставъ начальствовать надъ Французами, былъ разбитъ.

Въ томъ же году, въ которомъ заключенъ достопамятный Вестфальскій миръ, окончившій Европейскую войну, и доставившій Франціи Алзасъ, вспыхнула самая забавная революція. Фронда (Эта дѣтская война, такъ прилично названная именемъ дѣтской игры, Fronde), была конечно смѣшна по своимъ событіямъ; но гораздо забавнѣе по своему началу: въ сущности она была нечто иное, какъ возмущеніе легистовъ противъ закона. Парламентъ вооружился противъ Королевской власти. Онъ присвоилъ себѣ право Генеральныхъ Штатовъ, и возмечталъ сдѣлаться повѣреннымъ народа, безъ его вѣдома. Въ то-же самое время Англійскій парламентъ, парламентъ въ полномъ по-

литическомъ смыслѣ этого слова, произносилъ смертный приговоръ надъ своимъ королемъ (1649); а Неаполитанская чернь производила въ короли рыбака (Мазаніелло, 1648). Французскій парламентъ, составленный изъ легистовъ, пріобрѣтавшихъ себѣ мѣста за деньги, не былъ недоволенъ ни династіею, ни трономъ, а только хотѣлъ противиться королевской власти. Поступки этихъ людей, въ теченіе двухъ вѣковъ, не предвѣщали ничего подобнаго. Въ продолженіе войнъ за вѣру, они обнаруживали много страха и покорности; благопріятствуя, большею частію, новымъ понятіямъ, они между тѣмъ внесли въ свои акты ночь Св. Варѳоломея. Подъ управленіемъ Ришельё видна съ ихъ стороны таже самая покорность; парламенты снабжали его комитетами для кровавыхъ судилищъ, но не избѣгли чрезъ то ни оскорбленій ни насилія; приговоры ихъ иногда не имѣли ни какой силы (Парижъ, 1635: Руанъ, 1640). Въ то время они очень низко преклоняли свои головы: но когда подняли ихъ и удостовѣрились, что онѣ еще у нихъ на плечахъ, когда увидѣли, что властитель дѣйствительно умеръ, тогда почувствовали себя храбрыми и заговорили громко — точно вырвавшіеся на свободу школьники, въ промежутокъ между начальствомъ двухъ учителей — Ришельё и Людовика XIV.

Въ этой траги-комедіи, послѣ *Французскаго Марса* (такъ называли Конде), еще смѣшнѣе были начальники двухъ противныхъ партій парламента; съ одной стороны неподвижный президентъ Моле, кусокъ желѣза, не смягчавшійся ни предъ однимъ человѣкомъ, ни предъ одной идеей; а съ другой, олицетворенное непостоянство въ лицѣ Коадьютора, знаменитаго кардинала Реца. Этотъ пылкій моло-

дой человѣкъ, семнадцати лѣтъ, написалъ исторію заговора Фіеско, а потомъ, чтобы соединить практику съ теоріею, вошелъ самъ въ заговоръ противъ кардинала Ришельё. Ему очень пріятно было слышать, когда его называли маленькимъ Катилиною. Входя въ Парижскій сенатъ, онъ всегда выставлялъ изъ кармана кинжалъ; прочитавъ, что Цезарь имѣлъ долги, и онъ сталъ ихъ наживать; Цезарь писалъ комментаріи, и онъ оставилъ по себѣ комментаріи. Ему недоставало только Фарсальской битвы.

Крайняя нищета народа не дозволяла помышлять о новыхъ налогахъ, и потому Мазаринъ пользовался случайными источниками доходовъ—притѣсненіями. Суперъ-интендантъ его, Емери, также Италіанецъ, нѣкоторыми финансовыми мѣрами, возбудивъ негодованіе Парижскаго Парламента, вооружилъ его вмѣстѣ съ другими Парламентами противъ дѣйствій правительства. (13 Мая; 15 Іюля 1648.) Мазаринъ думалъ совершить важное дѣло, приказавъ арестовать четырехъ Парламентскихъ членовъ, въ то самое время, какъ вносили въ церковь Богоматери знамена, взятыя въ сраженіи при Ланѣ, и когда пѣли: *Te Deum laudamus*. Это было началомъ возмущенія. Изъ четырехъ арестантовъ народъ болѣе всѣхъ любилъ одного стараго, глупаго совѣтника, который нравился ему своею грубостію и прекрасными сѣдыми волосами. Его звали Бруссель. Шумныя, мятежныя толпы собираются у дверей его жилища. Старая служанка произноситъ рѣчь; крикъ, мало по малу, увеличивается и сто тысячь голосовъ восклицаютъ: » свобода и Бруссель. «

Принцы, вельможи, Парламентъ и простой народъ, всѣ соединились противъ Мазарина. Королева, съ малолѣтнымъ сыномъ своимъ, принуждена выѣхать изъ Парижа. Въ Сенъ-Жерменѣ они проводятъ ночь на соломѣ. Таковы были тогдашнія несчастныя времена! Англійская королева, прибывшая искать убѣжища въ Парижѣ, пролежала всю зиму въ постели, не имѣя дровъ для отопленія комнаты. Между тѣмъ Парламентъ набираетъ войска; прокуроры садятся на коней; каждый домъ выставляетъ вооруженнаго служителя. Виконтъ Тюрень, происходившій изъ крамольнаго дома Бульоновъ, расчитываетъ, что настала минута возвратить Седанъ, и принимаетъ начальство надъ Фрондою. Всякій полководецъ, всякій начальникъ партіи, если хотѣлъ сдѣлаться настоящимъ героемъ романа или исторіи, долженъ былъ въ то время непремѣнно имѣть свою красавицу, и быть влюбленнымъ; холодный, важный Тюрень избралъ своею дамою Г-жу Лонгвиль.

Испанцы, вступившіе во Францію, съ тѣмъ чтобы воспользоваться этимъ переворотомъ (1649), устрашили обѣ партіи и заставили ихъ примириться на нѣкоторое время. Конде, дотолѣ остававшійся еще вѣрнымъ престолу, почувствовалъ, что безъ него не могутъ обойтиться, и сдѣлался нестерпимъ своими требованіями. Тогда-то выдумано было, какъ для него, такъ и для молодыхъ людей его окружавшихъ, имя птиметровъ (petits-maîtres). Въ одно и тоже время онъ торговался съ обѣими партіями. Необходимость требовала арестовать его (1650). Это послужило Тюреню предлогомъ перейти къ Испанцамъ и объявить, что онъ сражается за освобожденіе Конде. Партіи принцевъ и возмути-

телей, соединившись вмѣстѣ, были подкрѣпляемы Испаніею. Мазаринъ нашелся принужденнымъ уступить. Удалившись на нѣкоторое время отъ дѣлъ и давъ пройти грозѣ, онъ на слѣдующій годъ явился снова; привлекъ на свою сторону Тюреня; но тщетно покушался возвратить короля въ Парижъ (сраженіе при вратахъ св. Антонія, 1652). Прошелъ еще годъ и изнеможеніе партій дошло до крайности; тогда уже сами Парижане побуждали короля возвратиться (1653). Фрондеры задыхались въ переднихъ Мазарина. Конде и Испанцы были разбиты королевскими войсками, подъ предводительствомъ Тюреня. Мазаринъ не колебался соединиться съ Англійскою республикою, съ Кромвелемъ, и сильно стѣснилъ Испанцевъ. Тюрень одержалъ надъ ними побѣду при Дюнѣ (Dunes, 1658); слѣдствіемъ ея было то, что Англичане получили Дюнкирхенъ, а Франція успѣла заключить Пиренейскій миръ (1659). Вестфальскій трактатъ обезпечилъ ея границы въ Артуа, Алзасѣ и Руссильонѣ; а Пиренейскій сверхъ того присоединилъ къ ней Гравелину, Ландреси, Тіонвилъ и Монмеди. Юный король женился на Инфантѣ, за которою было обѣщано пять-сотъ тысячь экю приданаго; впрочемъ они не были уплачены. Инфанта отреклась отъ всякаго наслѣдства въ Испанскихъ владѣніяхъ. Мазаринъ не спорилъ; онъ предвидѣлъ, какъ вознаградится это отреченіе (1659).

Королевская власть восторжествовала тогда совершенно. Ришельё сокрушилъ вельможъ и протестантовъ; Фронда обезсилила Парламентъ, показавъ его въ настоящемъ видѣ. Остались только Король и народъ, и послѣдній существовалъ въ первомъ. Когда Людовикъ XIV сказалъ «Государство со-

ставляю я» то въ этомъ изреченіи не должно видѣть ни высокомѣрія, ни хвастовства; оно было простымъ выраженіемъ дѣйствительнаго факта.

Юный Людовикъ былъ совершенно способенъ играть столь блистательную роль. Его холодный и важный видъ пятьдесятъ лѣтъ носился надъ Франціею съ одинакимъ величіемъ. Въ первыя тридцать лѣтъ онъ восемъ часовъ въ сутки присутствовалъ въ совѣтѣ, соглашая дѣла съ удовольствіями, выслушивая объясненія, спрашивая совѣтовъ, но предлагая собственныя свои рѣшенія. Министры его смѣнялись, умирали, а онъ, все одинъ и тотъ же, исполнялъ свои обязанности, обряды, требуемые придворнымъ этикетомъ, являлся на королевскихъ праздникахъ, съ такимъ же неизмѣннымъ порядкомъ, съ какимъ совершаетъ свой путь солнце, которое онъ избралъ для себя эмблемою.

Къ славѣ Людовика XIV должно отнести то, что онъ въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ сохранилъ министромъ человѣка, трудившагося болѣе всѣхъ для славы Франціи. Здѣсь говорится о Колберѣ. Онъ былъ внукъ Реймскаго купца, торговавшаго шерстью, подъ вывѣскою long-vetu; имѣлъ умъ нѣсколько тяжелый и грубый, но твердый, дѣятельный и непобѣдимый въ трудахъ. Его непосредственному управленію подлежали внутреннія дѣла государства: торговля, финансы и даже морская сила, которую поручилъ онъ своему сыну; ему недоставало только министерствъ военнаго и юстиціи, чтобъ быть настоящимъ королемъ. Военная часть находилась (съ 1666 г.) въ вѣдѣніи Лувуа, точнаго, бѣшенаго, жестокаго администратора, котораго вліяніе тяготѣло на однихъ вѣсахъ съ вліяніемъ Колбера. Людовикъ XIV, казалось, поставленъ

былъ между ними, какъ между добрымъ и злымъ геніемъ; но тотъ и другой были нужны; оба они составляли равновѣсіе великаго царствованія.

Когда въ 1661 году Колберъ вступилъ въ управленіе, доходы государства простирались до восьмидесяти четырехъ милліоновъ, а расходы до пятидесяти двухъ; чистаго остатка было тридцать одинъ милліонъ. Въ 1670 г., не смотря на происходившія войны, онъ возвысилъ чистый доходъ до семидесяти милліоновъ, и уменьшилъ расходы до двадцати пяти милліоновъ. Первое его дѣйствіе по части финансовъ — уменшеніе процентовъ — сильно поколебало кредитъ. Его постановленія касательно промышленности были чрезвычайно стѣснительны и насильственны. Но на торговлю онъ смотрѣлъ взглядомъ просвѣщеннымъ; имъ основаны совѣщательные комитеты изъ купечества, учреждены свободныя отъ пошлинъ складочныя мѣста, устроены дороги; торговля моремъ обезпечена истребленіемъ морскихъ разбойниковъ. Въ тоже время онъ дѣйствовалъ смѣлою рукою въ учрежденіяхъ политическихъ. Онъ запретилъ всякую продажу или завѣщаніе въ пользу общинъ (1661); ограничилъ право освобожденія отъ налоговъ, право, которое духовенство, дворянство и граждане вольныхъ городовъ распространяли на своихъ мызниковъ, выставляя ихъ просто слугами. Онъ отмѣнилъ въ 1664 г. силу дворянскихъ грамотъ, выданныхъ съ 1630 г.; объявилъ случайными или временными всѣ счетныя должности, дабы ихъ мало по малу уничтожить. Упрекаютъ Колбера въ томъ, что онъ болѣе поощрялъ торговлю, нежели земледѣліе, между тѣмъ какъ имъ запрещено брать у земледѣльцевъ, на уплату податей, постели, платье, лошадей, воловъ и пахат-

ныя орудія. Чтобы понизить цѣны на хлѣбъ, воспрещенъ былъ свободный вывозъ его за границу. Нужно взять во вниманіе и то, что какъ большая часть земель была въ рукахъ у вельможъ и дворянства, то поощреніе земледѣлія принесло бы менѣе пользы народу, нежели аристократіи. Напротивъ того, торговля была въ рукахъ средняго класса, который начиналъ уже тогда возвышаться.

Этотъ человѣкъ, вышедшій изъ купеческой конконторы, умѣлъ понять величіе Франціи. Онъ забывалъ свою экономію, когда дѣло шло объ издержкахъ, имѣвшихъ цѣлію славу. «Надобно, писалъ онъ Людовику XIV, сберегать пять копѣекъ въ вещахъ ненужныхъ, и бросать милліоны, когда того требуетъ ваша слава; издержка на безполезное пиршество, стоющее трехъ тысячь ливровъ, мнѣ прискорбна до крайности, но когда требуется милліонъ золота для Польши, то для пріобрѣтенія его, я продалъ бы все свое имѣніе, заложилъ бы жену и дѣтей и цѣлую жизнь свою ходилъ бы пѣшкомъ.» Главнѣйшіе памятники временъ Людовика XIV, самыя прекрасныя его учрежденія: обсерваторія, библіотека, академія, обязаны своимъ существованіемъ Колберу. Онъ назначалъ пенсіи Литтераторамъ Французскимъ и даже иностраннымъ. «Небыло ни одного знаменитаго ученаго, говоритъ одинъ современникъ, какъ бы онъ далеко ни жилъ отъ Франціи, котораго бы награда не нашла въ собственномъ его жилищѣ». — «Хотя король и не вашъ Государь, писалъ Колберъ къ Голландцу Исааку Воссію, не смотря на то, Его Величество хочетъ быть вашимъ благотворителемъ.»

Какихъ бы упрековъ ни заслуживалъ Людовикъ XIV, подобныя письма служатъ для него пре-

краснымъ оправданіемъ. Присоедините къ тому еще домъ Инвалидовъ, Дюнкирхенъ и каналъ, соединившій два моря. Наконецъ прибавьте ко всему этому Версаль: этотъ чудесный памятникъ, не имѣющій ничего подобнаго ни въ одной странѣ Европы, означалъ величіе Франціи, въ первой разъ соединенной въ одно цѣлое въ семнадцатомъ вѣкѣ. Что за удивительная роскошь въ зелени и архитектурѣ, въ этихъ безчисленныхъ террасахъ и бассейнахъ; что за необыкновенное соединеніе бронзы, мрамора, водометовъ и каскадовъ, восходящихъ рядами по королевской горѣ, съ самаго низу, гдѣ чудовища и тритоны трубятъ славу великаго монарха, до прекрасныхъ древнихъ статуй, служащихъ символомъ спокойнаго изображенія боговъ! Во всемъ этомъ видѣнъ величественный образъ монархіи. Воды, которыя съ такою прелестію и величіемъ подымаются и опускаются, выражаютъ обширное общественное кругообращеніе, появившееся тогда въ первой разъ; могущество и богатство, восходящія отъ народа къ королю, дабы потомъ отъ него изливаться на народъ, въ дѣлахъ славы, устройства и безопасности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Продолженіе царствованія Людовика XIV (1661 — 1715).

Соединенная въ одно цѣлое и вмѣстѣ съ тѣмъ усилившаяся Франція требовала и получила первенство предъ прочими ослабѣвшими державами. За то, что Папа допустилъ нанести важное оскорбленіе Французскому Посланнику, и нарушить неприкосновенность его жилища, Людовикъ XIV потребовалъ полнаго удовлетворенія. Папа принужденъ былъ изгнать роднаго своего брата и воздвигнуть пирамиду, чтобы тѣмъ увѣковѣчить свое униженіе (1664). Въ тоже время, какъ столь строго поступлено было съ духовнымъ главою христіанства, Людовикъ на морѣ и на сушѣ защищалъ выгоды христіанъ; очищалъ моря отъ варварійскихъ разбойниковъ (1664). Императору Леопольду, вовлеченному въ войну съ Турками, онъ послалъ войско, которое приняло самое блистательное участіе въ сраженіи при Сенъ-Готарѣ.

Противъ кого могла быть направлена эта сила, которую обнаруживала въ себѣ Франція? Послѣ того, какъ Англія, съ возвращеніемъ Стуартовъ, почти потеряла свою значительность, на Западѣ оставались двѣ только державы: Испанія и Голландія, побѣжденные и побѣдители. Испанія все еще была тѣмъ дивнымъ *кораблемъ, котораго передняя часть носилась въ моряхъ Индіи, а корма въ*

Атлантическомъ Океанѣ; но этотъ корабль стоялъ безъ мачтъ, безъ снастей, прибитый къ берегу бурными порывами протестантизма. Первымъ ударомъ вѣтра отбило у него ладью его — Голландію, вторымъ унесло Португалію и обнажило одну сторону, третьимъ наконецъ отдѣлило Восточную Индію. То, что оставалось, было еще обширно и величественно; но этотъ остатокъ, не одушевленный и неподвижный, спокойно ожидалъ своего разрушенія.

Съ другой стороны являлась Голландія, небольшая страна, населенная народомъ грубымъ, корыстолюбивымъ, молчаливымъ, произведшимъ столько великихъ дѣлъ безъ всякаго величія. Начальный подвигъ его состоялъ въ томъ, что не смотря на Океанъ, онъ поддержалъ свое существованіе, — это было первое чудо; потомъ онъ сталъ солить сельди и сыръ; потомъ промѣнялъ смрадныя свои бочки на бочки золота; наконецъ учредивъ банкъ, сдѣлалъ это золото плодовитымъ: червонцы *высиживали дѣтокъ*. Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія Голландцы радостно прибирали къ рукамъ отдѣлявшіяся отъ Испаніи участки; отняли у нее море, а въ добавокъ и Индію. Испанскіе Соединенные Нидерланды, на основаніи одного трактата, содержимы были въ осадномъ положеніи. Испанія подписала приговоръ о закрытіи Шельды и согласилась на разореніе Антверпена (1648). Бельгійцамъ запрещено было продавать произведенія своей земли. Голландія впилась въ Белгію, какъ вампиръ, высасывала изъ нее жизнь и тучнѣла, тогда какъ та истощилась.

Таково было положеніе Запада, когда Франція достигла вершины своего могущества. Суша при-

надлежала еще Испаніи, море было собственностію Голландіи. Франціи въ семнадцатомъ вѣкѣ предстоялъ подвигъ раздробить одну и ослабить другую. Первое было легче послѣдняго; имѣя войска, Франція не имѣла еще кораблей; а потому и начала съ Испанцевъ. Первоначальнымъ ея дѣйствіемъ было, для вида только, соединиться съ Голландіею противъ Испаніи и Англіи, сражавшихся за владычество надъ морями. Франція обѣщаетъ вспоможеніе Голландіи, и между тѣмъ равнодушно смотритъ, какъ сталкиваются корабли этихъ трехъ державъ и какъ изнемогаютъ ихъ флоты въ самыхъ жаркихъ битвахъ. Потомъ, когда умеръ Филиппъ IV (1667), Людовикъ XIV, основываясь на гражданскомъ законѣ Соединенныхъ Нидерландовъ, претендуетъ, что супруга его, какъ старшая дочь покойнаго короля, должна имѣть въ наслѣдствѣ преимущество предъ младшимъ его сыномъ. Правда, она отказалась отъ наслѣдства, но обѣщанное ей приданое не было выплачено. Французская армія вступаетъ во Фландрію, со всею пышностію новаго царствованія: впереди всѣхъ Тюренъ, потомъ король, министры, дамы, въ позолоченныхъ придворныхъ каретахъ; далѣе Вобанъ, который по мѣрѣ того, какъ шли впередъ, останавливался въ крѣпостяхъ и укрѣплялъ ихъ. Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ Фландрія была занята и Французы удержали ее за собою. Въ ту же зиму, когда всѣ полагали, что война пріостановилась (Январь, 1667), войска прошли чрезъ Шампань въ Бургундію и напали на Франшъ-Конте. Испанія не ожидала этого; мѣстные начальники предварительно еще были подкуплены, и въ осьмнадцать дней все было кончено. Испанскій дворъ съ негодованіемъ писалъ правителю области —

«что Французскій король, вмѣсто того, чтобы итти лично, могъ бы послать своихъ лакеевъ для занятія провинціи.»

Успѣхи Французовъ примирили Испанію съ Голландіею. Послѣдней не очень хотѣлось имѣть своимъ сосѣдомъ великаго монарха, и Голландцы принимаютъ участіе въ дѣлахъ Испаніи, защищаютъ ее, соединясь, для пользы ея, съ Англіею и Швеціею; искусно заставляютъ самихъ Англичанъ искать этого союза. Три протестанскія державы вооружаются на защиту католической Испаніи противъ Франціи, также католической. Это любопытное событіе показываетъ, какое разстояніе раздѣляло уже Французовъ отъ шеснадцатаго столѣтія и отъ религіозныхъ войнъ (тройственный союзъ въ Гагѣ, 1668 г.). Людовикъ XIV долженъ былъ удовольствоваться Фландріею и возвратить Франшъ-Конте.

Покровительствуя Испаніи, Голландія заставила Францію уступить. Одинъ изъ Амстердамскихъ гражданъ прибылъ къ окруженному всею славою королю, съ объявленіемъ, что онъ не долженъ итти далѣе. Появились оскорбительныя медали; говорятъ даже, что Амстердамскій гражданинъ велѣлъ изобразить себя вмѣстѣ съ солнцемъ, съ слѣдующимъ девизомъ: in conspectu meo stetit sol (солнце остановилось предо мною).

Съ этой поры распри въ Европѣ происходили только между Франціею и Голландіею. Первая не могла сдѣлать ни шагу, чтобы не встрѣтить послѣднюю. Сначала король покупаетъ за наличныя деньги союзъ съ Англіею и съ Швеціею. Карлъ II, измѣнившій уже Англичанамъ продажею Французамъ Мардика и Дюнкирхена, продаетъ еще разъ выгоды своего государства. Народу его обѣщаютъ нѣкото-

рые изъ острововъ Голландіи, а самому королю денегъ, для праздниковъ и любовницъ. Юная, очаровательная герцогиня Орлеанская, невѣстка Людовика XIV и сестра Карла II, во время одного изъ своихъ торжественныхъ путешествій, вела переговоры, которые не могли имѣть другаго послѣдствія, кромѣ стыда для ея брата. Это та самая принцесса, которая умерла въ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ, которую такъ много оплакивали, для которой Корнель и Расинъ сочинили каждый по Вереникѣ, а Боссюэтъ произнесъ знаменитое надгробное слово.

Между тѣмъ Людовикъ XIV увеличилъ свою армію до восьмидесяти тысячь человѣкъ. Лувуа далъ ей самое грозное устройство. Въ первый еще разъ штыкъ, это страшное оружіе въ рукахъ Французовъ, былъ привинченъ къ концу ружья. Неутомимый геній Колбера создалъ морскую силу. Франція, занимавшая прежде корабли у Голландцевъ, въ 1672 г., имѣла уже сто собственныхъ. Пять морскихъ арсеналовъ выстроены были въ Брестѣ, Рошфорѣ, Тулонѣ, Дюнкирхенѣ и Гаврѣ. Дюнкирхенъ къ несчастію разоренъ, но Тулонъ и Брестъ, съ своими огромными постройками, съ раздвинутыми горами для пропуска кораблей, свидѣтельствуютъ еще и понынѣ о тѣхъ исполинскихъ усиліяхъ, которыя сдѣланы Франціей въ то время, когда она вызвала Голландію на смертный бой за владычество надъ морями.

Голландія, владѣя моремъ, мечтала, что уже владѣетъ всемъ. Морская партія управляла ею; де Витты господствовали въ совѣтѣ, а Рюйтеры на флотѣ; де Витты были люди государственные, геометры, кормчіе, заклятые враги партіи, державшейся суши, враги Оранскаго дома и Штатгалтерства.

Они какъ будто забыли, что Голландія составляетъ часть материка, и смотрѣли на нее, какъ на островъ. Крѣпости приходили въ разрушеніе. Голландія имѣла всего только двадцать пять тысячь плохихъ солдатъ, и въ какое время? когда граница Франціи подвигалась впередъ и касалась почти ея границъ.

Вдругъ стотысячная армія двинулась изъ Фландріи въ Голландію (1672). «Это былъ, говоритъ Тамиль, громовой ударъ въ самую ясную погоду?» Войска, не тратя времени на осаду Местрихта, берутъ Гельдръ, Утрехтъ, Оверъ-Иссель, и останавливаются въ четырехъ миляхъ отъ Амстердама. Ничто не могло спасти Голландію. Единственные союзники ея, Испанцы и Бранденбургцы, не заставили бы Людовика XIV выпустить добычи изъ рукъ своихъ. Спасти ее могъ только самъ побѣдитель, своими ошибками; такъ и случилось. Конде и Тюрень требовали разоренія крѣпостей, а Лувуа хотѣлъ оставить въ нихъ гарнизоны. т. е. раздробить армію. Король согласился съ Лувуа. Понадѣялись на стѣны; думали овладѣть Голландіею, имѣя въ своей власти камни; Голландія ускользнула. Въ первыя минуты, земноводная республика хотѣла ввѣриться морю, и рѣшилась-было съ золотомъ своимъ плыть въ Батавію; но потомъ, когда война стала замедляться, снова возъимѣли надежду устоять на сушѣ. Народъ съ неистовствомъ бросился на предводителей морской партіи, де Виттовъ: они были растерзаны на части. Рюйтеръ чуть не подвергся той же участи. Наконецъ всѣ силы республики ввѣрены были юному Вильгельму Оранскому.

Этотъ двадцатилѣтній полководецъ, для перваго опыта рѣшившійся, безъ всякаго почти войска, вступить въ борьбу съ величайшимъ изъ королей

материка, вмѣщалъ въ слабомъ и почти умирающемъ тѣлѣ холодное упрямство дѣда своего, Вильгельма Молчаливаго, противника Филиппа II. Онъ казался желѣзнымъ; былъ чуждъ всякаго чувства природы и человѣчества. Воспитанный де Виттами, онъ сдѣлался орудіемъ ихъ погибели. Происходя, по матери отъ Стуартовъ, онъ ихъ низвергнулъ; будучи зятемъ Іакова II, лишилъ его престола; отнявши Англію у своихъ родственниковъ, допустилъ овладѣть ею принцевъ Гановерскаго дома, которыхъ самъ ненавидѣлъ. У него была одна только страсть, но страсть жестокая: это ненависть къ Франціи. Увѣряютъ, что во время Нимвегенскаго мира, когда онъ покусился нечаянно напасть на Люксамбургъ, ему уже извѣстно было о существованіи трактата, но онъ жаждалъ еще крови Французовъ. Замѣчательно, что этотъ великій и предпріимчивый полководецъ велъ всегда войну отступая; но его удивительныя отступленія равнялись побѣдамъ.

Чтобы защитить Голландію, онъ приказалъ поднять шлюзы, между тѣмъ какъ Рюйтеръ, разбивая Французовъ и Англичанъ, приводилъ ее въ безопасность со стороны моря и расположилъ свой флотъ на наводненныхъ равнинахъ Амстердама. Потомъ Вильгельмъ вооружился противъ Франціи, Испаніи и Австріи; отвлекъ Англію отъ союза съ Людовикомъ XIV. Карлъ II принужденъ былъ своимъ парламентомъ подписать миръ. Католическіе сосѣди Голландіи: епископъ Мюнстерскій, Курфирстъ Кельнскій, потомъ Бранденбургъ, потомъ Данія, потомъ Австрія, а наконецъ и вся Европа возстала противъ Людовика XIV (1674).

Тогда уже необходимо было оставить Голландскія крѣпости и отступить. Вознагражденія за по-

тери причлись, по обыкновенію, на часть Испаніи Людовикъ XIV овладѣлъ Франшъ-конте, которая съ тѣхъ поръ и осталась за Франціею. Въ Соединенныхъ Нидерландахъ, Конде, будучи слабѣе двадцатью тысячами, имѣлъ съ принцемъ Вильгельмомъ извѣстную, жестокую битву при Сенефѣ. Конде побѣдилъ, но для принца и то было побѣдою, что онъ, при равныхъ потеряхъ, стоялъ противъ Конде. На Рейнѣ, Тюрень, который, какъ говоритъ Бонапарте, состарѣваясь возрасталъ въ предпріимчивости, угрожалъ опасностію цѣлой Имперіи. Онъ дважды спасалъ Алзасъ и дважды проникалъ въ Германію. Въ то же самое время, по повелѣнію Лувуа, сожженъ Палатинатъ. Палатинъ находился въ тайномъ союзѣ съ императоромъ: имперцамъ хотѣли оставить однѣ только пустоши.

Тюрень, снова вступивъ въ Германію, готовился уже нанести рѣшительный ударъ, но былъ убитъ въ Зальцбахѣ (1675). Конде, сдѣлавшись боленъ, отступилъ въ томъ же году.

Тогда увидѣли, что участь Франціи не зависѣла отъ одного какого-либо лица. Союзники полагали, что лишившись двухъ великихъ полководцевъ, она осталась безоружною. Между тѣмъ не могли ничего сдѣлать на Рейнской границѣ, а въ Соединенныхъ Нидерландахъ потеряли Бушенъ, Эръ, Валансіенъ, Камбре, Гентъ и Ипръ. Дюкенъ, посланный на помощь Мессинѣ, возмутившейся противъ Испаніи, далъ Рюйтеру страшное морское сраженіе въ виду Этны; одни союзники потеряли при этомъ случаѣ двѣнадцать кораблей, шесть галеръ, семь тысячь солдатъ, семь-сотъ орудій, и, что всего важнѣе, лишились самаго Рюйтера. Во второмъ сраженіи Дюкенъ уничтожилъ вовсе флотъ ихъ (1677).

Тогда-то союзники склонились къ миру; Франція и Голландія находились въ равномъ изнеможеніи. Колберъ грозилъ оставить министерство, если война не будетъ кончена. Миръ Нимвегенскій опять былъ выгоденъ для Франціи. Она удержала за собою Франшъ-Конте и двѣнадцать крѣпостей въ Соединенныхъ Нидерландахъ; получила Фрибургъ въ замѣнъ Филипсбурга. Данія и Бранденбургъ возвратили все взятое ими у Швеціи. Одна только Голландія ничего не потеряла, и великій Европейскій вопросъ остался нерѣшеннымъ (1678).

Здѣсь апогей царствованія Людовика XIV. Противъ него вооружилась вся Европа, но онъ устоялъ, и еще болѣе возвеличился. Тутъ уже онъ не препятствовалъ дать себѣ названіе *великаго*. Герцогъ Ла-Фёльядъ, неограничившись этимъ, хранилъ неугасаемый свѣтильникъ предъ его статуею, какъ передъ алтаремъ. Подобный фактъ живо припоминаетъ исторію Римскихъ императоровъ.

Блестящая литература того времени есть нечто иное, какъ гимнъ королевской власти; голосъ Боссюэта покрываетъ всѣ прочіе. Такъ точно у самаго Боссюэта, въ его Discours sur l'histoire Universelle, изображаются Египетскіе цари, прославляемые жрецами въ храмахъ, предъ лицемъ боговъ. Въ первую эпоху великаго царствованія, — эпоху Декарта, Поръ-Рояля, Паскаля и Корнеля еще не было этого единогласія; въ тогдашней литературѣ господствовало вдохновеніе болѣе дикое и болѣе свободное. Но во время, о которомъ говоримъ здѣсь, Мольеръ уже умеръ (1673), Расинъ написалъ Федру (1677), Лафонтенъ издалъ шесть послѣднихъ книгъ своихъ басенъ (1678), Г-жа Севинье, писала свои письма, Боссюэтъ размышлялъ о познаніи Бога и самаго

себя и приготовлялъ разсужденіе о всемірной исторіи (1681). Молодой аббатъ Фенелонъ, будучи еще простымъ духовникомъ одного женскаго монастыря, жилъ подъ покровительствомъ Боссюэта, который считалъ его своимъ ученикомъ. Торжественнымъ хоромъ этаго великаго вѣка управлялъ Боссюэтъ, въ совершенной безопасности на счетъ прошедшаго и будущаго, между затмившимся *янсенизмомъ* и грознымъ квіетизмомъ, между мрачнымъ Паскалемъ и мистикомъ Фенелономъ. Въ тоже время система Декарта была доведена до крайняго развитія; Малебраншъ снова относилъ разумѣніе человѣческое къ Богу, и вслѣдъ за тѣмъ, въ протестантской Голландіи, враждовавшей съ католическою Франціею, раскрылась бездонная пропасть, готовившаяся поглотить Католицизмъ и Протестантизмъ, свободу и нравственность, идею Бога и міръ: эта бездна — система Спинозы.

Между тѣмъ Людовикъ XIV царствуетъ въ Европѣ. Ему захотѣлось, чтобы державы руководствовались рѣшеніями его Парламентовъ. Палаты, разбирая Нимвегенскій трактатъ, рѣшаютъ чтобы къ уступленнымъ Франціи крѣпостямъ присоединены были *всѣ ихъ принадлежности* (les dependances). Одна изъ этихъ принадлежностей, по мнѣнію толкователей, есть Страсбургъ (1681). Видя, что медлятъ повиноваться такому рѣшенію, Людовикъ громитъ пушечными выстрѣлами Люксамбургъ (1685), Алжиръ (1683), Триполи (1685), Геную; послѣдняя покрылась бы развалинами своихъ мраморныхъ дворцовъ, если бы самъ Дожъ не явился въ Версаль просить пощады (1684). Людовикъ пріобрѣтаетъ за деньги Казаль—врата Италіи. Строитъ Гюнингъ—врата Швейцаріи. Желаетъ возстановить Кельн-

скаго Курфирста; вмѣшивается въ дѣла Имперіи (1689); требуетъ по праву своей невѣстки, герцогини Орлеанской, части Палатината, противупоставляя въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ дѣлѣ Фландріи, Феодальнымъ обычаямъ, уставы гражданскіе. Рѣшеніе этого дѣла поддерживалось силою; Европа была безоружна, но Людовикъ имѣлъ флотъ и войско: первый состоялъ изъ двухъ сотъ тридцати кораблей, а послѣднее, къ концу его царствованія, было свыше четырехъ сотъ тысячь человѣкъ.

Въ тоже время монархія достигла высшей степени централизаціи. Оба препятствія, то есть власть Папы и оппозиція протестантская уничтожились. Еще вначалѣ 1675 г. постановлено было, что всѣ епископства Франціи зависятъ отъ короля. Въ 1682 г. собраніе, составленное изъ тридцати-пяти епископовъ, которыхъ душею былъ Боссюэтъ, рѣшило, что власть Папы простирается только на предметы духовные, что даже и въ этихъ предметахъ генеральные соборы имѣютъ предъ нимъ первенство, и что рѣшенія его въ такомъ только случаѣ останутся ненарушимы, когда они приняты будутъ церковью. Съ этой поры Папа сталъ отказывать въ буллахъ всѣмъ тѣмъ епископамъ и аббатамъ, которые назначались королемъ, такъ что въ 1689 г. во Франціи двадцать девять Епархій не имѣли епископовъ. Поговаривали объ учрежденіи Патріаршаго престола. Въ 1687 г. когда Папа хотѣлъ уничтожить право убѣжища (le droit d'asile), которымъ пользовались въ Римѣ домы и кварталы, гдѣ жили посланники, Людовикъ XIV одинъ воспротивился этому. Французскій посланникъ вошелъ въ Римъ съ восемью-стами чело-

вѣкъ и поддержалъ привиллегію свою вооруженною рукою.

Къ успокоенію набожной совѣсти Людовика XIV въ этомъ дѣлѣ служило то, что, уничижая Папу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ истреблялъ протестантовъ. Ришельё, уничтоживъ ихъ, какъ политическую партію, оставилъ имъ однакожъ право имѣть голосъ въ Парламентѣ, сохранилъ ихъ синодъ и даже часть внутреннихъ учрежденій; Онъ льстилъ себя надеждою привлечь ихъ убѣжденіями; но напрасно. Людовикъ XIV употреблялъ къ тому деньги, и думалъ, что успѣлъ много; каждое утро получалъ онъ донесенія, что цѣлый кантонъ или городъ обратился къ истинной вѣрѣ; остается только, говорили ему, употребить нѣсколько твердости, и тогда непремѣнно совершится соединеніе церкви и всей Франціи (уничтоженіе Нантскаго постановленія, 1685). Эта мысль принадлежала большей части современниковъ Людовика и въ особенности Боссюэту. Употребленіе насилія въ дѣлахъ вѣры и допущеніе временнаго зла, для доставленія вѣчнаго блаженства, ни кому не казались тогда противными духу религіи. Нужно прибавить еще, что въ тогдашнюю эпоху существовала сильная ненависть къ протестантамъ. Франція, встрѣчая препону успѣхамъ своимъ со стороны Голландіи, видѣла въ нѣдрѣ своемъ другую Голландію, радовавшуюся успѣхамъ первой. Пока жилъ Колберъ, простестанты находили въ немъ защиту; устраненные отъ участія въ государственной службѣ, они обратили дѣятельность свою на промышленность и торговлю, и не только не возмущали Францію, но еще обогащали ее. Послѣ Колбера Людовикомъ XIV управлялъ Лувуа, врагъ Колбера, и Г-жа Менте-

нонъ, съ которой король тайно вступилъ въ бракъ около 1685 года. Рожденная въ Кальвинизмѣ и будучи внукою славнаго Θеодора Агриппы д'Обинье, одного изъ начальниковъ протестантской оппозиціи при Генрихѣ IV, эта скрытная, но разсудительная женщина, отрекшись сама отъ прежняго своего вѣроисповѣданія, желала, чтобы и бывшіе единовѣрцы ея послѣдовали тому же примѣру. Надѣленная отъ природы душею холодною, которую бѣдность первыхъ ея лѣтъ еще болѣе иссушила и ожесточила, она, прежде чѣмъ стала супругою Людовика Великаго, была женою автора *превращенной Енеиды* (Eneide travesti), безногаго Скаррона. Не имѣя дѣтей, она не знала материнской нѣжности. По ея внушенію, начали отнимать у протестантовъ малолѣтныхъ дѣтей, чтобы обращать ихъ въ католическую вѣру; вопли матерей, исторгаемые этою насильственною мѣрою услышаны были небесами.

Могущество Людовика XIV извнѣ встрѣтило преграду въ протестантской оппозиціи Голландцевъ. Внутри, оно нашло ее въ сопротивленіи кальвинистовъ. Испытавъ въ первой разъ неповиновеніе, правительство оказало звѣрское насиліе, несвойственное душѣ Людовика XIV. Притѣсненія всякаго рода, конфискаціи, галеры, колесованіе, висѣлицы, все было употреблено. Поставленные, на неопредѣленное время, въ домы кальвинистовъ драгуны, помогали миссіонерамъ по своему. Королю извѣстна была только малѣйшая часть этихъ жестокостей. Но тщетны были всѣ мѣры правительства; не смотря на воспрещеніе кальвинистамъ выѣзда заграницу, не смотря на конфискованіе имѣній удалившихся, не смотря на казнь

способствовавшихъ къ побѣгу, государство лишилось двухъ сотъ тысячь, а если вѣрить нѣкоторымъ, пяти сотъ тысячь подданныхъ. Они бѣжали толпами; водворялись въ Англіи, Голландіи, Германіи и особенно въ Пруссіи. Съ той поры сдѣлались они непримиримыми врагами Франціи. Вильгельмъ неоднократно нападалъ на Французовъ, предводительствуя Французскими полками. Большею частію успѣховъ своихъ въ Ирландской войнѣ онъ обязанъ былъ старому маршалу Шомбергу, который предпочелъ вѣру отечеству. Адская машина, долженствовавшая взорвать на воздухъ Сенъ-Мало въ 1693 г., изобрѣтена изгнанникомъ.

Въ это самое время большая часть Европейскихъ державъ составила Аугсбургскій союзъ (1668). Католики и протестанты, Вильгельмъ и Иннокентій XI, Швеція и Савоія, Данія и Австрія, Баварія, Саксонія, Бранденбургъ, — всѣ были согласны возстать противъ Людовика XIV. Его обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что сношеніями своими съ возмутившимися Венгерцами, онъ открылъ Германію Туркамъ, и приготовилъ то ужасное нашествіе, отъ котораго Вѣна избавлена была Іоанномъ Собіесскимъ. На сторонѣ Людовика XIV былъ одинъ только Англійскій король Іаковъ II. Непредвидѣнная революція низвергла Іакова и предала Англію въ руки Вильгельма. Послѣдній и окончательный переворотъ съ Стуартами, приготовленный издавна недостойнымъ правленіемъ Карла II, совершился при его братѣ: онъ не слѣдовалъ лицемѣрной политикѣ Карла; исполненный чести, храбрый, упрямый Іаковъ объявилъ себя католикомъ и іезуитомъ; употребилъ все, что

только было возможно къ своему паденію, и палъ. Шуринъ его Вильгельмъ, призванный изъ Голландіи, занялъ его мѣсто, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

Людовикъ XIV принялъ Іакова II великолѣпно, и взялъ его сторону; онъ сдѣлалъ вызовъ всей Европѣ; объявилъ войну Англіи, Голландіи, Имперіи, Испаніи и Папѣ. Въ то время, какъ Французскіе кальвинисты усиливали войска союзниковъ, толпы народа всѣхъ націй становились подъ знамена Людовика XIV. У него были полки Венгерскіе, Ирландскіе. Однажды, по случаю сдѣланнаго ему привѣтствія на счетъ успѣховъ Французской арміи, онъ отвѣчалъ: » скажите лучше арміи Франціи. »

Этотъ второй періодъ царствованія Людовика XIV долженъ былъ ознаменоваться двумя войнами за наслѣдства Англіи и Испаніи. Первую Франція кончила Рисвикскимъ трактатомъ (1698), съ честью для себя, но безъ выгоды: она признала Вильгельма. Во второй войнѣ, окончившейся трактатомъ Утрехтскимъ и Раштадскимъ (1712 — 1714) она терпѣла самыя унизительныя неудачи; но, не смотря то, послѣдствія были для нея благопріятны. Испанія, обѣщанная внуку Людовика XIV, долженствовала впредь находиться подъ вліяніемъ Франціи. Англія и Испанія выиграли отъ этого двойнаго переворота. Началомъ свободы Англіи должно считать возшествіе на престолъ Вильгельма (1688); со времени воцаренія Филиппа V (1701) убывавшее народонаселеніе Испаніи постоянно увеличивалось.

Къ этому надобно присоединить возвышеніе двухъ второстепенныхъ державъ, сдѣлавшихся съ

той поры необходимыми для Европейскаго равновѣсія: Пруссіи въ Германіи, и Піемонта въ Италіи. Пруссія поглощаетъ мало по малу сѣверную Германію и противодѣйствуетъ Австріи. Королевство Савоія и Піемонтъ должны стеречь Альпы, не пускать Французовъ въ Италію и Италіанцевъ во Францію.

Нужно заблаговременно обратить вниманіе на эти прекрасныя и полезныя послѣдствія, дабы утѣшиться въ другихъ неудачахъ Франціи, о которыхъ остается еще намъ разсказывать.

Въ 1689 г. она дѣлаетъ Германіи жестокій вызовъ: превращаетъ въ пустыни все пространство, раздѣляющее ее отъ враговъ. Весь Палатинатъ былъ преданъ огню во второй разъ; Шпейеръ, Вормсъ и болѣе сорока городовъ и деревень были выжжены. Два полководца, Люксамбургъ и Катина сражаются во Фландріи и на Альпахъ. Это тѣже Конде и Тюрень. Люксамбургъ, вождь вдохновенный и быстрый, велъ войну, какъ вельможа, часто бывалъ застигаемъ врасплохъ, но никогда не былъ побѣжденъ. Послѣ славныхъ сраженій его при Флёрусѣ, Штейнкирхѣ и Первинденѣ (1690-92-95), на которыхъ онъ взялъ такое множество знаменъ, его прозвали *обойщикомъ церкви Богоматери.* Le Tapissier de Notre-Dame). Этотъ блистательный воинъ былъ обиженъ природою. Вильгельмъ часто говорилъ: «Неужели я не могу поколотить этого горбунчика?»

Катина понималъ войну какъ науку. Онъ былъ изъ числа тѣхъ офицеровъ, которымъ благопріятствовало счастіе; происходилъ изъ судейской фамиліи и самъ первоначально занимался адвокатствомъ. Это первый полководецъ

изъ плебеевъ; въ немъ видно было что-то древнее. Онъ возвышался медленно, по мѣрѣ заслугъ; поздно сдѣлался начальникомъ, никогда не былъ въ милости, ничего не просилъ, получалъ мало и часто отказывался отъ предлагаемыхъ наградъ. Солдаты, любившіе его простоту и добродушіе, называли его le père la Pensée. Двору не слишкомъ пріятны были его заслуги. Когда онъ разбилъ герцога Савойскаго при Стафардѣ, взялъ Салюсъ и опрокинулъ непріятеля въ Сузѣ (1690), Лувуа писалъ къ нему: «хотя вы весьма дурно служили королю въ эту компанію; однако Его Величество соизволяетъ сохранить къ вамъ свое обыкновенное благорасположеніе.» Катина ничѣмъ не оскорблялся; онъ переносилъ съ одинаковымъ терпѣніемъ грубости Лувуа и трудности жестокой войны на Альпахъ.

Съ большимъ жаромъ происходила война въ Ирландіи и на морѣ. Людовикъ XIV хотѣлъ снова подчинить Англію Французскому вліянію. Онъ заставилъ Іакова II сдѣлать высадку въ Ирландію; посылалъ ему вспомоществованіе за вспомоществованіемъ, флотъ за флотомъ; но Іаковъ ни въ чѣмъ не успѣлъ. Пособіе Французовъ и Ирландцевъ только усилило ненависть къ нему Англичанъ. Вмѣсто того, чтобы произвести возстаніе въ Шотландіи, которая его ожидала, онъ остался въ Ирландіи, тратилъ время на осады и былъ разбитъ при Боинѣ (Boyne). Людовикъ XIV не былъ этимъ остановленъ, онъ снабдилъ его всѣмъ нужнымъ для вооруженія и экипировки тридцати тысячь войска и сверхъ того вознамѣрился еще послать отъ себя двадцать тысячь; Турвиль и д'Етре должны были сопровождать эти войска съ семидесятью

пятью кораблями. Но противный вѣтеръ задержалъ д'Етре въ пути, а Турвиль остался съ сорока-четырмя кораблями противъ восьмидесяти. Онъ ожидалъ повелѣнія отъ двора. Людовикъ XIV вѣрилъ своему счастію и приказалъ пробиться сквозь непріятельскій флотъ. Это страшное сраженіе при Гогѣ (Hogue) стоило Французамъ только семнадцати кораблей, но въ немъ погибли увѣренность и высокое о себѣ понятіе Французскаго флота. Въ 1707 г. онъ состоялъ всего изъ тридцати пяти кораблей; морская сила Франціи была возстановлена, но на короткое время, уже при Людовикѣ XVI. Сраженіе при Гогѣ было для Англичанъ эрою владычества ихъ надъ морями. Людовикъ XIV велѣлъ вырѣзать на одной изъ медалей грознаго Нептуна, съ словами поэта: «Quos ego.....» А Голландцы, послѣ того, выбили другую медаль, съ надписью: » *Maturate fugam, regique haec dicite vestro: non illi imperium pelagi....* » (*)

Ужасныя опустошенія, производимыя Французскими корсерами, Жанъ-Бартомъ, Дюге-Труеномъ (Duguay-Trouin), славныя побѣды Люксамбурга при Нервинденѣ, и Катины при Марселѣ (1693), должны были мало по малу сдѣлать союзниковъ сговорчивѣе. Герцогъ Савойскій уступилъ первый. Для него война кончилась; всѣ укрѣпленныя мѣста были въ рукахъ Французовъ. Ему предлагали возвратить ихъ, а для дочери его открывали дорогу къ престолу Франціи, посредствомъ супружества ея съ герцогомъ Бургундскимъ, внукомъ и наслѣдникомъ Людовика XIV. Примѣръ Савоіи подѣйствовалъ и на другихъ (1696). Фран-

(*) Бѣгите скорѣе, донесите царю своему, что не онъ владыка морей.

ція сохранила Руссильонъ, Артуа, Франшъ-Конте и Страсбургъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ признала королемъ Англіи Вильгельма. Въ сущности это значило — признать себя побѣжденною. (Рисвикскій миръ 698).

Миръ Рисвикскій былъ не что иное, какъ временное прекращеніе битвъ, для облегченія страданій народа. Предметъ весьма важный занималъ Европу. Дѣло шло не о какой нибудь провинціи, но о цѣлой Испанской монархіи, съ Неаполемъ, Соединенными Нидерландами и Индіями. Извѣстно, что Карлъ Пятый велѣлъ положить себя въ гробъ заживо и самъ присутствовалъ при своемъ погребеніи; Карлъ II, послѣдній изъ его потомства, присутствовалъ на похоронахъ монархіи. Этотъ тридцатидевятилѣтній старецъ, управляемый своею женою, матерью, духовникомъ, подчиненный попеременно вліянію различныхъ лицъ, то составлялъ, то отмѣнялъ свое духовное завѣщаніе. Король Французскій, Императоръ, наслѣдный принцъ Баварскій и герцогъ Савойскій, происходившие всѣ отъ Испанскихъ принцессъ, за-ранѣе оспаривали его наслѣдіе. Одни соглашались отдать престолъ Баварцу, другіе Австрійцу, нѣкоторые предлагали раздѣлить монархію. Бѣдный король, будучи еще въ живыхъ, видѣлъ все это и негодовалъ. Не умѣя ни на что рѣшиться, онъ постоянно хотѣлъ только одного — сохранить цѣлость государства. Выборъ его палъ наконецъ на принца, болѣе всѣхъ способнаго поддержать это единство; онъ предпочелъ внука Людовика XIV. Послѣ того приказалъ вскрыть гробницы Эскуріала, приложился къ костямъ отца своего, матери, первой своей жены, и скоро соединился съ ними (1700).

Людовикъ XIV принялъ завѣщаніе и опасности. Онъ отправилъ въ Испанію втораго изъ своихъ внуковъ, герцога Анжускаго, вступившаго на Испанскій престолъ подъ именемъ Филиппа V; при отъѣздѣ его король изрекъ тѣ достопамятныя слова, которыя, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, всегда будутъ казаться болѣе истинными и болѣе глубокими: » Теперь нѣтъ уже Пиренеевъ: » Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого была Европейская война. Людовикъ, вопреки мнѣнію совѣта своего, рѣшился признать сына Іакова II принцемъ Валійскимъ, и въ одно время вести войну за наслѣдство Испанскаго престола и за права Стуартовъ.

Но для него было уже поздо предпринимать эту войну. Царствованіе его продолжалось пятьдесять семь лѣтъ; онъ достигъ старости, и съ нимъ состарѣлось все. Слава Франціи, казалось, начинала меркнуть отъ старости своего короля. Колберъ и Лувуа уже не существовали (1683, 1691), Арно и Буало, Расинъ, Лафонтенъ и Г-жа де Севинье послѣдовали за ними въ могилу; самъ великій Боссюэтъ стоялъ на краю гроба (1704). Министромъ Франціи, вмѣсто Колбера и Лувуа, былъ Шамильяръ, завѣдывавшій нѣсколькими министерствами; имъ управляла Г-жа Ментенонъ, которая сама подчинялась вліянію своей старой служанки Баббіень. Странная вещь, Англіею въ это время управляла также женщина, королева Анна, дочь Іакова II и внука по матери историка Кларендона, какъ и Г-жа Ментенонъ — внука Агриппы д'Обинье.

Не смотря на то, что власть находилась въ рукахъ нѣсколькихъ облагородившихся гражданъ (Шамильяра, Ле-Телье, Поншантрена и проч.),

Правительство оказывало большое пристрастіе къ дворянству. Умножившись въ послѣднее время до чрезмѣрности, презирая торговлю и промышленность и ни къ чему неспособное, оно занимало всѣ мѣста при дворѣ, въ арміи и особенно по гражданскому вѣдомству. Мелкіе дворяне по своему выбору поступали въ службу военную или гражданскую. Оттого во Франціи было столько же офицеровъ и чиновниковъ, сколько солдатъ и подчиненныхъ. Вельможи покупали полки для малолѣтныхъ дѣтей своихъ, предводительствовали арміями и отдавались въ плѣнъ при Кремонѣ и Тохштетѣ.

Союзными арміями предводительствовали тогда два человѣка, способные воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Первый изъ нихъ былъ Англичанинъ, второй Французъ; Мальборугъ и Евгеній. Послѣдній происходилъ отъ младшей линіи Савойскаго дома, но былъ сыномъ графа Суассонскаго, женившагося на племянницѣ Мазарина, и потому можетъ быть названъ Французомъ. Мальборугъ, Англійскій красавецъ, имѣлъ тонкій и проницательный умъ; образовавъ себя въ военномъ искусствѣ подъ начальствомъ Тюреня, онъ пользовался уроками своего великаго учителя для пораженія Французовъ. Евгеній, не смотря на то, что Вандомъ называлъ его не-хитрымъ *лукавцемъ* (mauvais finassier), былъ одаренъ необыкновенною проницательностію; мало заботился о правилахъ; но отлично зналъ мѣстности, дѣла и людей; зналъ слабости послѣднихъ и всегда удачно пользовался ими. Самые блистательные и самые легкіе успѣхи онъ пріобрѣлъ въ войнахъ съ Оттоманскою имперіею. Этотъ умный человѣкъ

торжествовалъ на обоихъ концахъ Европы, побѣждая, то великаго короля, то Турокъ; его почитали защитникомъ свободы и Христіанства.

Оба полководца имѣли два важные преимущества; они пользовались неограниченною властію въ своемъ отечествѣ; лѣтомъ воевали, а зимою засѣдали въ совѣтахъ и вели переговоры. Дѣйствуя по своей волѣ, они не были въ необходимости, на канунѣ битвы, испрашивать разрѣшенія отъ Версальскаго двора.

Въ 1701 г. Катина сдалъ начальство надъ арміею пышному Виллеруа, котораго принцъ Евгеній при Кремонѣ засталъ въ постели и взялъ въ плѣнъ. Послѣ него король назначилъ главнокомандующимъ Вандома, внука Генриха IV, который при всей изнѣженности своей, ознаменовалъ себя храбростію. Вандомъ, подобно брату своему, великому Пріору, лежалъ въ постели до четырехъ часовъ по-полудни. Онъ считался однимъ изъ младшихъ генераловъ Людовика XIV; ему было пятьдесятъ лѣтъ. Солдаты обожали своего вождя даже за худые его качества. Въ этой арміи не было ни порядка, ни дальновидности, ни строгой дисциплины; за-то было много смѣлости, веселія и храбрости.

Армія, ввѣренная Катинѣ, расположена была на границахъ Германіи; подъ нимъ командовалъ Вилларъ. Послѣдній, соскучившись осторожностію своего начальника, смѣло нападаетъ на непріятеля и одерживаетъ побѣду при Фридлингенѣ (1702); потомъ вторгшись въ Германію, противъ воли Курфирста Баварскаго, союзника Людовика XIV, выигрываетъ сраженіе Гохштетское (1703). Вилларъ возбуждалъ энтузіазмъ въ солдатахъ храбростію своею, хвастовствомъ и прекрасною воинственною

осанкою. Послѣ Фридлингенской побѣды, солдаты, на самомъ полѣ битвы, провозгласили его маршаломъ Франціи.

Дорога въ Австрію была уже очищена для Французскихъ войскъ, какъ вдругъ узнали, что герцогъ Савойскій объявилъ себя противникомъ Франціи и Испаніи, то есть обоихъ зятей своихъ (1703). До этого времени союзники нигдѣ не имѣли значительныхъ успѣховъ противъ Франціи, не смотря на то, что она боролась со всѣми, и въ то же время была раздираема междоусобною войною. Севенскіе кальвинисты, приведенные въ отчаяніе жестокостями интенданта Басвиля, еще въ 1702 г. взбунтовались. Между прочими генералами, посланными для ихъ усмиренія, находились Вилларъ и Бервикъ. Послѣдній былъ Стуартъ, побочный сынъ Іакова II; впослѣдствіи онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ тактиковъ прошедшаго вѣка.

Вилларъ находился въ Лангедокѣ, а Катина въ отставкѣ, когда Французская армія, ввѣренная Марсену и Таллару потерпѣла при Гохштетѣ самое жестокое пораженіе, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вилларъ одержалъ побѣду. Мальборугъ и Евгеній, пользуясь ошибками Французскихъ военачальниковъ, которые безъ всякой предосторожности стремились къ Вѣнѣ, отрѣзали имъ дорогу. Распоряженія Таллара и Марсена до такой степени были дурны, что сверхъ убитыхъ, четырнадцать тысячь человѣкъ принуждены были безъ бою сдаться военноплѣнными (1704). Вилларъ, возвратившись къ арміи, успѣлъ отразить непріятеля отъ Лотарингіи, а Вандомъ въ кровопролитномъ Кассанскомъ сраженіи (2705) одержалъ верхъ надъ Евгеніемъ. Въ 1706 году Лафёльядъ заступилъ мѣсто Вандома въ Италіи.

Между тѣмъ Французы опять потерпѣли два кровавыхъ пораженія. Евгеній послѣ Туринскаго дѣла отнялъ у нихъ Италію, а Мальборугъ послѣ Рамилійской побѣды выгналъ ихъ изъ Испанскихъ Нидерландовъ.

Въ 1707 году союзники проникли во Францію чрезъ Провансъ; въ 1708-мъ чрезъ Фландрію (пораженіе при Уденардѣ); 1709-й годъ былъ самымъ несчастнымъ; во первыхъ, по случаю жестокой зимы, а во вторыхъ по свирѣпствовавшему голоду; бѣдность никого не щадила. Лакеи короля, у самыхъ воротъ Версальскихъ, просили милостыни; Г-жа Ментенонъ ѣла ситный хлѣбъ. Цѣлые отряды кавалеріи уходили изъ своихъ полковъ съ распущенными знаменами и кормились контробандою. Наборъ людей для пополненія армій производился самыми насильственными средствами. Правительство выдумывало разнаго рода налоги, въ томъ числѣ сборъ съ метрическихъ записокъ; по этому народъ платилъ, и раждаясь и умирая. Поселяне, преслѣдуемые въ самыхъ лѣсахъ сборщиками податей, взбунтовались и взяли приступомъ городъ Кастръ. Король ни гдѣ не могъ занять денегъ, не смотря даже на то, что готовъ былъ платить по четыре ста на сто, государственный долгъ, еще до смерти Людовика XIV, простирался до трехъ тысячь милліоновъ.

Союзники терпѣли также. Англія разорялась для того, чтобы разорить Францію. По Европою управляли тогда два человѣка, жаждавшіе войны; притомъ для всѣхъ пріятно было видѣть униженіе Людовика XIV. Его посланники получали въ отвѣтъ самыя смѣшныя предложенія. Союзники требовали, чтобы онъ самъ низвергъ съ престола Филиппа V. Людовикъ до того унизился, что пред-

лачалъ деньги для войны противъ своего внука. Но этого было недостаточно: хотѣли, чтобы онъ самъ выгналъ его изъ Испаніи, хотѣли заставить Французскую армію сражаться противъ Французскаго Принца.

Престарѣлый король объявилъ тогда, что онъ лично, съ своимъ вѣрнымъ дворянствомъ, выступитъ противъ непріятеля и умретъ, если нужно, на границахъ королевства. Въ первый еще разъ обратился онъ тогда къ своему народу и сдѣлалъ его своимъ судьею; такое униженіе возвысило его въ глазахъ подданныхъ; упорство, съ которымъ Французы сражались въ 1709 г. показывало, что война стала народною. 6 Сентября того же года происходило сраженіе при деревнѣ Мальплакетѣ. Солдаты, цѣлый день не имѣвшіе хлѣба, получивъ его, бросали и продолжали сражаться. Вилларъ, тяжело раненый, былъ унесенъ съ поля битвы; армія отступила въ порядкѣ, не потерявъ восьми тысячь человѣкъ, между тѣмъ какъ союзники оставили на мѣстѣ сраженія 15 или 20 тысячь.

Въ Испаніи, побѣда при Алманцѣ (1707), одержанная Бервикомъ, утвердила престолъ Филиппа V; Вандомъ упрочилъ его побѣдою при Виллавиціозѣ (1710); онъ приготовилъ юному королю постель изъ непріятельскихъ знаменъ. Между тѣмъ вступленіе на императорскій престолъ эрцъ-герцога Карла заставляло Европу опасаться, чтобы Имперія опять не соединилась съ Испаніею. Стоило ли унижать Людовика XIV для того, чтобы дать возвыситься другому Карлу Пятому. Англіи наскучило платить; она видѣла, что Мальборугъ, подкупленный Галландцами, велъ войну въ ихъ пользу. Наконецъ побѣда Виллара при Денепѣ уронила воин-

ную славу принца Эвгенія (1712). Такимъ образомъ эта ужасная война, подававшая союзникамъ надежду раздробить Францію, не лишила ее ни одной области (Трактатъ Утрехтскій и Раштадтскій, 1712, Баварскій 1715).

Франція уступила только нѣсколько колоній и удержала внука Людовика XIV на престолѣ Испанскомъ. Правда, Испанія потеряла свои владѣнія въ Италіи и Нидерландахъ; уступила Сицилію герцогу Савойскому; Испанскіе Нидерланды, королевства Неаполитанское и Миланское Австріи; но она выиграла тѣмъ, что, ограничивъ пространство своихъ владѣній, избавилась отъ хлопотъ имѣть отдаленныя провинціи, управленіе и защита которыхъ сдѣлались для нея невозможными. Между тѣмъ королевство обѣихъ Сицилій скоро должно было поступить во владѣніе одной отрасли Испанскихъ Бурбоновъ. Голландія, получивъ въ Нидерландахъ многія укрѣпленныя мѣста, обязывалась содержать и защищать ихъ вмѣстѣ съ Австріею. Англія заставила признать новую свою династію, утвердилась въ Гибралтарѣ и Миноркѣ, у входа въ Испанію и на самомъ Средиземномъ морѣ. Она успѣла заключить торговый трактатъ, невыгодный для Франціи, но полезный для нея и Голландіи; она обязала Францію разрушить Дюнкирхенъ, и воспрепятствовала ей замѣнить эту потерю Мардикскимъ каналомъ. Но самымъ постыднымъ для Франціи условіемъ было то, что Англійскому коммиссару дозволено было наблюдать, чтобы она не возобновляла города Жанъ-Барта. Уже приступаютъ, разсказываетъ одинъ современникъ, къ разрушенію Дюнкирхена и требуютъ восемьсотъ тысячь ливровъ для сломки третьей только части его укрѣпленій. Да-

же теперь нельзя читать, безъ особеннаго негодованія и горести, прошеніе, поданное Дюнкирхенскими жителями королевѣ Англійской.

Таковъ былъ конецъ царствованія Людовика Великаго. Послѣ Утрехтскаго мира онъ жилъ не долго (умеръ въ 1715 г.); въ нѣсколько лѣтъ былъ свидѣтелемъ смерти всѣхъ дѣтей своихъ: Дофина, герцога и герцогини Бургундскихъ и одного изъ ихъ сыновей. Въ опустѣвшемъ дворцѣ оставались только восьмидесятилѣтній старецъ и пятилѣтнее дитя. Всѣ великіе люди его царствованія давно находились въ могилахъ; начинался новый вѣкъ. Въ Литературѣ и въ обществѣ пружины должны были ослабѣть. Предвѣстникомъ этой эпохи изнѣженности и разслабленія нравовъ служитъ кроткій квіетисмъ Г-жи Гюйонъ, у которой религія выражается въ любви. Умный и краснорѣчивый Массильонъ, едва касаясь въ своихъ проповѣдяхъ догматовъ, обращаетъ все вниманіе на нравственность. Смѣлыя политическія мысли Фенелона принадлежатъ уже восемнадцатому столѣтію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

(Разрушеніе Монархіи (1715 — 1789).

Въ промежутокъ времени между царствованіемъ Людовика Великаго и Наполеона Великаго, Франція быстро стремилась къ паденію; наконецъ старая монархія, столкнувшись съ народомъ, распалась и уступила мѣсто новому порядку, существующему до нынѣ. Восемнадцатое столѣтіе приготовило это важное событіе. Сначала возникла философская и литературная борьба за свободу совѣсти въ дѣлахъ религіи; за нею послѣдовала кровавая война за свободу политическую, наконецъ разорительная побѣда надъ всею Европою.

И въ началѣ и въ концѣ этого періода является домъ Орлеанскій.

Лишь только тѣло покойнаго короля, безъ малѣйшей пышности, предано было землѣ въ Сенъ-Дени, герцогъ Орлеанскій заставилъ парламентъ уничтожить завѣщаніе покойника. И политика регента, и его жизнь, и его правы и всѣ его личныя качества противорѣчили идеямъ предшествовавшаго царствованія. Всѣ прежнія преграды падаютъ; регентъ позволяетъ частнымъ лицамъ подавать свои мнѣнія о дѣлахъ государственныхъ; защищаетъ ученіе Фенелона; печатаетъ на свой счетъ Телемака; открываетъ для публики королевскую библіотеку. Сборщики податей, разбогатѣвшіе въ последнее царствованіе на счетъ Франціи, преданы суду и

подвергнуты большимъ денежнымъ взысканіямъ; эта мѣра еще болѣе привязала народъ къ новому правителю. Осудивъ ихъ, надобно было однакожъ пріискать новые источники доходовъ, уплатить три тысячи милліоновъ долга, оставленнаго Людовикомъ XIV. Тутъ является извѣстный Шотландскій банкиръ Лавъ (Law), выдаетъ себя за ученика Локка и Ньютона, и пытается возстановить кредитъ Франціи. Онъ учреждаетъ банкъ, замѣняетъ деньги билетами и думаетъ обезпечить ихъ государственными сборами и колоніальными богатствами неизвѣстнаго міра. По учрежденіи имъ Миссисипской компаніи, люди въ первый разъ отвергаютъ золото; цѣнность билетовъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Въ улицѣ Кенкампуа, у дверей конторы компаніи, происходитъ страшная давка; всѣ спѣшатъ промѣнять золото на билеты; самъ регентъ поступаетъ въ число директоровъ компаніи и дѣлается банкиромъ. Но довѣріе къ этимъ билетамъ начинаетъ колебаться и потомъ быстро падаетъ. Горе послѣднимъ ихъ владѣльцамъ! совершаются странные перевороты; богачи обѣднѣли, а бѣдняки нажили сокровища. Богатство, заключавшееся въ помѣстьяхъ, остававшееся до толѣ постоянною собственностію извѣстныхъ фамилій, въ первый разъ сдѣлалось подвижнымъ; съ этого времени оно уже слѣдуетъ за потребностями торговли и промышленности. Подобное движеніе происходило въ цѣлой Европѣ; умы, такъ сказать, свергали оковывавшіе ихъ узы. Ловъ скрылся, преслѣдуемый проклятіями народа, но по крайней мѣрѣ, онъ оставилъ послѣ себя это благодѣяніе (1717 — 1721).

Регентъ, по своей наклонности слѣдовать новымъ идеямъ, по своей жаждѣ къ познаніямъ и по

испорченности нравовъ, можетъ считаться однимъ изъ типовъ восемнадцатаго столѣтія. Изъ уваженія къ Папѣ, онъ повинуется его буллѣ, но и послѣ того остается такимъ же нечестивцемъ, какимъ былъ прежде. Всѣ товарищи его въ шалостяхъ—дворяне; но его наперстникъ, его министръ, настоящій король Франціи,—сынъ аптекаря, кардиналъ Дюбуа. Регентъ въ союзѣ съ Англіею, которая, въ царствованіе Гановерскаго дома, одушевляется новѣйшими началами; также точно въ Германіи юная Пруссія, а на Сѣверѣ созданная Петромъ Великимъ Россія. Общій непріятель ихъ—Испанія, которая обязывается Утрехтскимъ миромъ къ значительнымъ пожертвованіямъ. Испанія и Франція тѣмъ болѣе ненавидятъ другъ друга, чѣмъ ближе ихъ родственныя связи. Испанскій министръ, пронырливый Алберони, хотѣтъ возстановить во всей Европѣ прежнія начала. Онъ домогался возвратить Испаніи всѣ потерянныя ею области, сдѣлать Филиппа V регентомъ Франціи и возвести на Англійскій престолъ претендента. Для достиженія своей цѣли, Алберони надѣялся нанять самаго храбраго воина того времени, Карла XII, подобно какъ Франція нанимала нѣкогда Густава Адольфа. Но этотъ обширный замыселъ неудался; Карлъ XII былъ убитъ; предпріятіе претендента оказалось безуспѣшнымъ; заговоръ Испанскаго посланника во Франціи, въ которомъ участвовала герцогиня Менская, супруга одного изъ усыновленныхъ дѣтей Людовика XIV, былъ открытъ; явившіяся въ то время записки о Фрондѣ возбудили соревнованіе остроумной герцогини и внушили ей мысль, что она въ состояніи перемѣнить настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ. Регентъ и Дюбуа, не питавшіе

ни къ кому ни ненависти, ни дружбы, находили все это столь забавнымъ, что даже не признали нужнымъ наказать соумышленниковъ, кромѣ нѣкоторыхъ бѣдныхъ Бретанскихъ дворянъ, безразсудно себя выказавшихъ (1718). Франція, Англія, Голландія и Императоръ, соединившись противъ Алберони, составили Четверный союзъ. Между тѣмъ, въ 1720 г. Испанія получила въ вознагражденіе Тоскану, Парму и Пьяченцу, и Императоръ, передавая ей эти области, заставилъ герцога Савойскаго, въ замѣнъ Сициліи, взять Сардинію. Европа требовала мира и государи спѣшили заключить его во чтобы-то ни стало.

Послѣ жестокаго и неискуснаго министерства герцога Бурбонскаго, управлявшаго Франціею по смерти Регента (1723-1726), бразды правленія принялъ благоразумный и осторожный Флёри, наставникъ юнаго короля (1726-1745). Людовику XV, ходившему до семилѣтняго возраста на помочахъ, суждено было во всю жизнь зависѣть отъ другихъ. При бережливомъ и робкомъ правленіи стараго прелата, спокойствіе Франціи возмущено было только папскою буллою, смутами Янсенизма и жалобами парламентовъ. Усыпленная въ правленіе Флёри Франція находилась въ союзѣ съ Англіею, дремавшею также въ министерство Вальполя: союзъ неравный, недоставлявшій Франціи никакихъ выгодъ. Англія была тогда для Французовъ предметомъ особеннаго удивленія; они посѣщали свободныхъ мыслителей Великобританіи, какъ нѣкогда Греческіе философы жрецовъ Египетскихъ. Вольтеръ изучалъ тамъ систему Локка и Ньютона, и находилъ вдохновеніе для своей трагедіи Брута (1730). Президентъ Монтескіе, сдѣ-

лавшись осторожнѣе послѣ блистательнаго соблазна, произведеннаго Персидскими письмами (вышедшими въ 1721), заимствовалъ у Англичанъ идеи о правленіи, которыя онъ впослѣдствіи представилъ какъ образцовыя и достойныя подражанія всѣхъ народовъ. Никто не думалъ о Германіи, гдѣ родился и умеръ Лейбницъ, и объ Италіи, въ которой жилъ Вико.

Это наружное спокойствіе заключало въ себѣ столько причинъ къ раздорамъ, что одна искра, вспыхнувшая на Сѣверѣ, произвела всеобщій пожаръ въ Европѣ.

Въ правленіе герцога Бурбонскаго, придворная интрига случайнымъ образомъ совокупила бракомъ короля Французскаго съ дочерью Станислава Лещинскаго, который, потерявъ Польскій престолъ, данный ему на короткое время Карломъ XII, поселился во Франціи. По смерти Августа II (1733), партія Станислава опять воскресла и сильно противодѣйствовала партіи Августа III, курфирста Саксонскаго, сына умершаго короля. Станиславъ успѣлъ пріобрѣсть до шестидесяти тысячь голосовъ. Вилларъ и старые генералы желали войны; они думали, что честь Франціи требуетъ поддержать тестя короля Французскаго. Флёри склонился на ихъ убѣжденія. Онъ сдѣлалъ слишкомъ мало для пріобрѣтенія успѣха и слишкомъ много для того, чтобы уронить честь Франціи. Противъ пятидесяти тысячь Русскихъ онъ послалъ три милліона денегъ и тысячу пять сотъ человѣкъ войска. Одинъ Французъ, случайно находившійся тамъ во время прибытія войскъ, вступился за честь Франціи, принялъ начальство надъ

Французами и былъ убитъ: это графъ Плело, нашъ посланникъ въ Даніи.

Испанія объявила себя защитницею правъ Станислава противъ Австріи, которая поддерживала Августа. Отдаленная Польская война служила ей только предлогомъ для завоеванія потерянныхъ ею въ Италіи областей, и она отчасти успѣла въ этомъ при помощи Французовъ. Въ то время, какъ Вилларъ занималъ герцогство Миланское, Испанцы покорили Обѣ Сициліи и возстановили въ нихъ инфанта донъ Карлоса (1734—5). Вѣнскій трактатъ (1738) утвердилъ за ними это завоеваніе. Станиславъ, въ замѣнъ Польскаго престола, получилъ Лотарингію, которая по смерти его должна была сдѣлаться Французскою провинціею. Герцогъ Лотарингскій, Францискъ, зять императора и супругъ знаменитой Маріи-Терезіи, получилъ Тоскану, какъ ленное владѣніе Имперіи. По смерти послѣдняго изъ Медичи, не взирая на зависть Англичанъ, Флёри помогъ Испанской линіи Бурбоновъ занять престолъ Обѣихъ Сицилій. Въ это самое время десять тысячь Русскихъ явились на берегахъ Рейна. Въ первый разъ увидѣли тогда, что эта Европейская Азія могла чрезъ Германію проложить себѣ дорогу во Францію.

Такимъ образомъ Франція, не смотря на свою дряхлость, въ министерство восьмидесятилѣтняго Флёри и восьмидесятилѣтняго полководца Виллара, пріобрѣла Лотарингію. Испанія, обновленная домомъ Бурбоновъ, завоевала у Австріи два королевства; послѣдняя, еще въ то время, когда находилась подъ владычествомъ Карла Пятаго, была представительницею стараго Европейскаго начала, которому суждено было уступить мѣсто свое но-

вымъ идеямъ. Императоръ Карлъ VI, озабоченный, подобно Испанскому Карлу II въ 1700 году, участію своего семейства, пытался большими пожертвованіями утвердить владѣнія Австрійской имперіи за дочерью своею Маріею-Терезіею, супругою герцога Тосканскаго.

Въ виду старой Австріи росла юная Пруссія, Нѣмцы, Славяне и Французы составляли ея народонаселеніе; ни въ одномъ государствѣ не поселилось такъ много Французскихъ выходцевъ послѣ уничтоженія Нантскаго постановленія. Пруссіи предназначено было возобновить древнюю Саксонскую оппозицію противъ Имперіи. Это государство, бѣдное, неимѣющее естественныхъ границъ, не могло противопоставлять непріятелю ни каналовъ Голландіи, ни высокихъ горъ Савоіи; но тѣмъ не менѣе оно укрѣпилось и возвеличилось; существованіемъ своимъ оно обязано политикѣ и войнѣ. Первый король, Вильгельмъ, суровый воинъ, тридцать лѣтъ своего царствованія употребилъ на то, чтобы собирать сокровища и образовать войско; этотъ основатель Пруссіи управлялъ своимъ государствомъ, какъ полкомъ. Сынъ его, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Фридриха II, вовсе не нравился отцу, который уважалъ высокій ростъ, тѣлесную силу, и всячески старался набирать въ свои полки шести-футовыхъ великановъ. Юный Фридрихъ былъ небольшаго роста, имѣлъ толстыя плечи, суровый, проницательный взглядъ и нѣчто странное во всей своей особѣ. Онъ былъ человѣкъ остроумный, музыкантъ, философъ, писалъ Французскіе стихи, незналъ Латинскаго языка и презиралъ Нѣмецкій. Его умъ, чисто логическій, не могъ понимать ни красотъ древняго ис-

кусства, ни глубины новѣйшей науки; но онъ получилъ отъ природы одну способность, которая пріобрѣла ему имя Великаго, — непреклонную волю. Онъ захотѣлъ быть храбрымъ, захотѣлъ возвести Пруссію на степень первокласнаго государства въ Европѣ, захотѣлъ быть законодателемъ, захотѣлъ увеличить народонаселеніе своей земли: и во всемъ успѣлъ. Какъ основатель военнаго искусства, онъ занимаетъ мѣсто между Тюренемъ и Наполеономъ. Послѣдній, вступивъ въ Берлинъ, изъявилъ желаніе видѣть только могилу Фридриха, взялъ его шпагу и сказалъ: » это принадлежитъ мнѣ. »

Пруссія, обязанная самыми промышленными гражданами отмѣненію Нантскаго постановленія, рано или поздо, должна была сдѣлаться центромъ новѣйшей философіи. Фридрихъ II понялъ свою обязанность; объявивъ себя въ философіи и поэзіи ученикомъ Вольтера, онъ угождалъ общественному мнѣнію; такимъ образомъ литературныя наклонности Фридриха благопріятствовали обширнымъ его замысламъ. Императоръ Юліанъ подражалъ Марку Аврелію, а Фридрихъ Юліану. Онъ написалъ въ честь Антониновъ, которыхъ Волтеръ предлагалъ ему въ образецъ, книгу противъ Маккіавеля; Волтеръ, въ своемъ чистосердечномъ энтузіазмѣ, исправилъ это сочиненіе и восхищался сочинителемъ. По восшествіи на престолъ Фридрихъ рѣшился истребить все изданіе.

Въ томъ самомъ году, въ которомъ умеръ Карлъ VI, Фридрихъ взошелъ на престолъ (1740). Всѣ государства, признавшія, при жизни Императора, права Маріи-Терезіи на Австрійское наслѣдство, вооружились противъ нея. Казалось, что настала благопріятная минута для раздробленія об-

ширной Имперіи; всѣ желали участвовать въ ея раздѣлѣ. Испанія домогалась Богеміи и Венгріи; король Сардинскій герцогства Миланскаго; Фридрихъ Силезіи; Франція настаивала только, чтобы Имперія предоставлена была курфирсту Баварскому, который болѣе пятидесяти лѣтъ подчиненъ былъ вліянію Французскихъ королей. Курфирстъ, безъ затрудненія избранный въ императоры, назначенъ въ тоже время генералиссимусомъ короля Французскаго.

Братья Бель-Илн (Belle isle), внуки Фукè, волнуютъ Францію своими сумасбродными замыслами. Флёри, въ другой разъ противъ своей воли, объявляетъ войну, опять безуспѣшную. Французская армія, неисправно получая продовольствіе и жалованье, послѣ легкихъ успѣховъ, разсѣялась по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ могла прокормить себя. Оставивъ въ сторонѣ Вѣну, она вступила въ Богемію; между тѣмъ какъ Фридрихъ, съ другой стороны, одержавъ побѣду при Молвицѣ, занялъ Силезію (1741).

Марія-Терезія, оставшись безъ союзниковъ, считала себя погибшею. Бывъ тогда беременна, она говорила, что ей не останется ни одного города, гдѣ бы она могла разрѣшиться отъ бремени. Но Англія и Голландія не всостояніи были спокойно смотрѣть на успѣхи Франціи. Миролюбивый Вальполь падаетъ: новое министерство доставляетъ способы Маріи-Терезіи; Англійская эскадра принуждаетъ Неаполитанскаго короля къ неутралитету. Король Прусскій, получившій все, чего ему хотѣлось, мирится. Оставшіеся въ Богеміи Французы теряютъ Прагу и съ трудомъ возвращаются къ предѣламъ своего отечества, по дорогамъ, заваленнымъ

снѣгомъ. Бель-Иль утѣшался только тѣмъ, что сравнивалъ себя съ Ксенофонтомъ (1742).

Французская армія при Деттингенѣ напала врасплохъ на Англичанъ, сошедшихъ на твердую землю; но, вмѣсто побѣды, сама потерпѣла пораженіе (1743). Вслѣдъ за тѣмъ Французы прогнаны были за Рейнъ, а бѣдный Баварскій императоръ оставленъ въ жертву мщенію Австріи.

Не этого хотѣлъ король Прусскій. Усилившись, Марія-Терезія, возвратила-бы Силезію. Фридрихъ, принявъ опять сторону Франціи и Баваріи, вторгнулся въ Богемію; тремя побѣдами обезопасилъ завоеванную имъ Силезію, занялъ Саксонію и принуждалъ императрицу и Саксонцевъ подписать Дрезденскій миръ. По смерти императора, Марія-Терезія провозгласила императоромъ своего супруга (Франциска I-го 1745).

Между тѣмъ Французы одерживали верхъ въ Италіи. При помощи Испанцевъ, короля Неаполитанскаго и Генуезцевъ, они возстановили Донъ Филиппа на престолѣ Миланскомъ и Пармскомъ. Въ Нидерландахъ, подъ предводительствомъ маршала де Сакса, они выиграли сраженіе Фонтеноаское и Рокусское (1745-6). Первое, столь славное въ военной исторіи, было почти проиграно, когда Ирландецъ Лалли, питавшій непримиримую ненависть къ Англичанамъ, подалъ мысль разстроить ихъ колонны выстрѣлами изъ четырехъ пушекъ. Герцогъ Ришельё, искусный придворный, приписалъ себѣ и мысль и славу успѣха. Ирландецъ первый ворвался въ Англійскіе ряды съ обнаженною шпагою. Въ томъ же самомъ году Франція высадила на берега Англіи самаго грознаго врага ея, претендента. Горные жители Шотландскіе приняли его съ востор-

гомъ и, ринувшись съ своихъ высотъ съ быстротою потока, захватывали пушки и истребляли своими кинжалами Англійскіе эскадроны. Франціи слѣдовало бы поддержать эти успѣхи; но флотъ ея находился въ самомъ жалкомъ положеніи. Лалли, получивъ нѣсколько кораблей, не могъ пристать съ ними къ берегамъ Шотландіи, которые были защищаемы Британскимъ флотомъ. Англичане, превосходя Шотландцевъ числомъ, богатствомъ, кавалеріею и артиллеріею, разбили ихъ при Кюлоденѣ (1745 - 1746).

Въ это самое время Испанцы вышли, а Французы были вытѣснены изъ Италіи. Послѣдніе обратились на Нидерланды. Англія, опасаясь за независимость Голландіи, возстановила въ ней Штатгальтерское достоинство; между тѣмъ быстрые завоеванія Франціи въ Голландскихъ областяхъ заставили воюющія державы склониться на миръ. Франція потеряла свой флотъ и свои колоніи; Русскіе въ другой разъ показались на Рейнѣ; но Ахенскій миръ возвратилъ ей колоніи, утвердилъ Силезію за Пруссіею и доставилъ Испанскимъ Бурбонамъ Парму и Пьяченцу. Сверхъ всякаго ожиданія, Австрійская имперія сохранила свою политическую независимость (1748).

Франція въ настоящую войну имѣла случай узнать свою слабость, но не воспользовалась этимъ урокомъ. За правленіемъ дряхлаго прелата, настало правленіе любовницъ. Дѣвица Пуассонъ, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ Маркизы Помпадуръ, царствовала двадцать лѣтъ. Принадлежа по происхожденію своему къ среднему сословію, она иногда показывала патріотическія чувствованія. Контролеръ Машо, обязанный ей своимъ полити-

ческимъ существованіемъ, думалъ обложить духовенство податью; д'Аржансонъ, при устройствѣ военнаго управленія, обнаруживалъ умъ и строгость Лувуа. Между тѣмъ какъ Парламентъ и духовенство были въ раздорѣ, философія расширяла кругъ своихъ дѣйствій, имѣла приверженцевъ даже между придворными. Самъ король, при всей своей ненависти къ новымъ идеямъ, дозволялъ печатать въ собственной типографіи экономическія творенія врача своего Кене (Quesnay), касательно введенія во Францію поземельной подати. По его системѣ дворянство, какъ главнѣйшіе владѣльцы земель, обязаны были участвовать въ государственныхъ повинностяхъ. Но всѣ эти проэкты, по непріязненности привилегированныхъ сословій, оставались безъ практическаго примѣненія; между тѣмъ правительсто, ласкаемое философами, которые старались вооружить его противъ духовенства, безпокойнымъ взоромъ слѣдило за ихъ успѣхами. Волтеръ писалъ всеобщую исторію, направленную противъ Христіанства (Essai sur les moeurs, 1756). Мало по малу новая философія начала сбрасывать съ себя политическія формы, въ которыя облекъ ее Волтеръ. Въ 1748, президентъ Монтескіе, основатель Академіи естественныхъ наукъ въ Бордо, изложилъ, хотя въ слабыхъ и не совершенно связныхъ формахъ, матеріалистическую теорію законодательства, которое у него выводится изъ вліянія климатовъ; такова по крайней мѣрѣ господствующая мысль его духа законовъ — этого остроумнаго, блестящаго и часто глубокомысленнаго сочиненія. Въ 1749 г. вышло обширное твореніе графа Бюффона — Естественная Исторія. Въ 1751 г. появились первые томы энциклопедіи, исполинскаго памятни-

ка XVIII столѣтія, которое должно было отразиться въ немъ со всею своею полемикою и догматизмомъ, съ экономіею и математикою, съ своимъ безвѣріемъ, филантропіею, атеизмомъ и пантеизмомъ, съ д'Аламбертомъ и Дидро. Наконецъ все, что заключалъ въ себѣ этотъ вѣкъ высказано было въ твореніи Кондильяка: Traité des sensations, 1754. Между тѣмъ Волтеръ продолжалъ свои нападенія на религію; какъ-бы для того, чтобы наблюдать заходомъ просвѣщенія въ Европѣ, онъ поселился въ самомъ центрѣ, между Франціею, Швейцаріею и Германіею, у самыхъ воротъ Женевы, въ отечествѣ древнихъ Вальденсовъ, Арнольда Бресчіи, Цвингля и Кальвина.

Фридрихъ стоялъ тогда на высшей степени своего могущества; съ тѣхъ поръ, какъ завоевалъ Силезію, онъ не щадилъ никого; среди Потстдамскаго двора своего, этотъ воинъ насмѣхался надъ философами, оскорблялъ Волтера, главнаго представителя общественнаго мнѣнія; сыпалъ свои эпиграммы на современныхъ королей и королевъ; онъ не вѣрилъ ни въ красоту Г-жи Помпадуръ, ни въ поэтическій геній аббата Берни, въ то время перваго Французскаго министра. Марія-Терезія, полагая, что настала благопріятная минута для возвращенія Силезіи, взволновала противъ Фридриха всю Европу, особенно королевъ; она привлекла на свою сторону королеву Польскую и Императрицу Россійскую, и не постыдилась подкупить любовницу Людовика XV. Чудовищный союзъ Франціи съ дряхлою Австріею противъ государя, защищавшаго равновѣсіе Германіи, вооружилъ противъ него всю Европу. Одна только Англія приняла его сторону и давала ему пособіе. Ею управлялъ то-

гда одержимый подагрою адвокатъ, знаменитый Вилліамъ Питтъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Лорда Чатама. Онъ возвысился силою своего краснорѣчія и непримиримою ненавистью къ Франціи. Англія предположила себѣ двѣ цѣли: сохранить равновѣсіе Европы и разорить Французскія и Испанскія колоніи. Причины, побуждавшія ее къ войнѣ, были весьма важны: Испанцы преслѣдовали ея контробандистовъ, а Французы не позволяли ей заводить поселенія въ принадлежавшей имъ части Канады. Въ Остъ-Индіи Ла Бурдонне и Дюплейссъ пытались основать сильное государство въ виду Британскаго могущества. Англичане, вмѣсто объявленія войны, конфисковали триста Французскихъ кораблей (1756).

Болѣе всего удивляетъ въ этой войнѣ то, что Пруссія, въ одно и тоже время, съ успѣхомъ выдерживала нападенія Австріи, Франціи и Россіи. Здѣсь начинается вторая эпоха военнаго искусства. Недальновидные противники Фридриха воображали, что онъ обязанъ былъ успѣхами точности движеній своихъ солдатъ, ловкости ихъ въ марширований и искусству стрѣлять изъ ружья пять разъ въ одну минуту. Правда, Фридрихъ усовершенствовалъ механическую часть военнаго искусства; но это было возможно и для другихъ. Онъ выигрывалъ быстротой маневровъ и счастливымъ распоряженіемъ движеній, дававшихъ ему возможность сосредоточивать въ одинъ пунктъ большія массы и устремлять ихъ на слабыя мѣста непріятельской арміи.

Въ этой упорной войнѣ большихъ союзныхъ армій съ Пруссакомъ, нельзя не удивляться забавной осторожности Австійскихъ тактиковъ и безразсудному тщеславію Французской знати, занимавшей

высшія мѣста арміи. Австрійскій Фабій, благоразумный и медленный Даунъ, ограничивался только оборонительною войною; онъ ограждался самыми крѣпкими лагерями, располагалъ ихъ на самыхъ неприступныхъ горахъ; а между тѣмъ Фридрихъ вездѣ разбивалъ его неподвижныя арміи.

Сначала онъ отдѣлался отъ Саксонцевъ, не причинивъ имъ никакого вреда; онъ только обезоружилъ ихъ; потомъ, вторгнулся въ Богемію. Оставленный Англійскимъ войскомъ, которое при Клостеръ-Севенѣ обязалось перестать драться, и угрожаемый Русскими, побѣдившими одного изъ его генераловъ при Іегерндорфѣ, онъ идетъ въ Саксонію и сталкивается тамъ съ Французскими и Имперскими войсками: Пруссію окружали четыре арміи. Считая себя погибшимъ, Фридрихъ рѣшился не щадить своей жизни, и писалъ уже объ этомъ сестрѣ и д'Аржансу, говоря между прочимъ:

Pour moi, menacé du naufrage,
Je dois, en affrontant l'orage,
Penser, vivre et mourir en roi. (*)

Окончивъ письма, онъ вступилъ въ сраженіе и — одержалъ побѣду. Князь Субизъ, воображая, что Фридрихъ отступаетъ, бросился преслѣдовать его; тогда Пруссаки, развернувъ свои колонны, нападаютъ на непріятеля, умерщвляютъ у него три тысячи человѣкъ и семь тысячь берутъ въ плѣнъ. Въ лагерѣ они нашли цѣлую армію поваровъ, комедіантовъ, парикмахеровъ, множество попугаевъ, зонтиковъ,

(*) Что касается до меня, угрожаемый кораблекрушеньемъ, я долженъ, не страшась бури, мыслить, жить и умереть, какъ прилично королю.

ящиковъ съ ухами и проч. (177). Только тактикъ можетъ слѣдовать за Фридрихомъ въ его искусныхъ и образцовыхъ движеніяхъ. Семилѣтняя война, какъ ни богата событіями, носитъ характеръ политическій и стратегическій; она не имѣетъ интереса войнъ, волновавшихъ шестнадцатое и девятнадцатое столѣтія.

Росбахское пораженіе, повторившееся при Кревельтѣ, важныя неудачи, невыкупленныя малозначительными успѣхами, конечное разрушеніе Французскаго флота и разореніе колоній, владычество Англичанъ на моряхъ, и завоеванія ихъ въ Индіи, слабость, униженіе всей древней Европы предъ юною Пруссіею: вотъ событія, ознаменовавшія Семилѣтнюю войну. Она кончилась въ министерство Шуазёля. Этотъ умный министръ думалъ, что фамильный союзъ между всѣми отраслями дома Бурбоновъ усилитъ вліяніе Франціи на дѣла Европы (1761).

Между тѣмъ, какъ неудачи въ Семилѣтней войнѣ унижали національное достоинство Франціи, кровавая драма прошедшаго столѣтія быстро приближалась къ своей развязкѣ. Кто былъ побѣжденъ въ настоящую и предшествовавшую войны? Не Франція; но дворянство, исключительно снабжавшее армію офицерами и генералами. Враги Франціи, послѣ Шевера и д'Асса, не могли сомнѣваться въ храбрости Французовъ. Развѣ не видѣли они, какъ наши солдаты въ Экзильскомъ сраженіи подъ огнемъ батарей взбирались на Альпы и отважно кидались на непріятельскія пушки? Изъ генераловъ тогдашнихъ только Саксъ и Бролли заслужили вниманіе потомства,—и оба они были иностранцы. Тотъ, который присвоилъ себѣ честь Фонтенуасской побѣды, великій полководецъ прошедшаго вѣка, по увѣренію жен-

щинъ и придворныхъ, *Магонскій побѣдитель*, старый Алкивіадъ стараго Волтера, — однимъ словомъ, Ришельё достаточно доказалъ пятью походами въ послѣднюю войну, что онъ не заслужилъ своей громкой славы. Покрайней мѣрѣ, его кампаніи были для него очень прибыльны; онѣ доставили ему способы воздвигнуть на нашихъ бульварахъ изящный Гановерскій павильонъ.

Предъ концемъ постыдной для Французовъ Семилѣтней войны, которая обнаружила всю слабость аристократіи, родилась плебейская мысль. Франція какъ будто кричала Европѣ: не я побѣждена! Въ 1750 году появляется сынъ Женевскаго часоваго мастера, Жанъ-Жакъ Руссо, бывшій по-перемѣнно бродягою, писателемъ и лакеемъ, по ненависти къ философіи и сословію ученыхъ, онъ проклинаетъ науки; потомъ, по ненависти къ выродившемуся дворянству, проклинаетъ неравенство (1754). Эта страсть къ разрушенію проявляется въ письмахъ новой Элоизы (1759). Натурализмъ развитъ имъ въ Эмилѣ, деизмъ въ Исповѣди Савойскаго Викарія (1762); наконецъ въ разсужденіи своемъ о Началахъ Общества (Contrat-Social) онъ пламенно изобразилъ основныя идеи революціи.

Революція приближалась съ непреоборимою силою, само правительство споспѣшествовало этому. Въ 1763 году оно воздвигло сій храмъ, *Пантеонъ*, долженствовавшій впослѣдствіи принять въ число своихъ боговъ Волтера и Руссо. Въ 1764, оно уничтожило орденъ Іезуитовъ; въ 1771—Парламентъ. Покорное орудіе необходимости, оно хладнокровно разрушало все то, что еще сохранялось отъ развалившагося зданія среднихъ вѣковъ.

Іезуитскій орденъ, который почитали столь силь-

нымъ, былъ уничтоженъ во всей Европѣ однимъ ударомъ. Такъ точно въ четырнадцатомъ столѣтіи погибли Тампліеры, когда система, которой они были представителями, отжила свое время. Іезуиты преданы суду Парламентовъ, самыхъ непримиримыхъ враговъ ихъ. Какъ несчастія, постигшія Янсенистовъ обрушились на Іезуитовъ, такъ и теперь паденіе послѣднихъ было гибелью для Парламентовъ. Непрочность равновѣсія властей въ старой монархіи происходила отъ угодливой Парламентской оппозиціи, которая, обнаруживая иногда въ своихъ рѣшеніяхъ нѣкоторый духъ независимости, уступала потомъ во всемъ королевской власти. Нѣсколько смѣлыхъ умовъ, и особенно Бретанецъ Ла-Шалоте, рѣшились оставить эту эластическую систему. Въ процессѣ герцога Егильона Парламенты показали неповиновеніе королевскимъ повелѣніямъ и были уничтожены (1771). Впрочемъ, не судьямъ Лалли, Каласа, Сирвена и Лабара предназначено было произвести революцію; еще менѣе можно было ждать ее отъ партіи, низвергнувшей ихъ. Остроумный Аббатъ Терре и забавный Канцлеръ Мопу (Maupeou), союзники герцога Егильона и Г-жи дю Барри, не имѣли силъ. Терре, управлявшій финансами, нѣсколько исправилъ вкравшіеся въ нихъ безпорядки, но прибѣгнулъ для этого къ банкрутству. Мопу отмѣнилъ существовавшее до того времени обыкновеніе продавать судебныя мѣста; но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы люди, которымъ поручались эти должности, дѣйствительно исправляли ихъ безденежно. Вообще издѣвались надъ ихъ преобразованіями, а сами они болѣе всѣхъ. Появленіе записокъ Бомарше возбудило неумолкаемый хохотъ. Самъ Людовикъ XV читалъ ихъ съ удоволь-

ствіемъ. Самолюбивый государь лучше всякаго видѣлъ тучу, собиравшуюся надъ монархіею; но онъ основательно заключалъ, что она еще переживетъ его (Людовикъ умеръ въ 1774).

Среди этихъ-то неблагопріятныхъ обстоятельствъ вступилъ на престолъ злополучный преемникъ его Людовикъ XVI. Произшедшее во время праздниковъ, данныхъ по случаю его брака, несчастіе, жертвою котораго сдѣлались многія сотни народа, сочтено было нѣкоторыми за худое предзнаменованіе. Впрочемъ возшествіе на престолъ юнаго, добродѣтельнаго короля и его прелестной супруги оживило Францію великими надеждами. Для тогдашняго дряхлаго общества это была эпоха блаженства и сладостнаго умиленія; оно плакало, любовалось своими слезами и думало, что помолодѣло. Идиллія преобладала тогда надъ всѣми родами поэзіи; нѣжности Флоріана, невинность Геснера, безсмертная Эклога—Павелъ и Виргинія, всѣхъ приводили въ восторгъ. Королева построила себѣ въ Тріанонѣ деревушку, ферму. Это была ферма философіи. »Шуазёль былъ земледѣльцемъ, Вольтеръ мызникомъ.« Всѣ занимались народомъ, любили народъ, писали для народа; благотворительность была въ модѣ; творили небольшія милостыни и давали богатые праздники.

Въ то время, какъ высшее сословіе разыгрывало эту сентиментальную комедію, общее движеніе продолжалось и готово было ниспровергнуть всѣ общественныя основанія; самое довѣренное лице публики, Фигаро — Бомарше, съ каждымъ днемъ становилось злѣе; отъ комедіи онъ переходилъ къ сатирѣ, отъ сатиры къ трагедіи. Королевская власть, Парламенты, дворянство, — все начинало колебаться; міръ казался въ какомъ-то

опьяненіи. Самая философія страдала отъ нападеній Руссо и Жильберта. Не вѣрили ни во-что, ни въ религію, ни въ безбожіе, — между тѣмъ чувствовали потребность въ вѣрѣ; сильные умы тайкомъ ходили искать ее въ фонтасмагоріи Калліостро и чудесахъ Месмера. Въ сосѣдственныхъ съ Франціею странахъ преобладалъ скептицизмъ: за отрицательнымъ ученіемъ Юма слѣдовалъ мнимый догматизмъ Канта; превыше всего раздавался поэтическій голосъ Гёте, гармоническій, но безнравственный и равнодушный. Франція, волнуемая страстями, ничему не внимала. Въ то время, какъ Германія углублялась въ ученую эпопею, Франція оканчивала у себя общественную драму.

Самая комическая черта послѣднихъ временъ древняго общества есть та, что тогдашніе министры, замышляя исполинскіе планы, не въ силахъ были ничего выполнить. Шуазёль хотѣлъ помочь Польшѣ, унизить Англію и посредствомъ Европейской войны возвратить Франціи прежнее могущество; а между тѣмъ не могъ удовлетворять ежедневнымъ расходамъ; если бы онъ исполнилъ свои замыслы, то Парламенты, помогавшіе ему, лишили бы его своей опоры. Мопу и Терре распустили Парламенты и ни чѣмъ другимъ не могли замѣнить ихъ; они хотѣли преобразовать финансы, и употребили для этого грабителей казны. Въ началѣ царствованія Людовика XVI, великій и честный Тюрго (1774—1776) предлагалъ самыя дѣйствительныя для сего средства: экономію и уничтоженіе привиллегій. Но кому онъ предлагалъ ихъ? людямъ, пользовавшимся этими привилегіями; естественнымъ слѣдствіемъ его предложенія было то, что его низвергли. Между тѣмъ необходимость за-

ставила прибѣгнуть къ искусному банкиру, краснорѣчивому иностранцу, ко второму Лаву; но Неккеръ былъ гораздо честнѣе Лава. Онъ обѣщаетъ чудеса, успокоиваетъ всѣхъ, увѣряетъ, что непредприметъ коренной реформы. Его дѣйствія внушаютъ довѣріе, онъ прибѣгаетъ къ кредиту — и вездѣ находитъ деньги. Искусное его управленіе оживляетъ торговлю, торговля распространяетъ богатства. Несмотря однакоже на всѣ эти благоразумныя мѣры, Неккеръ кончилъ тѣмъ, что принужденъ былъ обратиться къ средствамъ, предложеннымъ Тюрго: къ экономіи и уравненію налоговъ. Отчетъ его служитъ торжественнымъ признаніемъ его безсилія (1781).

Должно согласиться, что Неккеръ встрѣтилъ большія препятствія. Ему нужно было удовлетворить и внутреннимъ расходамъ и тѣмъ, которыхъ требовала война за независимость юной Америки (*). (1778—1784). Франція противопоставила тогда Ан-

---

(*) *Примѣч.* Возрастающіе успѣхи колоній, особенно Французскихъ и Англійскихъ подъ сѣнью мира, которымъ онѣ пользуются въ началѣ восьмнадцатаго столѣтія; необычайное распространеніе сбыта колоніальныхъ произведеній; ослабленіе системы монополій, особенно въ Англіи, со времени возшествія на престолъ Гоноверскаго дома. — Колоніи возбуждаютъ въ Европѣ частыя войны, пока наконецъ главнѣйшія изъ нихъ отдѣляются отъ своихъ метрополій.

Послѣ униженія Франціи (утрехтскій миръ) и вліянія, пріобрѣтеннаго Англіею надъ Голландіею, флоты Великобританскіе имѣютъ рѣшительный перевѣсъ на моряхъ. Между тѣмъ борьба скоро возобновляется между Франціей и Англіей. Театромъ этой войны служатъ: Сѣверная Америка, Антильскіе острова, Восточная Индія, гдѣ паденіе Монголь-

глій другую соперничествующую Англію; правда, послѣдняя скоро забыла услуги Французовъ; но никогда деньги небыли употреблены съ большею пользою. Послѣднія морскія побѣды Франціи и созданіе Шербурга достаточно ее вознаграждали. Это была эпоха всеобщаго энтузіазма. Франція завидовала Америкѣ въ томъ, что она имѣла Франклина.

Король, видя безполезныя усилія министровъ—патріотовъ, Тюрго и Неккера, и повѣривъ королевѣ и приближеннымъ своимъ, рѣшился назначить министровъ изъ придворныхъ. Нельзя было найти министра пріятнѣе Калона; ненадобно было лучшаго проводника, чтобы веселѣе низвергнуться въ бездну. Потерявъ кредитъ, созданный благоразуміемъ Неккера, онъ принужденъ былъ созвать Нотаблей (1787). Нужно было признаться имъ, что займы въ нѣсколько лѣтъ достигли ужасающей суммы: тысячи шести сотъ сорока милліоновъ, и что ежегодно расходы превышали доходы 140 милліонами. Нотабли, сами принадлежавшіе къ привиллегированнымъ классамъ, вмѣсто денегъ, давали совѣты. Назначенный ими, на мѣсто Калона, Бріенъ, прибѣгнулъ къ новымъ налогамъ; но Парламентъ не хотѣлъ признать ихъ дѣйствительности и требовалъ, чтобы

ской имперіи открываетъ обширное поприще для Европейцевъ. Сначала Франція побѣждена въ Сѣверной Америкѣ; потомъ Англійскія колоніи, не боясь уже сосѣдства ни Французовъ, ни Испанцевъ, при помощи первыхъ, свергаютъ съ себя иго Англіи. Послѣдняя вознаграждаетъ потери свои завоеваніемъ Голландскихъ поселеній въ Индіи и Индѣйскаго материка.

созваны были Генеральные Штаты, то есть, требовалъ собственной своей погибели и разрушенія древней монархіи.

Попытки философовъ, банкировъ и придворныхъ оказались безуспѣшными въ лицѣ Тюрго, Неккера Калона и Бріена. Привиллегированныя сословія не хотѣли платить, а народъ былъ не въ состояніи выносить долѣе тяжкихъ налоговъ. Государственные Чины, какъ справедливо замѣтилъ одинъ знаменитый историкъ, только изъявили свое согласіе на революцію, которая уже прежде совершилась (собраніе Государственныхъ Чиновъ открыто Мая 1789).

КОНЕЦЪ.

Географическое Общество
БИБЛИОТЕКА
Союза ССР

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
8	23	ces Atrebates	Les Atrebates
31	18	Авитаніи	Аквитаніи
43	25	To biac	Tolbiac
48	9	ихъ Германъ-Саюль	ихъ кумиръ Германъ-Саюль
57	31	Британія	Бретань
61	14	предавшейся	Преданной
—	2	Норманліи	къ Норманліи
70	28	бывлъ	былъ
72	24	Аленской	Ахенской
77	10	Кирловинговъ.	Карловинговъ,
77	22	Ричарта	Ричарда
81	20	не упала	не упала духомъ
85	6	на нес	на Англію
90	17	Guatier	Gautier
94	26	завоеванія	завоеватели.
106	23	Кламета	Климента
—	4	перые	первые
134	17	Беатраксѣ	Беатриксѣ
135	18	старшаго	стараго
153	30	спасло	спасли
137	9	татимъ	такимъ
140	31	нужны	нужды
160	15	констѣалбь	Конетабль
161	32	Jagneric	Jaquerie
172	29	Herengs	Harengs
202	11	онъ	оно
200	24	считата	считала
208	5	перйдетъ	перейдетъ
210	21 22	состаляли	составляли
237	13	уничтожилъ	уничтожили
241	17	излишенствомъ	излишествамъ
261	14	Микявиля	Маккіавеля
269	22	къ себя	къ себѣ
282	10	жежду	между
286	25	вооружился противъ Франціи Испаніи и Австріи	вооружилъ противъ Франціи Испанію и Австрію
308	29	Ловъ	Лавъ
322	1	ухами	духами
327	12	Налаговъ	Налоговъ

M –

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

533

Проверено
1954 г